

16+

ВОЙНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Нижневартовск
НВГУ
2026

Нижневартовск, 11 ноября 2025 года

Печатается по решению Ученого совета
ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»

В 65 Война в отечественной и всемирной истории: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Нижевартовск, 11 ноября 2025 года) / отв. ред. Л.А. Хмелева. Нижевартовск: изд-во НВГУ, 2026. 219 с.

ISBN 978-5-00047-738-0

В сборнике представлены доклады участников Всероссийской научно-практической конференции «Война в отечественной и всемирной истории», состоявшейся в Нижевартовском государственном университете 11 ноября 2025 года. Конференция посвящена 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и приурочена к Году Защитника отечества в России, Году исторического наследия в Югре.

Преподаватели, научные сотрудники, сотрудники музеев, аспиранты, студенты из 15 регионов Российской Федерации представили свои исследования по следующим тематическим направлениям: войны как общественно-историческое явление (методология, историография, источники); войны и военное искусство на разных исторических этапах; экономические и социально-гуманитарные аспекты войн в истории; преподавание военной истории в России; историческая память о защитниках отечества и проблемы ее формирования; патриотизм как фактор победы в Великой Отечественной войне и национальной безопасности современной России.

Материалы сборника адресованы всем, кто интересуется вопросами отечественной и всемирной истории.

ББК 72я43

Тип лицензии CC, поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© Нижевартовский государственный университет, 2026

Изд. лиц. ЛР №020742.
Опубликовано 13.02.2026. Формат 60×84/8
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. листов 14,56
Электронное издание. Объем 3,4 Мб
Заказ 2353

Издательство НВГУ
628615, Тюменская область, г. Нижевартовск, ул. Маршала Жукова, 4
Тел./факс: (3466) 24-50-51, E-mail: red@nvsu.ru

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ СССР В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (1941–1945): ЭТАПЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ДАННЫХ И ИХ ОБНАРОДОВАНИЯ

Аннотация. Предметом рассмотрения в статье является выявление динамики в данных о потерях военных и гражданского населения СССР в годы Великой Отечественной войны в соответствии с предложенной периодизацией их опубликования в отечественной историографии в советский и постсоветский периоды истории.

Ключевые слова: война; потери; этап; данные; численность; сведения.

Введение. По теме создана многочисленная разнообразная литература, включающая научные, «официальные», а также и псевдонаучные издания. Иногда может показаться, что тема изучена. Однако, это не так. По вопросу о людских потерях, как пишет известный демограф В.Б. Жиромская, дискуссия не стихает, и называются различные расчетные оценки [2, с. 348]. Разница в оценках потерь сохраняется до настоящего времени. И, если масштаб потерь мы представить можем, то установить точную численность отдавших жизни за Родину бойцов, погибшего мирного населения не удастся, вероятно, никогда. В современных условиях, когда в политических кругах и поддерживающих их публицистов на Западе осуществлена переоценка вклада в разгром фашизма СССР, когда современные поколения в России плохо знают всемирную историю, прошлое своей страны и Великой Отечественной войны в частности, тема приобретает жизненно необходимую актуальность. Молодым поколениям россиян необходимо понимать истоки противостояния России и Запада, нужно знать о той цене, которую заплатили наши предки за победу в 1945 г. и понимать значение для цивилизации этого подвига народов СССР. Историческая правда нуждается в трансляции как внутри России, так и за ее пределами.

Цель статьи состоит в том, чтобы на основе анализа исследовательской литературы представить этапы опубликования официальных данных о людских потерях СССР в Великой Отечественной войне (1941–1945) в советский период истории, показать динамику в изменении количественных показателей потерь, установленных к настоящему времени в отечественной науке.

Теоретическую основу статьи составили публикации известных специалистов по военной истории в рамках исследования темы людских потерь. Это работы Г.Ф. Кривошеева, В.М. Андронникова, П.Д. Бурикова, В.В. Гуркина. Кроме них, использованы результаты исследований Н.В. Земскова, В.В. Литвиненко, В.Б. Жиромской и др. Основными методами в исследовательской статье стали структурный, системный, историко-сравнительный, аналитико-синтетический, позволившие выполнить поставленную исследовательскую цель.

Результаты и дискуссия. Россия за всю историю существования государства не воевала только сто сорок лет, да и то не подряд, утверждает В.А. Литвиненко [7, с. 52]. Война как общественно-политическое явление сопряжена не только со значительными материальными

издержками, но и людскими военными потерями, а также жертвами среди гражданского населения, что нуждается, по мнению многих специалистов, в морально-этическом обосновании. Таким обоснованием становится оценка характера войны как справедливой или несправедливой по тем или иным критериям [7, с. 53]. Для нас прошедшая война справедливая, а для кого-то агрессия. Все дело в разных проектах мироустройства, базирующихся на разных системах ценностей. В.Э. Багдасарян считает Великую Отечественную войну цивилизационной, поскольку в ней столкнулись разные цивилизации – западная и российская [1, с. 7-8]. Германский нацизм был исторически порожден Западной цивилизацией, несущей ответственность за его существование не только в прошлом, но и сегодня [1, с. 12]. Славянские и другие народы СССР попадали в число «недочеловеков» и на них не распространялись ни одна из принятых конвенций. Иначе говоря, как заметил В.А. Литвиненко «цивилизованное ведение войны» применимо только в отношении «цивилизованного противника» (т. е. себя самого), а в отношении всех прочих допустимы любые методы. Подобное применение «двойных стандартов» можно наблюдать и в современных войнах. Те же подходы – при всей лицемерной псевдо-гуманистической риторике с высоких международных трибун — продолжают доминировать и сейчас [7, с. 56]. Противостояние этих подходов не только в политике, идеологии, но и в исторической науке. В науке существуют разные концепции, объясняющие государственный суверенитет. Одни считают, что необходимо укреплять суверенитет в рамках государственных интересов, а другие полагают, что надо интегрироваться в мировое сообщество и ограничивать его под задачи этой интеграции. В данном случае этот вектор приводит к десоверенизации. И этот магистральный путь – путь запада, а все остальные должны идти вслед за ними по начерченному плану.

Почему война для СССР была справедливой хорошо понимали поколения военных и послевоенных лет, население СССР в целом, где патриотическое и нравственное, трудовое и эстетическое воспитание осуществлялись самым действенным образом. Советский народ – это то уникальное явление, которое не взяли в расчет разработчики плана войны против СССР. Цель фюрера Третьего Рейха заключалась в уничтожении советского государства как препятствия на пути Германии к мировому господству. Помощь Германии почти всей Европы, ее союзнические отношения с многими странами, сделали эту войну для СССР войной за спасение, выживание, что потребовало мобилизации всех ресурсов, в том числе и человеческих, чтобы разгромить врага. Для советского народа эта война стала священной, надо, чтобы и в современном обществе она обрела этот сакральный смысл. А для этого необходимо прежде всего средствами преподавания истории, организации всей системы идейно-воспитательной работы подрастающего поколения формировать отношение преемственности современных поколений россиян к поколению защитников Отечества.

Цена за Победу оказалась настолько высокой, что людские потери оказали влияние на последующее демографическое, социально-экономическое развитие. Численность населения СССР на 22.06.1941 г. составляла 196,7 млн чел. [6, с. 45].

О людских потерях в СССР долгое время не сообщалось по понятным причинам. Во-первых, военные потери относятся к тем вопросам, ответы на которые могут быть чрезвычайно болезненны для общества, ими могут манипулировать враги Отечества, что чревато дестабилизацией для страны. Во-вторых, недоступность засекреченных сведений в СССР продолжительное время не позволяла осуществлять разносторонние исследования в этой области. Однако, на официальном уровне создавались специальные комиссии (рабочие группы), занимавшиеся систематизацией доступных сведений и подсчетом понесенных в войну потерь.

На современном этапе развития отечественной историографии можно выделить этапы в динамике представления официальных данных о потерях в годы войны, что нашло отражение в ряде научных работ. Наиболее отвечающей цели нашей статьи является работа В.Н. Земскова [4], опубликованной в 2017 г., в которой автор показал эволюцию официальной статистики потерь и предпринял попытку установить действительное число потерь военнослужащих и гражданского населения СССР в Великой Отечественной войне.

Потери Красной Армии в отечественной науке принято рассматривать в двух категориях: демографические и военно-оперативные. Демографические потери в Вооруженных силах (далее – ВС) рассматривают по двум группам: боевые (понесенные войсками в результате непосредственного выполнения боевых задач: убитые в бою, умерли от ран на этапах санитарной эвакуации и в госпиталях) и небоевые (не связаны с выполнением боевых задач: погибшие в результате происшествий, осужденные к высшей мере наказания, покончившие самоубийством, умершие от болезней и в плену) [10, с. 6-7].

Впервые сведения о потерях ВС в Великой Отечественной войне (7 млн чел.) страна получила в феврале 1946 г. в связи с публикацией в журнале «Большевик», о чем сообщают во многих трудах [7, с. 56]. В марте 1946 г. И.В. Сталин в интервью корреспонденту газеты «Правда», официального органа издания ВКП (б), эту цифру подтвердил. На самом деле, как пишет В.Н. Земсков, И.В. Сталину были известны совсем другие данные (15 млн чел.) [4, с. 97-98]. Они были получены из доклада комиссии, которой руководил председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский (начало 1946 г.), занимавшейся выявлением потерь. Однако, эти данные, вдвое превосходившие первоначальные, не были сообщены. Данные о людских потерях в количестве 7 млн чел. считались официальными и ими оперировали в СССР вплоть до 1965 г.

Когда появились количественные данные о 20-миллионных потерях человеческих жизней в СССР? В 1956 г. Н.С. Хрущеву в Докладной записке В.Н. Старовского (начальника Центрального статистического управления СССР) были предоставлены данные о том, что потери ВС и истребление мирного населения на оккупированных территориях составляли свыше 20 млн чел. Н.С. Хрущев не решался эти данные сделать открытыми. Однако, в 1961 г. в письме шведскому премьеру отмечал, что СССР потерял в войне 20 млн жизней [4, с. 100], при этом в советском обществе по-прежнему официальная цифра потерь составляла 7 млн чел.

1965 г. в истории нашей страны – это год 20-летия победы в Великой Отечественной войне советского народа. Новый генеральный секретарь ЦК КПСС – Л.И. Брежнев принял

решение о праздновании Дня Победы впервые за 20-летний период в СССР. 30 апреля состоялась пресс-конференция в честь этого события и в ее ходе маршал Советского Союза И.С. Конев сказал, что *боевые потери* составили 10 млн. Как мы видим, в данном случае речь шла только о потерях ВС.

Следующий этап в обнаружении людских потерь связан с выходом в свет энциклопедии, опубликованной к 40-летию победы (1985 г.). В ней указывалось, что людские потери составили около 20 млн чел., в том числе на оккупированной территории фашисты уничтожили 11 млн чел. (7 млн мирных жителей и около 4 млн военнопленных) [11, с. 509]. Этими данными руководствовались в СССР с 1965 г. до середины 1980-х гг. Эти данные потерь в Великой Отечественной войне включали как потери военных, так и мирного населения.

В 1985 г. для СССР начался этап предательских горбачевских реформ, приведших к распаду советского государства. В годы так называемой «перестройки» работа по установлению людских потерь в Великой Отечественной войне активизировалась. В 1988–1989 гг. были установлены боевые (безвозвратные) потери СССР. Безвозвратные потери включали тех, кто погибли в бою, пропали без вести, не вернулись из плена, умерли в госпиталях, а также тех, кто умерли от несчастных случаев из числа военнослужащих. Выявленная численность погибших в ВС составила 8 млн 668 тыс. 400 чел. Были установлены и санитарные потери (раненые, контуженные, обмороженные и заболевшие). Они исчислялись 18 млн чел. Таким образом, совокупная численность потерь составила 26 млн 668 тыс. 400 чел.

Следующим этапом в установлении и опубликовании данных о потерях стали 1990-е гг. Тогда были устранены препятствия не только к исследованию чрезвычайно важной для общества темы, но и появлению разного рода публикаций, не всегда носивших научно-обоснованный характер, а также распространению различных комментариев и критических суждений, использовавшихся нередко во вред нашему прошлому и настоящему.

В 1993 г. появилась книга «Гриф секретности снят» [5]. Труд опубликован под ред. генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева. В ней раскрыты методика, результаты подсчета военных потерь и их структура. Впервые были представлены обществу потери личного состава фронтов ВС, участвовавших в проведении оборонительных и наступательных операций, а также сведения о составе войск и потерях при осуществлении стратегических операций. В ней общие потери оценивались почти в 27 млн чел., а военные – почти 8,7 млн. На основе этих данных был сделан вывод о том, что потери мирного населения были значительно выше потерь военных. С этим выводом категорически не согласен В.Н. Земсков.

В изданной в 1995 г. «Всероссийской Книге Памяти» подробно описывалась методика подсчетов, по результатам которой получилось 26,6 млн чел. всех людских потерь СССР в Великой Отечественной войне. Мы видим, что эти данные совпадают с теми, что были представлены в 1989 г.

В конце 1980-х гг. в результате исследований демографов и государственной комиссии по уточнению потерь данная цифра стала итоговой [6, с. 43]. В указанное число людских потерь вошли не только военнослужащие и партизаны, убитые в бою, умершие от ран и болезней, но и мирные граждане, погибшие от бомбежек, артобстрелов, карательных акций,

расстрелянные и замученные в концлагерях военнопленные, подпольщики и те, кто не вернулся из Германии, будучи угнанными на каторжные работы.

В.Н. Земсков привел систему доказательств того, что на самом деле прямые людские потери составляли около 16 млн человек, из них 11,5 млн – военные и 4,5 млн – гражданские [4, 97-122]. Ученый отстаивал позицию, что потери СССР в войне были значительно преувеличены.

В 2018-2019 гг. В.Б. Жиромская, В.А. Исупов, Г.Е. Корнилов провели демографическое исследование [3] и установили, что общая убыль населения по СССР составила около 28 млн человек, а по РСФСР по данным ЦСУ с учетом коррекции 21,5 млн человек [2, с. 349]. В 2020 г. авторской группой Генерального штаба и Военно-мемориального центра ВС РФ была опубликована Книга потерь [6]. Используя ранее недоступные широкой общественности документы, Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андронников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин уточнили общие потери военнослужащих и гражданского населения в период Великой Отечественной войны. Они составили по потерям военнослужащих 11 444,1 тыс. чел. [6, с. 51]. По безвозвратным потерям списочного состава – 8 668,4 тыс. чел. [6, с. 51]. По состоянию на 1 июля 1945 г. в ВС по списку оставалось 11 390,6 тыс. чел. [6, с. 42]. Численность мирного населения, преднамеренно истребленного на оккупированной территории составила 7 420 379 чел. [6, с. 46]. В Германию угнали 5 269 513 чел. [6, с. 47]. Число жертв гражданского населения в период оккупации составило 13 684 692 чел. [6, с. 48]. В.Б. Жиромская считает, что в этих расчетах были учтены не все категории потерь [2, с. 353]. С.А. Ильенковым по картотеке архива Министерства обороны установлено 13,8 млн потерь военнослужащих. В.Б. Жиромская считает эти данные весьма выделяющимися из остальных, так как получены на основе весьма кропотливого изучения личных карточек военнослужащих [2, с. 351] и являются наиболее точными. В.Б. Жиромская приводит данные военно-медицинской статистики. Они показали санитарные потери (раненые, обожженные, обмороженные, заболевшие), которые составили более 22 млн чел. (из числа поступивших больных на излечение в медицинские учреждения вернулись в строй около 72%) [2, с. 352].

В отечественной литературе есть работы, авторы которых считают потери значительно большими (Б.В. Соколов, Л.Н. Лопуховский, Б.К. Кавалерчик, И.И. Ивлев), осуществившие самостоятельные подсчеты людских потерь Красной Армии, и критикующие результаты научной работы по теме потерь коллектива ученых во главе с Г.Ф. Кривошеевым. Особенно в этой группе оппонентов выделяется работа Б.В. Соколова, считающего, что людские потери СССР составили более 40 млн чел. [12, с. 233]. Однако, признанные в науке специалисты не считают эти данные объективными. Их труды, по мнению В.В. Литвиненко, нередко содержат агрессивно-обличительные упрёки в адрес военных историков [8, с. 67]. Этот военный историк считает претензии к группе Г.Ф. Кривошеева несостоятельными [9, с. 37].

Заключение. Анализ опубликованных данных о потерях в Великой Отечественной войне, выявление динамики в обнародовании потерь СССР позволяет выделить этапы:

- I. 1946–1964 гг. (численность людских потерь – 7 млн чел.)
- II. 1965–1987 (численность людских потерь – 20 млн чел.)

III. 1988 – до наших дней (численность людских потерь – около 27 млн чел.)

В ходе Великой Отечественной войны Советский Союз потерял около 27 млн человеческих жизней. Для многих исследователей оценка людских потерь СССР в 27 млн человек является опорной [2, с. 350]. Данные потери свидетельствуют: во-первых, об ожесточенном характере боевых действий; во-вторых, о том, что противник в отношении красноармейцев и их командиров не соблюдал документы международного характера (т.е. эта война не являлась конвенциональной); в-третьих, карательные и изоцирковые акции по истреблению мирного населения, осуществлявшиеся захватчиками, свидетельствовали не только об игнорировании международного гуманитарного права, но и о том, что ждало СССР в случае поражения.

Литература

1. Багдасарян В.Э. Великая Отечественная война как война цивилизационная: научно-методические рекомендации для новых учебников истории // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 2. С. 7-25. <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2025-2-7-25>
2. Жиромская В.Б. Людские потери В Великой Отечественной войне: дискуссионные вопросы // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: Материалы X Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2024. С. 347–357.
3. Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Население России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2019. №3. С. 3-17.
4. Земсков В.Н. Людские потери в СССР (к вопросу о степени достоверности имеющихся подсчетов) // Труды Института российской истории РАН. 2017. № 14. С. 97-122.
5. Кривошеев Г.Ф. Гриф секретности снят: потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: стат. исследование. М.: Воениздат, 1993. 415 с.
6. Кривошеев Г.Ф., Андронников В.М., Буриков П.Д., Гуркин В.В. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М.: Вече, 2020. 384 с.
7. Литвиненко В.А. Понятие «справедливой» и «несправедливой» войны в контексте миропроектной конкуренции // Метаморфозы истории. Псков, 2019. С. 52-62.
8. Литвиненко В.В. Исследовательский труд «Гриф секретности снят» и его оппоненты // Военная мысль. 2014. № 4. С. 67–78.
9. Литвиненко В.В. Цена Великой Победы // Военно-исторический журнал. 2018. № 12. С. 37-45.
10. Литвиненко В.В. Цена войны. Людские потери на советско-германском фронте. М.: Вече, 2015. 304 с.
11. Оккупационный режим // Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / Гл. ред. М.М. Козлов. М.: Сов. Энциклопедия, 1985. 832 с.
12. Соколов Б. СССР и Россия на бойне. Людские потери в войнах XX века. М.: Яуза-пресс, 2013. 448 с.

БОЕВОЙ ОПЫТ ЛЫЖНЫХ ОТРЯДОВ В СОВЕТСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается боевой опыт лыжных отрядов во время Великой Отечественной войны. Специфика природно-климатических условий и условий боевых действий сделали актуальным применение лыж в войне с противником. В довоенный период в СССР активно развивали массовый спорт и физическую культуру. Лыжные гонки стали одним из основных видов спортивной подготовки советских граждан. На регулярной основе проводились соревнования между рабочими коллективами, школьниками и студентами. С началом Великой Отечественной войны советские физкультурники и спортсмены массово пополняли ряды Советской армии, их специальные навыки стали незаменимыми при выполнении боевых задач. В статье рассматривается особенность задействования лыжных отрядов в военных операциях, анализируется дискуссия о более эффективном применении лыжников в условиях военных действий, предпринимается попытка систематизации видов боевых заданий, в которых принимали участие лыжные отряды. В конце делается вывод о вкладе лыжников-бойцов в победу над противниками в годы Великой Отечественной войны.
Ключевые слова: лыжный отряд; разведка; фланговый удар; пехота; лыжная подготовка.

Отдельные лыжные батальоны формировались зимой 1941–1942 гг., 1942–1943 гг. и 1943–1944 гг. 2 сентября 1941 ГКО приняло постановление № ГКО-613сс от 02.09.41. «О формировании 67 запасных лыжных полков». Так было положено начало формирования лыжных частей в Великой Отечественной войне. 15 сентября 1941 года ГКО постановлением № ГКО-680сс от 15.09.41 «Об укомплектовании лыжных батальонов» расширило контингенты, направляемые в лыжные части. В лыжные части направлялся цвет Советского Союза, молодежь и комсомольцы – самые смелые, инициативные, физически сильные, да и морально стойкие люди [2].

Зимой маневренность войск заметно снижалась, поэтому действия лыжных боевых отрядов становились особенно актуальными. Они могли передвигаться в отсутствие подготовленных дорог, лесистой местности, при значительных снежных покровах. Значительный боевой опыт лыжных отрядов позволяет выявить основные направления использования, тактические особенности, вклад лыжников в победу. Применение лыж в Красной Армии приняло грандиозные размеры. Лыжи – боевое оружие. Они значительно увеличили маневренность и вездеходность Красной Армии, силу и внезапность ее ударов. Лыжная подготовка резервов Красной Армии во всеобуче, физкультурных организациях, школах никогда не была столь интенсивной и грандиозной по масштабам, как во время Великой Отечественной войны. По всей стране развернулась подготовка к профсоюзно-комсомольскому лыжному кроссу имени 24-й годовщины Красной Армии. 24 ноября сводка Советского Информбюро впервые отметила действия лыжников: «На Волоколамском направлении партизаны-лыжники уничтожили конный обоз противника с боеприпасами, 2 автомашины и 42 немецких солдата, отставших от своих частей; взорвали немецкий танк,

застрявший на дороге». Немецкие карательные отряды рыщут по лесам, но партизаны-лыжники неуловимы... В одном из районов Ленинградской области фашистская комендатура строжайше запретила всему населению передвигаться на лыжах. Этот приказ относился и... к детям. Каждый русский, говорилось в приказе, встреченный на лыжах, будет тут же на месте расстрелян. Ясно, что приказ не испугал наших партизан. Они не сняли лыж с ног и по-прежнему остаются грозой для фашистского тыла [8].

Бойцы-лыжники были задействованы для решения разных задач. Среди них разведывательная деятельность, боевые операции в тылу противника и др. Одна из основных – это прорыв обороны противника. Среди военных не было единого мнения по вопросу роли лыжных частей в данных операциях. Одни считали возможным их использование в лобовых атаках, другие рассматривали в качестве резерва и подключения к фланговым прорывам. Полковник В. Валли приводит пример военной операции на Карельском фронте, целью которой был захват оборонительного рубежа противника и последующий выход к железнодорожному вокзалу. Он отмечает, что в начальной стадии операции действия лыжников были успешными, они прошли первую линию обороны, но затем прорыв захлебнулся, и бойцы отступили. Причину неудачи он видит в лёгком оружии, которое не соответствовало специфике операции. Другие примеры – когда лыжники совместно со стрелковой частью атаковали с фланга и добились цели, противник стал беспорядочно отступать. Ещё один пример относится к событиям на Карельском фронте. Лыжный отряд должен был зайти в глубокий тыл противника и уничтожить его гарнизоны. Также, как и в первом примере, сначала разведка собрала необходимую информацию о местоположении гарнизона, после этого отряд ночью совершил марш-бросок за линию фронта, окружили землянки и уничтожили личный состав. Утром отряд направился к другому населенному пункту. Впереди шёл хорошо вооружённый летучий отряд, в его задачи входило в том числе, не дожидаясь подхода остальных, при необходимости, вступать в бой с противником. Достигнув назначенного места, отряд окружил село и уничтожил гарнизон противника. На другой день операция повторилась ещё раз. В результате отряд уничтожил до 500 вражеских солдат и офицеров при незначительных собственных потерях [3]. Таким образом, при хорошо укреплённой обороне использовать лыжников как самостоятельные силы в лобовых атаках нецелесообразно, гораздо эффективнее их внезапные фланговые удары с выходом в тыл противника. В дальнейшем, лыжные отряды должны установить контроль над дорогами, осуществлять внезапные удары из засады, пытаться уничтожить подходящие резервы и технику противника. Кроме этого, осуществлять преследование отходящих сил противника. Когда советские войска выбили немцев из г. Клина, по дороге, соединявшей этот город с Волоколамском, отступал полк немецкой пехоты. Его преследовала часть командира тов. Селезнева. Был задуман смелый маневр. Тов. Селезнев приказал своим лыжникам-автоматчикам зайти в тыл врагу, окружить его и уничтожить. Отряд выполнил приказ командира. Лыжники догнали врага, обошли его и к вечеру были в тылу у немцев. В условленный час лыжники открыли огонь по вражеской пехоте. Огонь автоматчиков косил немцев, настигал их даже тогда, когда они пытались зарываться в снег. Фашисты пытались

обороняться, но было уже поздно: лыжники разгромили полк. В боях за г. Волоколамск серьезное значение имела деревня Ново-Петровское; здесь был узел дорог. Для овладения Ново-Петровским была выделена подвижная группа войск, состоявшая из бронемашин, лыжного отряда и автоматчиков. Лыжники перевозились на грузовых машинах. При столкновении с врагом они тотчас же становились на лыжи и начинали обтекать его, двигаясь по полям и лесам... После трехчасового боя противник в панике бежал из Ново-Петровского. Отряд лыжников под командованием старшего лейтенанта тов. Кузнецова проделал более чем 100-километровый марш по лесам и замерзшим болотам и внезапно налетел на Будогощь. Славные лыжники, вооруженные пулеметами и автоматами, блестяще выполнили задачу. Появившись в Будогощи с тыла, они приняли на себя огонь фашистской обороны. В это время наши части прорвали немецкие укрепления с другой стороны. Вскоре подошли танки. Судьба фашистов была решена. Ещё пример. На одном из участков Северо-Западного фронта немцы взорвали дорогу и думали, что им удалось уйти от преследования. Но не успели они пройти и несколько километров, как натолкнулись на наших лыжников, выскочивших из засады. Лыжники под командованием старшего лейтенанта Векшина обошли противника лесами и перерезали дорогу, по которой отступали немцы. В этой схватке было уничтожено более 200 немецких солдат и офицеров. Преодолевая сопротивление противника и нанося ему удары, наши войска продвинулись вперед и заняли г. Мосальск. Чем был обусловлен успех боя за Мосальск? Здесь командование наступающих частей широко применило тактику фланговых ударов по неприятелю. Несколько наших подразделений – одни на лыжах, другие на санях или верхом на лошадях – заходили во фланги отступающим. Фашисты пытаются противопоставить нашим лыжникам свои лыжные части. Что иногда получается из этого, видно из следующего краткого сообщения с Ленинградского фронта: «Наши лыжники полностью уничтожил лыжный отряд 323-го полка 285-й пехотной немецкой дивизии». Вместе с тем эти эпизоды говорят о том, что при обходных движениях для ударов по тылам и бою флангам врага лыжные части играют исключительную роль. Хорошо владеющий лыжами боец вдвойне грозен для противника [8].

В условиях особенной местности, с обилием лесов и болот, бойцы лыжных отрядов получали самостоятельные задачи в тылу врага. Один из самых известных примеров – подвиг 23 лыжников под командованием старшего лейтенанта К.З. Лазнюка. Отряд получил приказ атаковать деревню Хлуднево в Калужской области, в которой находились немцы. Соотношение сил было примерно 1:20. Отряд в начале провёл разведывательные действия, а потом совершил тридцатикилометровый бросок к указанному месту, где внезапно атаковал противника. Остаться в живых удалось только К.З. Лазнюку [1].

Лыжные отряды действовали и в оборонительных операциях. Так, например, отряд под командованием старшего лейтенанта Синенького ликвидировал лыжный отряд противника численностью 100 человек, который сумел вклиниться в оборону советских войск. Старший лейтенант разделил группу на 3 части, одна должна была находиться в засаде, вторая была отправлена отрезать путь отхода противнику, третья была задействована для

непосредственной встречи врага. В результате план полностью был реализован, и противник оказался в окружении, большая часть уничтожена. 12 попали в плен [7].

Льжи помогали не только в ходьбе, но и в перемещении вооружения. В наступлении пулеметчики должны всегда быть вместе с пехотой, не отставать от нее, поддерживать стрелков своим мощным огнем. На близкое расстояние пулемет приходится переносить на себе в разобранном виде. Это неудобно и тяжело. На дальнее расстояние надо перевозить его на повозках. Но не везде может пройти лошадь. Как же быть? Наши пулеметчики возят свои станковые пулеметы на лыжах. Вот что рассказывал о своем «лыжном» пулемете наводчик ефрейтор П. Семянистых: «Все пулеметы нашего подразделения поставлены на лыжные установки. Теперь мы не отстаем от пехоты и почти не ставим пулеметы на повозки. Менять огневую позицию на лыжной установке в ходе боя тоже очень удобно. В одном из последних боев моему расчету пришлось трижды менять огневую позицию. Немецкие автоматчики укрепились перед деревней. Выдвинувшись на опушку леса, мы выбили неприятеля из окопов. Наша пехота под огнем противника ползком продвигалась вперед. Чтобы взять под обстрел улицу деревни, нам тоже надо было выдвинуться вперед. Пули врага не давали возможности подняться. Тогда мы поползли, толкая перед собой пулемет и прикрываясь его щитом. В дальнейшем мне приказано было передвинуться вправо на 400 метров и открыть фланговый огонь по отходящим фашистам. И опять мы ползли метров 100 под огнем противника. Здесь пришлось тянуть пулемет за собой на лямках. Задачу мы выполнили: своевременно открыли огонь и нанесли немцам большой урон. Вот что значит «лыжный» пулемет. Этому не в малой степени способствовала конструкция самих лыж. Они были очень массивными, похожи на брусок, который просто загнули. Ширина лыж была примерно 80 миллиметров, это что-то среднее между беговыми и охотничьими [6].

Разведчики также не обходились без лыж. Взвод разведчиков части, которой командует т. Павлешук, получил боевую задачу разведать силы противника в деревне Троицкое. Стояла морозная ночь, когда группа разведчиков на лыжах в белых халатах бесшумно углубилась в лес. Ее возглавлял политрук Павлов, в совершенстве владеющий лыжной техникой. На подступах к деревне разведчики захватили в плен двух немцев офицера и солдата. Затем они установили, что находящиеся в Троицком фашисты готовятся зажать дома, как это они обычно делают перед бегством. Надо, товарищи, спасти жилье и имущество колхозников, – сказал бойцам политрук Павлов. Взвод, приняв боевой порядок, приблизился к деревне. По воспоминаниям другого бойца, проблемы с переноской пулеметов были. С.А. Стяжкин: «Одели нас хорошо: ватная куртка, теплое нижнее белье. Лыжи были уже с нами. Лыжи, кайло, лопата. Я был пулеметчик, и у меня был еще и ручной пуле мет. Как хочешь, так и таскай, тебе дали, вот и носи. У лыжников были маскировочные белые халаты (сверху – маскхалат или штаны-куртка белого цвета, материал – как на медицинских халатах). Но на себе тащишь ручной пулемет, автомат, вещмешок, сумку с гранатами (две противотанковые, две маленькие)» [5].

В письмах солдаты часто упоминали о том, как лыжи помогали воевать. Например, красноармеец Фролов писал, как группа советских лыжников столкнулась с отрядом немцев.

Гитлеровцы стали отступать. Бойцы рванулись догонять врагов на лыжах. Расстояние быстро сокращалось. До вражеского дозора оставалось не более 100 метров. Фролов дал две очереди из автомата. Два немца были убиты. Преследование продолжилось. Немцы отстреливались. Заметив среди деревьев еще группу гитлеровцев, боец быстро воткнул палки в снег, положил на них автомат и длинной очередью начал простреливать лес. Несколько фашистов осталось на месте». Красноармеец Кукушкин также упоминает лыжи. Стрелковому отделению было приказано поддержать группу бойцов. Моментально встали на лыжи. Путь был короткий, не более 300 метров, но проходил по непрерывно простреливаемой местности. Заметив троих фашистов, поднявшихся для перебежки, Кукушкин быстро лег, не снимая лыж, и несколькими выстрелами убил двух». Красноармеец Юдин обращает внимание на интересный факт, короткими перебежками немцы выходили на правый фланг. Их было семь. Он снял лыжи, одну положил под сошки пулемета, другую – себе под локти для лучшего упора. Первой же очередью три немца были убиты. Остальные залегли, а затем уползли. Подвинувшись вперед, Юдин заметил в кустах трех немцев. Они его тоже заметили. Решала быстрота. Не снимая лыж, он лег на снег и немедленно открыл огонь. Все трое были уничтожены» [4]. Четыре дня лыжный отряд командира Калинникова и комиссара Филатова пробирался по территории, занятой оккупантами. Уничтожив и рассеяв во время этого похода несколько групп фашистских солдат, лыжный отряд на пятый день достиг цели. Отважные лыжники вышли к единственной дороге, соединявшей фронт фашистов с их тылом, и перерезали ее на протяжении четырех километров. Подвоз к фронту боеприпасов и продовольствия был прерван. На высотах, прилегающих к дороге, занятых нашими лыжниками, закипели ожесточенные бои. Фашисты перебросили с фронта 110 грузовиков с солдатами. Три дня бойцы Калинникова отбивали яростные атаки взбешенного врага и не раз сами переходили в атаку. Когда продовольствие и боеприпасы окончились, Калинников, имевший против небольшой группы бойцов до двух батальонов противника, принял смелое решение: идти не назад, а вперед, пересечь тылы противника и выйти к своим на соседний участок фронта [8].

Подводя итоги, необходимо отметить важнейший вклад лыжников в общую победу в Великой Отечественной войне. Опыт специальной подготовки помог проводить сложные операции, учитывая погодные условия, рельеф местности, поставленные задачи. Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский так оценил роль воинов-лыжников: «Лыжные батальоны Советской Армии сыграли заметную роль в разгроме врага, особенно на первых этапах войны».

Литература

1. Беркин С. Запомни, товарищ, их имена // Красный спорт – 1942 – 20 октября.
2. Горюшкин Е.И. История формирования лыжных батальонов в 1941–1942 гг. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 4 (часть 2). С. 446-449.
3. Валли В. Опыт боевых действий лыжных отрядов // Красный спорт – 1942 – 1 декабря.
4. Ветров Д. В поле // Тревога – 1944 – 3 декабря.
5. Паленов В. Почему сияет тренер // Красный спорт – 1942 – 17 марта.

6. Сергеева Н.Л. Лыжные батальоны Сибири в начале Великой Отечественной войны (по материалам и воспоминаниям слушателей Новосибирского института военных инженеров железнодорожного транспорта) // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. 2022. № 2(13). С. 21-31.
7. Туманцев И. Научились ходить на лыжах // Патриот Родины – 1942 – 7 января.
8. Цивес И. Удары бойцов-лыжников // Красный спорт – 1942 – 13 января.

© Анисимов В.Д., 2026

БИБЛИОТЕКИ ЮГРЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1941-1945 гг.)

Аннотация. В статье на основе документальных источников выявлена численность библиотек, их материально-техническое состояние, положение с кадрами, основные виды деятельности библиотечных учреждений Ханты-Мансийского округа в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Ханты-Мансийский национальный округ; библиотеки; социокультурная политика; библиотеки Югры военного времени.

Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью региональных аспектов развития и становления библиотечной отрасли в период Великой Отечественной войны на территории Ханты-Мансийского национального округа (далее – ХМНО).

Цель статьи – на основе комплексного анализа исследовательской литературы и архивных документов изучить деятельность библиотек в период Великой Отечественной войны.

ХМНО был образован в 1930 г. в составе Уральской области (его районы: Березовский, Самаровский, Кондинский, Сургутский и Ларьякский). Округ характеризовался значительной отдаленностью населенных пунктов, недостаточно развитым хозяйством и транспортной инфраструктурой. В период образования округа, как пишет Л.В. Алексеева, численность населения составляла 64483 человек [1, с. 245].

Система культурных учреждений округа развивалась с 1930 г. Среди культурных учреждений довоенного периода преобладали избы-читальни и клубы. К началу Великой Отечественной войны численность этих учреждений составляла: избы-читальни – 74, дома культуры – 6, культбазы – 2, красные чумы – 6, сельские и профсоюзные клубы – 132 [2, с. 77].

В годы Великой Отечественной войны округ стал важным звеном тыловой поддержки действующей армии. Так, государственная политика в области культуры и просвещения сводилась к воспитанию патриотизма и боевого духа населения. В этой работе важное место занимали библиотечные учреждения. Библиотечное обслуживание в основном осуществлялось избами-читальнями, однако в военные годы большое значение приобрела деятельность массовых библиотек. В округе работало 14 массовых библиотек, которые сосредотачивались в окружном центре, профессиональных учебных заведениях, клубах и в районных центрах.

Библиотеки способствовали идейно-политическому сплочению и поддержке населения. Организация просветительской работы, обеспечение доступа к литературе и информации способствовало не только воспитанию населения, но и подготовке кадров для фронта и тыла. К преобладающим формам библиотечной работы следует отнести проведение книжных выставок, коллективные читки журналов и газет, беседы. Библиотекари следили за

актуальными новостями Совинформбюро и знакомили население с основными и важными сообщениями и решениями правительства. Также при библиотеках были организованы столы справок, которые выдавали сведения о ходе военных действий, о пособиях, пенсионных выплатах, положенных семьям мобилизованных граждан.

Для успешного проведения мероприятий огромную роль играли технические средства, к которым относились киноустановки и радио. С их помощью велась агитация и пропаганда среди населения, осуществлялась систематическая оперативная работа по охвату слушателей. Помимо этих мероприятий, следует отметить и то, что библиотекари организовывали фотовитрины, отражающие героический путь Красной армии [7, с. 6-11]. Основные функции библиотек в военные годы представлены в таблице 1.

Таблица 1

Основные функции библиотек в годы ВОВ

Направление деятельности	Формы работы	Аудитория
Просветительская (обеспечение населения актуальной информацией и литературой)	Политинформации, беседы, громкие читки, оформление боевых листовок	Все категории населения
Социокультурная (культурный досуг населения)	Книжные выставки, коллективные прослушивания радио, проведение литературных вечеров	Все категории населения, в т.ч. дети
Мобилизационная (направлена на поддержание фронта и тыла)	Сбор средств в фонд обороны	Все категории населения
Информационная (направлена на обеспечение свободного доступа к актуальной информации)	Помощь в составлении заявлений писем, ознакомление с законодательными актами о льготах семьям фронтовиков	Члены семей фронтовиков

Отсюда следует, что библиотеки военного периода заложили основу для развития библиотечной системы региона, став частью культурного наследия округа.

Особую роль в организации библиотечного пространства в культурном и образовательном развитии народа сыграла окружная библиотека. Библиотека была открыта в августе 1934 и считается одной из старейших и крупных библиотек округа. Руководство библиотекой осуществлял отдел народного образования Омской области, а с августа 1944 г. – Тюменской. Источниками формирования библиотечного фонда считались книжные пожертвования Тюменской общественности, а также бюджетные средства, выделенные на организацию библиотечных учреждений. Здесь же стоит отметить, что фонд пополнялся через областной библиотечный коллектор, местные книжные магазины и периодические издания, поступавшие по подписке.

Глобальной проблемой библиотек военного периода считалось отсутствие квалифицированных кадров. Причиной этому послужила общая сложная ситуация с кадрами специалистов, а также отдаленность региона от образовательных и культурных центров. Штат окружной библиотеки состоял из двух молодых специалистов и руководителя. Сотрудники не имели специального библиотечного образования. Отсутствие специального образования являлось типичной проблемой культурных учреждений военных лет. Несмотря на отсутствие профессиональных специалистов, коллективу библиотеки удалось показать высокий уровень

самоорганизации и преданности своему делу, что позволило развить библиотечное обслуживание в трудные годы войны.

Окружная библиотека, так же, как и все учреждения страны работала под лозунгом «Всё для фронта! Всё для Победы». Данный лозунг призывал мобилизовать на отпор врагу все силы страны, всю духовную жизнь многомиллионного советского народа. Исходя из этого следует отметить, что в годы войны библиотекари ходили в дома фронтовиков, организовывали передвижки, работали с детским населением. Кроме этого, заготавливали дрова, ловили рыбу, занимались ремонтом и благоустройством. Сотрудники библиотек обслуживали призывной пункт Ханты-Мансийска, снабжали его газетами и журналами, проводили читки на социально значимые темы: «Итоги Отечественной войны», «Герои Красной Армии» и др. В таблице представлены данные о количестве книжного фонда и читателей в довоенный и военный период (табл. 2).

Таблица 2

Динамика основных показателей деятельности окружной библиотеки в 1940–1945/46 гг.

Показатели	1940 г.	1945/1946г.
Количество книжного фонда	22682 экз.	26546 экз.
Читатели	1592	2543

Таким образом, данные, представленные в таблице, говорят о том, что в библиотеках, несмотря на военные трудности, увеличился книжный фонд на 17% и выросло число читателей на 60%.

Военные годы характеризовались перестройкой работы библиотек, так читальные залы работали ежедневно с 12:00 до 20:00, что позволяло обеспечить доступ к литературе и информации тем, кто был занят на производстве в первую смену и для тех, кто мог посещать библиотеку только в вечернее время. Ежедневно библиотекари обслуживали более 20 посетителей, что свидетельствует о востребованности библиотечных услуг [3, с. 19].

К основной и самой значимой проблеме функционирования библиотек в военный период стоит отнести недостаточное и слабое материально-техническое обеспечение помещений. Это явление также было типичным и для других районов Тюменской области. Так, О.А. Ковалева пишет, что в Тюмени учреждения культуры, в т.ч. библиотеки располагались в зданиях дореволюционной постройки [5, с. 73]. Как следует из «Отчета о деятельности Ханты-Мансийского окрисполкома за 1945–1947 гг.» в библиотеках частично отсутствовала мебель, не было специального библиотечного оборудования – стеллажи и шкафы для хранения книг [4, с. 33]. Не хватало библиотечно-учетной документации, например, инвентарных книг, в которых ведется учет фонда. В связи с отсутствием каталожных карточек возникали трудности с организацией справочно-поискового аппарата, для оформления читательских билетов, записи в библиотеку отсутствовали читательские формуляры.

Климатические условия влияли отрицательно на сохранность книжных фондов. Нестабильная система отопления в зимний период приводила к повышению влажности в помещении. Книги сырели и покрывались плесенью. Здесь же стоит отметить, что книжный фонд был устаревшим, и в связи с обстановкой в стране не всегда удавалось обновить и

пополнить новыми изданиями небольшие библиотеки, расположенные в отдаленных пунктах районов.

Сюда же стоит отнести перебои с энергетическим обеспечением. Отмечались перебои с электроснабжением. Освещенность помещений зачастую не соответствовала санитарным нормам для чтения книг. На территории округа лучшей по качеству технической комплектации считалась Сургутская районная библиотека. Л.Ю. Кондакова пишет, что учреждение было укомплектовано всем необходимым для комфортной работы, на стенах размещены портреты вождей, писателей. Не было перебоев с топливом и освещением [6, с. 29]. Анализ положения в разных библиотеках округа показал, что, адаптируясь к тяжелым эксплуатационным условиям, библиотеки продолжали выполнять свои основные функции.

Великая Отечественная война глубоко затронула все стороны материальной и духовной жизни советских людей. Изменились условия жизни и труда советского народа. По-новому строилась работа органов социального обеспечения, просвещения, а также работников культуры.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны библиотеки округа, несмотря на все трудности – огромные расстояния между населенными пунктами, слабую инфраструктуру, дефицит кадров, сумели сохранить потенциал и адаптировать деятельность к требованиям военного времени.

Литература

1. Алексеева Л.В. Население и его социально-экономическое положение Академическая история Югры: в 8 т. / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. Том 6. Югра в 1917–1953 гг.: на пути модернизации. Ханты-Мансийск: АО Изд. дом «Новости Югры», 2024. 720 с.
2. Алексеева Л.В. О некоторых аспектах здравоохранения и социокультурной сферы Югры в экстремальных условиях войны // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2024. № 1(65). С. 62-83.
3. Берендеева С.П., Клепалова Л.С., Микурова А.Ю., Фетисова Г.Я. Библиотека... от первых книг до современного информационного центра: к 80-летию библиотеки. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2014.
4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 107. Оп. 1. Д. 971.
5. Ковалева О.А. Библиотеки Тюмени и их роль в организации интеллектуального досуга горожан (1941–1945 гг.) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2025. № 3(71). С. 71-80.
6. Кондакова Л.Ю. Сургутские библиотеки: 100 лет истории. Тюмень: Мандр-Ика, 2004. 208 с.
7. Попченкова А.В. Библиотечное дело Тюменской области в годы ВОВ // Вторые Шестаковские библиотечные исторические чтения. 2006. С. 6-11.

© Асеева А.С., 2026

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ В НЕМЕЦКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ В ПЕРИОД КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

Аннотация. В статье анализируется представленность темы колониальных войн и их оценка в немецких школьных учебниках рубежа XIX–XX вв. Авторы выявляют противоречивое отношение государственной власти Германской империи к колониальному вопросу, что нашло отражение в учебной литературе. Для более глубокого раскрытия темы в статье представлен сравнительный анализ немецких учебников истории и географии изучаемого периода.

Ключевые слова: Германская империя; Юго-Западная Африка; колониализм; колония; метрополия; война; геноцид; учебник.

Колониальный вопрос стал актуальным в Германской империи задолго до ее объединения в 1871 г. Прогрессивные слои немецкого общества, в том числе такие известные экономисты как Ф. Лист и В. Рошер, были убеждены, что колонии необходимы Германии для развития промышленности и решения проблемы рынков сбыта и сырья в условиях индустриализации. Либеральный историк и публицист Г. Трейчке приветствовал возрождение захватнической феодальной доктрины «Drang nach Osten» («Натиск на Восток»), которая с середины XIX в. оправдывала агрессивные устремления немцев. Прикрываясь высокими целями экономического подъема и христианизации «отсталых народов» стран жаркого пояса, которые, якобы, обречены на зависимость от промышленно развитых наций, немецкая либеральная буржуазия стремилась к возрождению обширной и величественной Германской империи, какой она, якобы, являлась в средневековье. Следует учитывать и тот аспект, что важной внешнеполитической задачей Германии было противодействие попыткам других держав, особенно ее могущественного соперника – Англии, установить колониальную монополию [1, с. 80-81].

К настоящему времени сложилось два кардинально разных подхода к оценке колониальной политики Германии. С одной стороны, выделяется инициативно-наступательный характер немецкой колониальной экспансии. С этой точки зрения она объективно рассматривается как источник войн, угнетения, геноцида и расизма. С другой стороны, колониализм Германии рассматривается как интеграционный процесс для народов Африки и Океании, который, несмотря на свою болезненность, оказал «культурное» и «цивилизаторское» влияние на «отсталые» этносы. В этом случае кровопролитные колониальные войны рассматриваются как «неизбежное зло», оправдываемое такими высокими целевыми установками, как вовлечение народов Африки и Океании в мировую экономику и мировое сообщество.

Колониальный вопрос в политике Германии, в том числе колониальные войны, рассматривали такие отечественные и зарубежные исследователи, как Е.М. Мырсина, С.В. Фокин, В.В. Ряполов, А.П. Соколов, У. фон дер Хейден, Ф. Клозе, А. Вайсс, А. Шорс и другие.

Насколько сложным и неоднозначным было восприятие колониального вопроса, а в особенности колониальных войн, даже на государственном уровне в период Германской империи, свидетельствует отражение этой темы в немецких школьных учебниках этого времени.

Правительство кайзеровской Германии предъявляло к школьным учителям жесткое требование ориентировать воспитание учащихся на государственные цели. Но политическая ситуация в Империи, когда сильная социал-демократия противостояла элитам монархически-консервативной направленности, делала любую позицию учителей спорной для учеников, поэтому политические высказывания на уроках были вообще запрещены. Среди множества острых тем, которые оспаривались двумя названными политическими лагерями, особую позицию занимали проблемы империализма и колониализма. Насколько сложной была эта тема, показывает среди прочего и то, какое место ей отводилось в школьных учебниках. Не бесспорный в политическом отношении, вопрос колониализма получил широкое освещение в школьных учебниках истории только в межвоенный период; до 1914 г. он всплывал в основном в учебниках географии и немецкого языка [11, s. 56].

Еще более деликатной темой были колониальные войны. Хотя война, как свидетельствуют отдельные исследования по милитаризации Германской империи, была в тот период основополагающей темой в преподавании истории. Персонализированное изложение материала и прославление подвигов и самоотверженности воинов должны были не просто стать вдохновляющим примером для юношей, но и сподвигнуть их посвятить свою жизнь и устремления служению отечеству. В качестве аргумента можно сослаться на императорский указ 1890 г., который призывал на уроках истории делать упор на новый и новейший период, уделяя особое внимание войнам, начиная с 1792 г. Воля Императора была с готовностью воспринята Прусским министерством образования и стала темой двух школьных конференций [2, s. 511-513].

При этом описание современных войн в школьных учебниках не ограничивалось только европейскими театрами военных действий. Приобретение колоний другими великими державами неоднократно приводилось обучающимся в качестве примера как одна из причин их политического подъема. О некоторых колониальных войнах в Рейхе любили вспоминать особенно, как, например, об экспедиции в Восточную Азию под командованием графа Альфреда фон Вальдерзее в 1900–1901 гг. Другие военные операции были более противоречивыми с точки зрения современников. Так, депутат Рейхстага от партии Центра Матиас Эрцбергер раскритиковал военную операцию против племен гереро и нама в Германской Юго-Западной Африке в 1904–1905 гг., превратившуюся в геноцид. Дебаты по этому поводу даже привели к новым выборам в Германии, прозванным, исходя из данного немецкими колонистами южноафриканскому этносу названия, «готтентотскими». Успехи

консервативных и национальных партий на этих выборах позволили исследователям утверждать, что «подавляющее большинство немецкого народа было восприимчиво к лозунгам националистов, поддерживающих колониальную политику», хотя критикующие ее партии СДПГ и «Центр» смогли выиграть по абсолютному числу голосов [7, с. 386-388]. Это военное столкновение в Юго-Западной Африке по своей спорности доминирует над всеми другими колониальными конфликтами Рейха, затронутыми в школьных учебниках. Помимо дебатов в Рейхстаге для этого существовали и другие причины: ни в одной зарубежной операции германской армии до 1914 года, за исключением экспедиции в Китай, не было задействовано столько немецких войск, как в Германской Юго-Западной Африке. И ни одна другая война не привлекала такого внимания прессы.

Особенность колониальной войны в контексте школьного обучения в Германии заключалась в том, что она могла быть представлена как событие национального, так и общеевропейского масштаба. Причем описания этих войн не были свободны от партийно-политических разногласий, поскольку учебники создавались независимыми авторами и издательствами. Хотя упоминание текущих событий было ограниченным, немецкие учебники часто были более актуальными, чем учебники других европейских стран. Здесь следует различать типы школ: в то время как учителя народной школы считались симпатизирующими социал-демократии, учителя гимназии в вильгельмовскую эпоху часто придерживались монархически-консервативных взглядов. Этот контекст важен для оценки влияния учебников. Кроме того, для детей рабочего класса учебники зачастую были единственными печатными изданиями, которыми они располагали в юности. К тому же, на уроках чаще всего учителя читали лекции, а учебники для средней и старшей школы использовались для домашних заданий, а также в качестве раздаточных материалов [10, с. 3].

Если попытаться определить, что понималось под колониальной войной в школьных учебниках имперского периода, то можно прийти к необычным выводам. Например, во многих учебных изданиях, предшествовавших Первой мировой войне, Семилетняя война, особенно её театр военных действий в Северной Америке, упоминается как колониальная война. Относительно Первой мировой войны, «колониальной войной» названо нападение Японии на германскую колонию в Цинском Китае Цзяо-Чжоу [3, с. 29]. Это отражает позицию Германии, заключающуюся в том, что именно «другие», особенно Великобритания и Франция, вели колониальные войны и тем самым заложили основу для своего восхождения в мировые державы. Таким образом, колониальные войны, по-видимому, преимущественно понимались как войны между крупными (европейскими и неевропейскими) державами за колонии и реже как военные интервенции в собственные колонии или с целью приобретения «незанятых» территорий.

Что касается оценки колониализма, то учебники географии конца XIX – начала XX вв. значительно более открыто выражали поддержку колониальной политики страны, чем учебники истории. Они часто содержали вводные тексты исторического или политического характера, выходящие за рамки простого изложения данных из области географии или экономики. Так, известный немецкий географ Герман Тевес в 1913 г. в своем труде

«Человеческие расы и типы этносов. Материалы для изучения географии в старших классах народных школ и начальных училищ повышенного типа» описывал восстание гереро в Юго-Западной Африке и их геноцид следующим образом: «Последнее крупное волнение, имевшее место в 1903–1907 годах, началось с восстания племен готтентотов – бондельцвартс, живших на крайнем юге колонии. Когда большая часть колониальных войск выступила против них, гереро, жившие в северной части протектората, воспользовались удобным моментом, так же подняв восстание, которое они давно тайно планировали. Этот мятеж перерос в самую кровопролитную колониальную войну из тех, которые когда-либо вела Германия, завершившись истреблением гереро» [9, s. 71]

В учебниках географии война в Юго-Западной Африке преподносилась немецким школьникам как прототип немецкой колониальной войны независимо от того, был ли ей посвящен целый раздел с подробным описанием событий или небольшая выдержка, были ли это учебные справочники или таблицы. Это зашло так далеко, что школьников стали направлять на то, чтобы они устанавливали связи между этой войной и их собственной родиной. В «Методическом пособии для преподавания географии в начальной, средней и старшей школе» Рихарда Фритцше представлена игра в вопросы и ответы, где нужно связать свой регион с приобретением колоний и принесенными жертвами. «Цель: теперь мы познакомимся с немецкими владениями в Африке. Подготовка: В чем состоит наша задача? У Германской империи много владений в Африке. Кто из вас знает немецкие владения в Африке? Германская Юго-Западная Африка – это немецкая колония. Что тебе об этом известно? Там немецкие бойцы за Юго-Западную Африку вынуждены были долгое время вести войну против готтентотов и гереро; Несколько юношей из нашего города и нашего герцогства так же пали в войне за Юго-Западную Африку» [5, s. 145].

Война в Юго-Западной Африке рассматривалась в двух аспектах: она была одновременно колониальной войной за приобретение колоний и войной внутри колоний. Интересно отметить, что учебники географии и истории придерживались двух диаметрально противоположных точек зрения. Если в учебниках истории колониальные войны преподносились, в первую очередь, как завоевательные войны «других», т. е. Франции, Великобритании, то в учебниках географии говорилось о немецкой колониальной войне – войне в Германской Юго-Западной Африке. Это подтверждает третья часть учебника немецкой истории Т. Франке, посвященная Первой мировой войне: «О колониальной войне в общем. Государственный секретарь Министерства по делам колоний (доктор Сольф) сказал об этом следующее: «Британцы и французы, наряду с бельгийцами, принесли войну в европейские колонии в Африке. Тем самым они нанесли огромный ущерб репутации белой расы господ. Германия не начинала африканскую колониальную войну. Франция, Англия и Бельгия разожгли пламя войны в Африке. Германия была совершенно не готова к африканской колониальной войне» [4, s. 239]. Здесь война в африканских колониях рассматривается именно в контексте войн европейских государств. Причем цитата явно использована для оправдания позиции самой Германии и порицания позиции других европейских стран. Ведь в обществе шли непрекращающиеся споры относительно того, кто действительно виновен в войне 1914 г.

и кто спровоцировал ее начало. В этом примере показательно и то, для занятий с какой целевой группой направлено данное учебное пособие. Эта книга с ее, казалось бы, объективным объяснением фактов с опорой на экспертное мнение, была издана не для высшей школы, а для более низких ступеней, таких, к которым относились, например, школы для девочек. Это пособие, таким образом, представляет собой один из немногих примеров изложения темы колониальной войны в книгах, предназначенных для младшей и средней школы.

Однако не во всех учебных изданиях по истории кайзеровского периода прослеживается сдержанная позиция в отношении колоний. Так, в качестве примера можно привести одно из учебных пособий по истории для учителей школ – «Справочник для уроков истории, в том числе для педагогических семинаров и повышения квалификации учителей». Это консервативное учебное издание определённо разделяло проколониальную линию учебников географии, в чем можно убедиться, ознакомившись со списком дополнительных источников в приложении к нему. Здесь следует, в свою очередь, отметить, что даже в консервативных учебных изданиях по истории проколониальная политическая позиция, которая узаконивала применение силы со стороны метрополии, не должна была присутствовать в основном тексте. Этот неоднозначный вопрос переносился в приложения. Дополнительные источники в приложении были указаны для того, чтобы помочь учителям в случае обсуждения этой темы в классе. При этом в учебнике явно отражена политическая позиция издателя. В ней жестко критикуется позиция социал-демократов как антinationальная, антимонархическая, антирелигиозная и материалистическая. Август Бебель, исходя из его выступлений в Рейхстаге, изображается как предатель родины, потому что он был «антинационалистом [...] и более китайцем, чем китайцы, и, пока наши храбрые солдаты сражались в Юго-Западной Африке, защищал гереро» [6, s. 324, 367].

В этой цитате речь идет о так называемой Китайской экспедиции или Китайской войне 1899-1902 гг., известной также как подавление Боксерского восстания (именно под таким названием это движение представлено в школьных учебниках изучаемого периода). Поход девяти держав, в том числе германских войск под командованием фельдмаршала фон Вальдерзее, с целью подавления антиимпериалистического восстания в Китае расценивается как второе крупное применение немецкой военной силы за пределами Европы до 1914 г. Сохранению памяти об этой кампании способствовала, во-первых, произнесенная императором Вильгельмом II в 1900 г. в Бремерхафене знаменитая речь о «гуннах», где он призывает немецкие войска к мщению и беспощадной войне, сравнивая китайцев со средневековыми варварами под руководством Атилы. Во-вторых, в учебниках постоянно подчеркивалась роль германского командования, несмотря на явно незначительное влияние последнего на ход военных действий. Примечательно, что и вклад Японии в эту борьбу выделяется в немецких учебниках, причем война рассматривается в контексте предыдущих китайско-японских конфликтов. Частично это связано с победой Японии в Русско-японской войне, привлекая внимание значительной части немецкого населения к Японии и усилившей симпатии к этому дальневосточному государству, воспринимавшемуся как союзник Германии против России [8, s. 169-170].

Таким образом, в немецких школьных учебниках рубежа XIX–XX веков колониальная война рассматривалась как особая форма войны. Причем различались «колониальные» войны раннего Нового времени, такие как Семилетняя война, которые велись за приобретение колоний, и в которых европейские державы сражались друг с другом, и «классические» колониальные войны, то есть внутренние войны в колониальных владениях с более слабым в цивилизационном отношении противником. Колониальная война не могла вестись на европейском театре военных действий; она ограничивалась исключительно неевропейскими территориями. Аналогичным образом, коннотации геноцида, подчёркиваемые в исследовательской литературе, практически отсутствуют в школьных учебниках кайзеровского периода.

Литература

1. Ряполов В.В. «Колониальный вопрос» в Германии (1870-е – 1880-е годы): в поисках национально-государственной идентичности // История: факты и символы. 2016. № 2(7). С. 78-86.
2. Berg Ch. (Hrsg.) Handbuch der deutschen Bildungsgeschichte, Band IV: 1870–1918. Von der Reichsgründung bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. München, 1999. S. 503-515.
3. Bonsen F.z. Der Weltkrieg bis April 1916. Ergänzung zum Leitfaden der Geschichte für Lyzeen und höhere Mädchenschulen, 2. Auflage Düsseldorf, 1916. 300 S.
4. Franke Th. Praktisches Lehrbuch der Deutschen Geschichte für die Volks- und Bürgerschule, Mittel- und Töchtereschulen in anschaulich-ausführlichen Zeit- und Lebensbildern. III. Teil: Der Weltkrieg. Das erste Kriegsjahr bis zum Fall der polnischen Festungen. Leipzig 1915, 277 S.
5. Fritzsche R. Länderkunde der fremden Erdteile. Methodisches Handbuch für den erdkundlichen Unterricht in der Volks-, Bürger- und Mittelschule, Teil 3. Langensalza, 1908. 224 S.
6. Kaufmann K., Berndt J., Tomuschat W. Geschichtsbetrachtungen. Hilfsbuch für den Geschichtsunterricht insbesondere an Lehrerseminaren und für die Fortbildung des Lehrers. Zweiter Band: Vom Westfälischen Frieden bis auf unsere Zeit, Leipzig 1906, 450 S.
7. Reinhard W. «Sozialimperialismus» oder «Entkolonisierung der Historie»? Kolonialkrise und «Hottentottenwahlen» 1904–1907 // Historisches Jahrbuch. 1978. № 97/98. S. 384-417.
8. Rosenburg W. (Hrsg.), Klinghorst W., Heinze O. QuellenLesebuch zur vaterländischen Geschichte für Lehrerbildungsanstalten und höhere Schulen; Dritter Teil: Neueste Geschichte seit 1815 bis zur Gegenwart, 13. Auflage, Hannover 1918, S. 169-170.
9. Tewes H. Menschenrassen und Völkertypen. Material zu geographischen Unterredungen auf der Oberstufe mehrklassiger Volks- und Bürgerschulen, II. Heft, 2. Auflage Leipzig, 1913. 88 S.
10. Weiß A. Der Kolonialkrieg im deutschen Schulbuch des Kaiserreiches. 2016. <https://doi.org/10.15500/AKM.21.11.2016>
11. Weiß A. Nationale Identität und Kolonien an Hand deutscher Schulbücher, 1871-1914. Unveröffentlichte Magisterarbeit. Berlin, 2007. S. 54-80.

© Беспалова Л.Н., Хмелева Л.А., 2026

ЭВАКУАЦИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. На основе вновь вводимых в научный оборот архивных документов исследуется проблема организации эвакуации предприятий нефтяной промышленности Советского Союза в наиболее сложные, первые месяцы Великой Отечественной войны. Определена вся сложность этого процесса: нехватка вагонов, проблемы, связанные с перегрузкой железных дорог, быстрое наступление врага. Доказано, что перестройка системы управления отраслью, жесткие, мобилизующие методы организации передислокации позволили в кратчайшие сроки перевезти и восстановить оборудование, специалистов, их семьи.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; эвакуация; нефтяная отрасль.

В условиях кардинально меняющейся геополитической ситуации и все возрастающей значимости консолидации народов Российской Федерации является чрезвычайно актуальным изучение отечественного исторического опыта по мобилизации всех ресурсов для отпора врагу, реализации масштабных общенациональных проектов. Эвакуация значительной части нефтяных предприятий, оборудования, специалистов на восток страны стала одним из значимых факторов, определивших Победу в Великой Отечественной войне. Целью публикации является на основе привлечения широкого круга архивных и опубликованных документов, мемуаров нефтяников с большей степенью достоверности и объективности рассмотрение основных направлений и методов, используемых системой партийно-государственного управления СССР для организации эвакуации предприятий отрасли и их восстановления в тылу, недопущения использования врагом.

Отдельные сюжеты интересующей темы рассматривались в публикациях А.А. Иголкина, Ю.В. Евдошенко, В.И. Косториченко, А.А. Матвейчука, в различных сборниках и мемуарах [3, с. 4-7; 4; 5, с. 142-149; 6]. Однако документы из фондов Р-6822 – Совет по эвакуации при совете народных комиссаров СНК Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), 8627 – Министерство нефтяной промышленности Российского государственного архива экономики (РГАЭ), 17 – Центральный Комитет КПСС и 644 – Государственный комитет Обороны СССР Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) позволяют выявить конкретные проблемы, обусловившие всю сложность сложившейся в 1941 – начале 1942 гг. ситуации с эвакуацией нефтяных предприятий. В изученных нами делах размещены докладные записки, тексты телеграмм, справки, отчеты, обращения. Они отличаются краткостью содержания, четкостью изложения, подчас – крайней степенью эмоциональности.

Уже в первые дни войны (30 июня 1941 г.) Совет по эвакуации СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли Постановление № СЭ-4сс «Об эвакуации нефтеперегонных заводов Наркомнефти» [7, л. 3-4]. В том числе и для реализации этого решения в первые месяцы войны произошла перестройка системы управления отраслью. Документы свидетельствуют о том, что

незначительная часть наркомата нефтяной промышленности во главе с И.К. Сединым до 15 октября 1941 г оставалась в Москве. Затем был организован переезд в Куйбышев. Однако нарком предложил Л.М. Кагановичу перевести центральный аппарат в Уфу, ближе к нефтяным районам «Второго Баку», развитие которых должно было быть в создавшейся опасной ситуации «исключительно быстрым». Обосновывалось это предложение и близостью магистральной железной дороги, нефтеперегонных (Уфимский, Саратовский, Свердловский, Орский) и машиностроительных (Верхне-Сергинский, Свердловский, Кунгурский) заводов, а также строительством новых предприятий по производству высокооктанового топлива. С целью приближения главков к производству Главнефтедобыча Волжских районов переводилась в Сызрань, Главное управление нефтепереработки Центра – в Саратов, Главное геологическое управление – в Куйбышев. В Москве оставалось представительство Наркомата нефтяной промышленности в составе 200 человек во главе с заместителем наркома Н.М. Чекрыжевым [14, л. 3-4].

Был поставлен вопрос о ликвидации объединения «Главнефтедобыча Волжских районов» и о прямом подчинении трестов, ранее входивших в состав этого главка, Наркомнефти. Однако тогда руководство страны на такой шаг не пошло [1, л. 207]. Из системы Азнефтекомбината в распоряжение Башнефтекомбината передали трест по разведке на Апшеронском полуострове и Прикаспийской низменности. Контору турбинного бурения перевели в трест «Прикамнефть» [4, с. 57]. Геологоразведочный трест «Азнефтеразведка» во главе с управляющим А.А. Камладзе, главным инженером А.Ф. Рустамбековым, главным геологом Н.П. Постниковым из Баку был отправлен в Стерлитамак [12, с. 66] и переименован в Башнефтеразведку.

Передислокация производительных сил из прифронтовых районов на восток оказалась чрезвычайно масштабной, потребовавшей мобилизации всех ресурсов и сил. Ряд поставленных центром задач выполнить не удавалось. Так произошло с решением от 30 июня 1941 г. об эвакуации Укрнефтекомбината и Укрнефтегаза в Поволжье [13, л. 1]. Между тем после 30 июня 1941 г. с Львовской железной дороги отправка эшелонов уже не производилась. Часть завезенного до этого времени с Западной Украины в Киев оборудования была отправлена на плотках по Днепру в Днепропетровск. В различные нефтяные регионы оттуда командировали 286 работников комбината [13, л. 5]. Согласно Постановлению СНК СССР «Об эвакуации рабочих и служащих эвакуируемых предприятий» (утверждено Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1941 г.) [8, л. 140], нарком нефтяной промышленности СССР И.К. Седин издал приказ № 141сс об эвакуации предприятий и работников наркомата. Руководителям эвакуированных предприятий, уполномоченным Наркомнефти предписывалось в пути следования обеспечивать рабочих и их семьи питанием и всем необходимым. По возможности, рабочих и служащих с их семьями старались отправлять одновременно с эвакуированными предприятиями [8, л. 140]. Изученные документы демонстрируют все сложности процесса эвакуации: приходилось сталкиваться с нехваткой вагонов, сбоями на железных дорогах. Сначала грузили наиболее ценное из

имевшегося оборудования, без чего не представлялось возможности начать работу по прибытии. В отчетах сообщалось о перевозке нефтяных насосов, котлов, компрессоров и др.

Ежедневно в адрес Совета по эвакуации при СНК СССР поступали сотни телеграмм-молний, служебных записок, в которых сообщалось о конкретных ситуациях, требовавших скорейшего разрешения. Так, заместитель наркома нефтяной промышленности М.М. Акишин в справке о состоянии вывоза эвакуированных предприятий НКНП за 1 декаду июля 1941 г. сообщал в Совет по эвакуации А.Н. Косыгину о решении эвакуировать еще 30 июня 1941 г. Херсонский и Одесский крекинг-заводы. Местом перебазирования определялась Сызрань. С этой целью было выделено для Херсонского завода 300 вагонов, для Одесского – 200. За первую декаду месяца удалось вывезти из Херсона 133 вагона с оборудованием, из Одесского – 77. Однако для оставшегося оборудования нужно было еще 315 вагонов, для транспортировки специалистов – 6 [13, л. 1].

12 августа 1941 г. заместитель начальника Главнефтепереработки Центра, главный инженер В.И. Фокиев направил заместителю народного комиссара нефтяной промышленности СССР М.М. Акишину докладную записку, в которой сообщал о том, что погрузка всего оборудования Одесского крекинг-завода за исключением 3-х колонн крекинга и колонны АВЦ была закончена 26–27 июля. Оставшееся оборудование не удавалось погрузить из-за отсутствия такелажного инструмента и опытных такелажников. Не хватало машин. В результате демонтаж колонн проводился кустарным способом с большим риском их разбить. Но самые серьезные проблемы возникли с транспортировкой уже погруженной техники. Одессу с центром Союза связывали две железные дороги. По дороге, идущей через Раздельную – Котовск на Киев, как на примыкающей близко к району боевых действий, еще с 24 июля были прекращены перевозки гражданских грузов. Дорога по направлению к Знаменке и Харькову через Вознесенск и Помощную, начиная с 4 июля, подвергалась систематической бомбежке и работала с перебоями. Поэтому никакие распоряжения Наркомата путей сообщения (НКПС) дороге об отгрузке оборудования крекинг-завода не могли оказать действия на командование, которое использовало оставшиеся платформы и вагоны по своему усмотрению. Между тем из Одессы, начиная с 5 июля 1941 г., стали эвакуироваться и все остальные заводы. Обком партии и командование никаких преимуществ предприятиям нефтяной промышленности не давало. Удалось отправить лишь 208 вагонов. В них – сотрудников, которые работали на монтаже с их семьями, а также семьи Нефтеснаба – всего 300 чел. мужчин, женщин и детей. Но затем автор этого документального свидетельства, отражающего весь драматизм ситуации, докладывал, что состав из 47 вагонов, проехав станцию Вознесенск, на станции N подвергся ожесточенной бомбардировке. Простояв двое суток, он дальше двигаться не смог из-за сложившейся военной ситуации. Все вагоны с оборудованием вернулись в Одессу, а люди через станции Колосовка, Треххатка были доставлены к реке Буг, а затем на пароходе 7 августа прибыли в Николаев. На 10 открытых полувагонах они были отправлены в Херсон на крекинг-завод, где полувагоны переоборудовали. Предполагалось людей таким образом отправить через станцию

Снегиревку, Запорожье. Все оставшуюся технику на Одесском крекинг-заводе к тому времени погрузили в 55 вагонов в ожидании возможности отправиться в центр [2, л. 224-225].

Документы свидетельствуют о крайне тяжелом положении с организацией эвакуации из-за быстро приближающейся линии фронта. Так, 1 августа 1941 г. сообщалось, что трест «Укрнефтепромразведка» направлялся по Южной и Юго-Западной железным дорогам в районы «Второго Баку». Требовалось 50 вагонов, но НКПС не давал соответствующего распоряжения. Из доставленного в Киев оборудования с Западной Украины удалось отправить на плотках по Днепру в Днепропетровск резину, арматуру и другие материалы. По железной дороге вывезли 8 пожарных машин в Саратов, 4 – в Горький. Агрегат «Франс» был направлен в Башнефтекомбинат в Уфу. 286 нефтяников были эвакуированы в различные нефтяные районы.

Для вывоза эвакуированного оборудования и имущества Осипенковского крекинг-завода было выделено 200 вагонов для перевозки по Сталинской железной дороге. Однако по состоянию на 30 июня 1941 г. из-за отсутствия специального решения Совета по эвакуации отправка так и не была осуществлена [13, л. 1]. Не были выделены вагоны для вывоза оборудования. Сведений в Центр о сложившейся там ситуации не поступало после 4 августа 1941 г. [13, л. 15, 24, 28].

В условиях начала войны, когда германская авиация господствовала в воздухе, а войска противника стремительно продвигались вглубь страны, железные дороги не справлялись с многократно возросшим потоком грузом: эшелоны с эвакуированными предприятиями, их сотрудниками неделями простаивали на полустанках или попадали под бомбардировку авиации. В этой ситуации требовались чрезвычайные методы и темпы по организации эвакуации. В итоге в первые месяцы войны, точнее до ноября 1941 г., Наркомнефтепромом было эвакуировано 19 предприятий [15, л. 125-126].

В сентябре 1941 г. Экспериментальная контора турбинного бурения (ЭКТБ) Наркомнефти, созданная еще в 1939 г., из Баку была отправлена в Краснокамск, но из-за наступления морозов оставшееся на берегу Камы оборудование пришлось откалывать ото льда и восстанавливать. Летом 1942 г. контора стала работать на полную мощность. Кустовое разбуривание Краснокамского месторождения значительно сократило затраты на обустройство площади, ускорились темпы освоения месторождения. Кустовой метод впоследствии нашел широкое применение при освоении многих месторождений как на суше, так и на море [12, с. 71].

Таким образом, форсированная эвакуация оказалась чрезвычайно сложной, требовались нередко невероятные усилия для ее обеспечения.

Однако в первый и самый сложный период войны главной задачей, наряду с организацией демонтажа и эвакуацией, оставалось и обеспечение поддержания нефтедобычи. Ситуация на фронте определила весьма трудные условия добычи нефти в Баку, Грозном и Майкопе. Необходимо было не только увеличивать рост, но и предусматривать возможность бомбардировки нефтепромыслов и нефтеперерабатывающих заводов, а в случае вынужденного отступления – их уничтожения. На 1 сентября 1941 г. в Грозном имелось два

крекинг-завода (№ 2 и № 3), парафиновый завод, два газOLIновых завода. По решению Государственного Комитета обороны от 28 октября 1941 г. «Об эвакуации Майкопнефти и Грознефти» грозненская нефтяная промышленность с 3 ноября 1941 г. начала демонтаж заводских и промысловых производственных установок, ряда промышленных предприятий с целью переброски их в другие районы. Полностью был демонтирован завод «Красный молот» [9, л. 84-88].

Спустя несколько недель, 26 ноября 1941 г., по телефону было передано распоряжение наркома нефтяной промышленности СССР И.К. Седина о демонтаже нефтепровода Туапсе – Армавир. Для обеспечения своевременной отгрузки оборудования всем управляющим трестами и предприятиями было приказано мобилизовать имеющиеся людские ресурсы, транспортные средства и механизмы, необходимые для обеспечения погрузки вагонов в установленные сроки, не допуская ни при каких условиях простоев вагонов. Требовалось организовать круглосуточную работу по погрузке оборудования, для чего разрешалось с наступлением темноты освещать погрузочные площадки; устанавливать на местах погрузки круглосуточное дежурство руководящих работников предприятий, ответственных за организацию и проведение работ по погрузке оборудования своего предприятия. Предписывалось, начиная с 28 ноября, суточную норму погрузки максимально увеличивать за счет расширения фронта погрузки и усиления подвозки оборудования к погрузочным площадкам, чтобы довести погрузку до 500–700 вагонов в сутки. В заключение И.К. Седин предупреждал всех руководителей предприятий о «суровой ответственности по законам военного времени» [11, л. 9-10]. И.К. Седин лично и постоянно контролировал ход эвакуации.

В конце ноября, согласно Постановлению ГКО, предписывалось в связи с создавшейся военной обстановкой выведение из строя и уничтожение скважин и невывезенного оборудования по Майкопскому и Грозненскому нефтяным районам [10, л. 174]. И.К. Седину предписывалось вылететь в Майкоп и контролировать этот процесс. В декабре 1941 г. ситуация на фронте улучшилась, шли восстановительные работы, начался процесс реэвакуации. Но летом 1942 г. из-за отступления советских войск началась вторая волна эвакуации нефтяных предприятий из Азербайджана, Чечено-Ингушской АССР и Краснодарского края.

Таким образом, изученные документы позволяют утверждать, что, благодаря героическим усилиям, организаторам нефтяной отрасли и ее работникам удалось осуществить беспрецедентную и масштабную передислокацию предприятий, наиболее ценного оборудования и специалистов. Более того, несмотря на то, что временно был потерян и законсервирован ряд месторождений в некоторых нефтедобывающих районах, значительно снижалась нефтедобыча, сокращались геологоразведочные работы, на востоке страны удалось быстро восстановить нефтеперерабатывающие заводы, освоить новые месторождения, обеспечить нефтью и нефтепродуктами нужды фронта и тыла.

Литература

1. Докладная записка о ликвидации объединения «Главнефтедобыча Волжских районов» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 25. Д. 1723. Л. 207.

2. Докладная записка о демонтаже Одесского кренинг-завода // РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 9. Д. 88. Л. 224-225.
3. Евдошенко Ю.В. Трудная нефть победы // Нефтяное хозяйство. 2010. № 6. С. 4-7.
4. Иголкин А.А. Советская нефтяная политика в 1940–1950-х годах. Москва: ИРИ РАН, 2009. 323 с.
5. Косториченко В.И. Нефть в системе ленд-лиза: нефтяной союз СССР и США // Экономическая история. Обзорение. 2005. Вып. 11. С. 142- 148.
6. Матвейчук А.А. Очерки истории нефтяной промышленности России. Москва: Древнехранилище, 2020. 346 с.
7. Постановление Совета по эвакуации СНК СССР и ЦК ВКП(б) № СЭ-4сс «Об эвакуации нефтеперегонных заводов Наркомнефти» // ГАРФ. Ф.Р-6822. Оп. 1. Д. 541. Л. 3–4.
8. Постановление СНК СССР «Об эвакуации рабочих и служащих эвакуируемых предприятий» (Утверждено постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1941 г.) 5 июля 1941 г., Москва // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 660. Л. 140.
9. Постановление Государственного Комитета обороны от 28 октября 1941 г. «Об эвакуации Майкопнефти и Грознефти» // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 13. Л. 84–88. Фото документов. <https://www.prlib.ru/item/1339643>.
10. Постановление Государственного Комитета обороны от 23 ноября 1941 г. №949-сс // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 174.
11. Распоряжение Наркома нефтяной промышленности СССР И.К. Седина, 26.11.1941 // РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 9. Д. 16. Л. 9–10.
12. Рустамбеков Т.Ф. Работа буровиков в годы войны // Нефтегазовый комплекс в годы Великой Отечественной войны. Москва, 1995. Вып. 1. С. 71.
13. Справка по состоянию вывоза эвакуированных предприятий НКНП за 1 декаду июля 1941 г. // ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 210. Л. 1, 5, 15, 24, 28.
14. Сов. секретно. В СНК СССР т. Кагановичу от 28.06.1941 // ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 255. Л. 3–4.
15. Сов. секретно. Перечень эвакуированных предприятий и организаций Наркомата нефтяной промышленности СССР // ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 538. Л. 125–126.

© Бодрова Е.В., 2026

УДК 658.528"1945"(470.331)

Болокина Л.А.

канд. ист. наук

Тверской государственный технический университет
г. Тверь, Россия

РАБОТА КАЛИНИНСКОГО ПРОТЕЗНОГО ЗАВОДА В 1945 г.

Аннотация. В статье рассказывается о функционировании протезного производства в Калининской области в год окончания Великой Отечественной войны. Указано местонахождение, структура, задачи предприятия. Приводятся сведения об особенностях работы завода: видах выпускавшейся продукции, выполнении плановых показателей, составе трудового коллектива. Показаны некоторые трудности, которые испытывал завод, и способы их преодоления, намеченные руководством. Публикация подготовлена на материалах источников из фондов Государственного архива Тверской области.

Ключевые слова: инвалиды; Калининская область; производственный план; протезы; рабочие.

Печальным следствием масштабных военных действий становится появление большого числа искалеченных людей. У многих из них возникает потребность в протезировании. В первой половине 1940-х гг. резко увеличилось количество советских граждан, нуждавшихся в изделиях из металла, дерева, кожи, ткани или иных материалов, которые в какой-то мере облегчали страдания от полученной травмы, пережитой ампутации. Тема публикации напоминает современному читателю о боли, пережитой миллионами советских людей в годы Великой Отечественной войны, о том, как непросто было иногда оказать им помощь, сделать их жизнь хоть немного более комфортной.

На территории Калининской области к концу 1945 г. было зарегистрировано 29 516 инвалидов Отечественной войны, многим из которых требовались протезы [1, с. 86]. Предоставление необходимых протезов было одним из направлений государственной поддержки инвалидов, предусмотренной советским законодательством. В то время в областном центре существовал Калининский протезный завод (в документах встречается название протезная мастерская – Л.Б.), находившийся в ведении областного отдела социального обеспечения.

В задачи завода входило изготовление различных протезов, ортопедической обуви, ремонт и снабжение ими больных и инвалидов в порядке и по ценам, установленным Главным управлением протезной промышленности Наркомсобеса РСФСР. Снабжение предприятия сырьем и материалами производило Главное управление снабжения Наркомсобеса РСФСР, но наряду с этим завод вел самостоятельные закупки сырья, полуфабрикатов и материалов, необходимых для выполнения производственно-финансового плана [6, л. 93].

В начале 1945 г. протезный и ортопедический цеха размещались в разных зданиях, на расстоянии километра, что затрудняло работу, но после окончания восстановительного ремонта в августе предприятие расположилось в общем помещении на улице Урицкого, 36 [3, л. 2]. В конце 1945 г. функционировали слесарный, сапожный, шорный, браковочный цеха. Позднее появятся никелировочный и эмалитиновый цеха, считавшиеся подразделениями с вредными условиями работы.

Тогда в областном центре располагались 7 госпиталей, и потребности находившихся на излечении пациентов во многом определяли ассортимент заводской продукции, порой влияли на сроки протезирования. Например, во втором и третьем кварталах завод оказался перегружен заказами от госпиталей, и руководство предприятия вынуждено было отложить сроки выполнения уже принятых заказов гражданского контингента [2, л. 2 об., 3].

В таблице 1 размещена информация о том, какие именно изделия изготавливались работниками завода. Как видим, по многим видам продукции выпуск в 1945 г. увеличился по сравнению с 1944 г., в то же время некоторые из запланированных изделий не производились вовсе. По части показателей производственный план был значительно перевыполнен, например, по выпуску протезов ног, и в объяснительной записке к годовому отчету отмечалось, что это «является положительным явлением в работе завода, т. к. перевыполнение [плана] протезов ног способствует трудоустройству инвалидов Отечественной войны» [2, л. 2 об.].

Таблица 1

**Производство основных изделий и полуфабрикатов
 Калининским протезным заводом в 1944–1945 г. [4, л. 13-13 об.]**

Перечень основных изделий	План выработки в 1945 г.	Фактически выработано	
		в 1945 г.	в 1944 г.
Протезы	3 800	4 766	3 556
в т. ч. протезы ног	2 880	4 070	2 716
из них шинно-гильзовые	2 415	3 983	2 306
протезы голени	1 430	2 178	1 405
протезы бедра	900	1 718	838
на вылушение	50	73	44
деревянные	35	14	19
цельнодеревянные	45	–	–
½ деревянные	120	87	61
¾ деревянные	100	–	14
Временные, в т. ч.	–	–	214
протезы голени	–	–	122
протезы бедра	–	–	92
Комбинированные, в т. ч.	200	–	121
протезы голени	120	–	8
протезы бедра	80	–	113
в т. ч. протезы рук	780	503	729
Прочие протезы	140	188	111
Аппараты Пирогова и Шопар-фиксационные аппараты	40	36	39
фиксационные аппараты ног	40	49	27
фиксационные аппараты рук	10	52	12
Туторы	20	32	18
Корсеты кожаные	10	18	15
Корсеты матерчатые	10	1	-
Корсеты желатиновые	10	-	-
Ортопедическая обувь, пар	2 200	2 667	2 229
Обувь на протезы	-	-	110
Ремонт протезов и ортопедической обуви	2 000	1 946	2 000
Бандажные и прочие мелкие изделия, шт.	125	244	143
Протезные полуфабрикаты, шт.	-	5 538	5 900

Руководство завода отмечало тот факт, что в 1945 г. предприятию удалось заметно повысить качество продукции. Так, улучшился внешний вид протезов, все металлические части никелировались. Хотя все еще имелось определенное количество второсортной продукции, случались возвраты изделий на переделку. Объяснение виделось в отсутствии квалифицированных кадров по определению качества продукции.

Среди причин нарушения сроков выпуска продукции называлось нерегулярное поступление заказов, нехватка некоторых материалов, в частности, гипса, плохое состояние колодочного хозяйства, а также некомплектность поступления полуфабрикатов, отсутствие запасов стопы нужных размеров, из-за чего заказы запускались в производство выборочно, по наличию размеров и с неизбежным нарушением очередности.

Плановые показатели по производительности труда коллектив завода с успехом выполнял, на протяжении 1945 г. возрастало количество ударников. Одновременно с этим значительное число рабочих не смогли выполнить норм выработки, главным образом это были молодые рабочие, недавние ученики, еще не приобретшие достаточного опыта.

Кадровый вопрос на предприятии решался главным образом путем индивидуального обучения. За год было подготовлено 30 слесарей-сборщиков, 10 шорников-протезистов, 3 обувщика-ортопеда и др. Однако по причине отсутствия инструкторов не удалось подготовить ни одного дерево-протезиста [2, л. 3 об.].

В таблице 2 отражены сведения о составе трудового коллектива завода. Женщины составляли немногим менее половины персонала. В 1945 г. было принято на работу 10 человек, а выбыло 15 сотрудников, в т. ч. из-за болезни, выхода на пенсию, нарушения правовых норм, несоответствия трудовым обязанностям, по семейным обстоятельствам, а также отъезда к месту жительства по демобилизации. В то же время во втором полугодии на заводе появились работники из числа демобилизованных, прошедшие переквалификацию.

Таблица 2

Персонал Калининского протезного завода в 1945 г. [5, л. 14]

Категория персонала	Среднесписочное количество			Среднегодовая зарплата в 1945 г., руб.
	По плану за 1945 г.	Фактически		
		в 1945 г.	в 1944 г.	
Рабочие	39	49	42	5 241
Ученики	8	16	14	1 551
ИТР	16	16	11	9 931
Служащие	10	10,5	9	6 979
Младший обслуживающий персонал	2	1,5	2	1 831
Пожарная и пожарно-сторожевая охрана	3	4	3	2 388
Весь промышленно-производственный персонал	78	98	81	5 368
Персонал, занятый на транспорте, жилищном хозяйстве и др.	2	1,5	0,3	4 837

Руководство завода определило комплекс мер, реализация которых в дальнейшем могла способствовать улучшению качества протезов и ортопедической обуви. Предполагалось повысить квалификацию работников путем проведения технической учебы, организовать витрины и показывать причины возникновения брака и пути его устранения. В процесс

изготовления всех изделий следовало ввести межоперационный контроль и усилить диспетчерскую работу. В производстве ортопедической обуви срочно требовалось обновить колодочное хозяйство.

Кроме того, необходимо было наладить более регулярное и полноценное снабжение производства основными и вспомогательными материалами: гипсом, столярным клеем, щетиной, сапожным варом, воском, пробкой, химикатами для никелировочной ванны, различными инструментами – кусачками, клещами, рашпилями, сверлами, слесарными пилами и др. Повлиять же на поставщиков некачественных полуфабрикатов возможности не представлялось.

Таблица 3 воспроизводит график выезда врачей, техников-смерщиков в пункты приема граждан, располагавшихся на территории региона. Жители районов, близлежащих к областному центру, видимо, принимались непосредственно в помещении завода. Помимо районов Калининской области, обслуживались и некоторые районы соседних Великолукской и Смоленской областей. Очевидно, самая интенсивная работа велась в Ржевском пункте.

Таблица 3

График работы выездных бригад в 1945 г. [3, л. 14]

Пункты	Прикрепленные районы	Числа месяца
Кимры	Кимрский, Горицкий	2–3
Кашин	Кашинский, Калязинский, Кесовогорский, Нерльский	4–5
Красный Холм	Весьегонский, Сандовский, Молоковский, Овинищенский, Краснохолмский	7–8
Бежецк	Бежецкий, Максатихинский, Сонковский	10
Вышний Волочек	Вышневолоцкий, Есеновичский, Козловский, Спировский	16
Бологое	Бологовский, Брусовский, Лесной, Удомельский, Фировский	17
Осташков	Кировский, Каменский, Осташковский, Пеновский	19
Торопец Великие Луки	Сережинский, Холмский, Ленинский, Торопецкий, Куньинский, Плоскошский, Новосokolьнический, Невельской, Великолукский	20–21
Ржев	Ржевский, Старицкий, Зубцовский, Луковниковский, Погорельский, Оленинский, Нелидовский, Молодотудский, Высоковский, Октябрьский + 6 районов Смоленской области	22–23

Таким образом, в военные и послевоенные годы Калининский протезный завод выпускал различные виды протезов и ортопедическую обувь. Производственный план по многим показателям выполнялся. В регионе существовала сеть пунктов приема и была налажена работа выездных бригад, что облегчало возможности получения протезов инвалидами. Работу предприятия затрудняли такие обстоятельства, как нехватка достаточного опыта и квалификации у части работников, отсутствие некоторых специалистов, нерегулярное снабжение материалами и инструментами. Преодолеть эти проблемы в условиях послевоенного восстановления было нелегко, и изучение архивных документов показывает, что в последующие годы они в значительной мере сохранялись.

Литература

1. Болокина Л.А. Социальная поддержка инвалидов Отечественной войны и семей погибших воинов в 1945-1950 гг. (на материалах Калининской области) // Вестник Оренбургского

государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 4 (52). С. 81-97. <https://DOI: 10.32516/2303-9922.2024.52.6>

2. Объяснительная записка к годовому отчету Калининского протезного завода за 1945 г. // Гос. арх. Твер. обл. Ф. 1416. Оп. 2. Д. 18. Л. 2-4.

3. Объяснительная записка к годовому промфиплану на 1945 г. по Калининской протезной мастерской Калининского областного отдела социального обеспечения // Гос. арх. Твер. обл. Ф. 1416. Оп. 2. Д. 15. Л. 2.

4. Отчет Калининского протезного завода о выполнении плана по труду за 1945 г. // Гос. арх. Твер. обл. Ф. 1416. Оп. 2. Д. 18. Л. 14.

5. Отчет о выполнении плана по выпуску продукции Калининским протезным заводом за 1945 г. // Гос. арх. Твер. обл. Ф. 1416. Оп. 2. Д. 18. Л. 13-13 об.

6. Устав Калининского протезного завода // Гос. арх. Твер. обл. Ф. 1416. Оп. 2. Д. 18. Л. 93-95.

© Болокина Л.А., 2026

УДК 908

Борисова В.В.

канд. ист. наук

МБОУ «Лицей № 2»

г. Нижневартовск, Россия

Савченко Я.С.

студент

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

г. Екатеринбург, Россия

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ КРИТИКА ГАЗЕТЫ «СТАХАНОВЕЦ» С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

Аннотация. В статье рассматриваются результаты исследования, предметом которого стала источниковедческая критика газеты «Стахановец» (сегодня – «Местное время»), являющейся единственным печатным органом средств массовой информации Ларьякского района (с 1962 г. Нижневартовский район) в период Великой Отечественной войны. В ходе проведения контент-анализа было изучено 256 номеров газеты «Стахановец» за сентябрь 1941 – май 1945 гг., проанализировано около 800 статей и заметок.

Ключевые слова: Нижневартовск; Нижневартовский район; Ларьякский район; «Местное время»; «Стахановец»; Великая Отечественная война; контент-анализ; исторический источник; источниковедческий анализ.

История Нижневартовска как населённого пункта началась задолго до официального присвоения статуса города и нашла своё отражение в исторических источниках. Одним из них стала районная газета «Стахановец». В дальнейшем газета называлась «Ленинское Знамя». С января 1991 года сменила свое название на «Местное время». Сегодня это главное печатное издание Нижневартовска, которое любят и уважают его преданные читатели. Именно из этой газеты они узнают об основных событиях городской жизни. Историю Нижневартовска военного времени сложно отделить от истории всего Ларьякского района, т. к. на этих территориях протекали идентичные процессы. Сама газета – это один из наиболее доступных для анализа и информативных по содержанию печатных источников, на страницах которого можно найти свидетельства повседневной жизни вартовчан, которые наравне со всеми жителями большой страны внесли свой достойный вклад в общее дело Победы в Великой Отечественной войне. Они не только героически сражались на фронте, но и самоотверженным трудом ковали победу в тылу.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1941 по 1945 гг. Нижняя временная граница обусловлена тем, что в этом году была образована редакция газеты «Стахановец». Верхняя временная граница обусловлена тем, что в 1945 г. завершилась Великая Отечественная война, что обусловило изменение содержания и тематики статей. Территориальные рамки исследования охватывают Ларьякский район Ханты-Мансийского национального округа (до 1940 г. носил название Остяко-Вогульский национальный округ), в состав которого с 1936 г. входил Нижневартовский сельсовет.

Методы исследования: в ходе работы был использован метод контент-анализа (от англ. *Contents* – содержание) – это метод качественно-количественного анализа содержания документов с целью выявления и измерения отраженных в них явлений и тенденций.

Сущность данного метода сводится к тому, чтобы найти такие легко подсчитываемые признаки, свойства документа (например, частота употребления определенных слов, терминов, имён, лозунгов), которые отражали бы существенные стороны его содержания. Полученные количественные характеристики дают возможность сделать выводы о качественном (в том числе скрытом) содержании источника.

Источниковую базу исследования составили непосредственно подшивки номеров газеты «Стахановец» за 1941–1945 гг. (оригиналы газеты, часть номеров на микроплёнке, часть в виде PDF файлов). Также нами были использованы опубликованные архивные документы, касающиеся списочного состава работников издательства газеты, штатного расписания, тиража, положения об издательстве, постановления органов власти и др. [3; 8].

Работы, изучающие исторические источники по истории Ларьякского района периода ВОВ представлены в ограниченном количестве [5]. Стоит отметить статью Компанец Е.К., в которой автор предлагает вниманию «некоторые факты из истории создания и деятельности периодического издания "Местное время"» (современное название газеты «Стахановец») [4, с. 167]. В коллективной монографии «Нижневартовск: прошлое и настоящее» о «Стахановце» только сказано, что появление местной газеты стало событием в жизни района [6, с. 20]. В исследовании Хариной Н.С. и Климовой В.Н. представлен обзор окружных и районных газет за период 1930-х – 1950-х гг. [10, с. 15]. Дана попытка проанализировать деятельность редакторов и журналистов. Скудность литературы, посвящённой данной тематике, свидетельствует о её недостаточной изученности.

1. Понятие исторического источника

Исторический источник – это материальный объект, являющийся носителем исторической информации, которую необходимо уметь правильно интерпретировать, т. е. критически оценить, отбросить второстепенное, найти главное и скрытое содержание.

Источниковедческое исследование – это очень сложная процедура, которая состоит из двух основных этапов: источниковедческий анализ и синтез. Анализ предполагает, во-первых, определение подлинности источника (так называемая внешняя критика), её цель установить правомерно ли использовать этот источник в исследовании. Во-вторых, выяснение достоверности содержащихся в нём сведений (так называемая внутренняя (историческая) критика), её цель установить соответствуют ли реалии жизни их отражению в источнике, от чего и будет зависеть ценность самого источника. Источниковедческий синтез предполагает обобщение полученных данных.

Структура источниковедческого исследования определена в работе И.Н. Данилевского, В.В. Кабанова, О.М. Медушевской и М.Ф. Румянцевой и включает в себя следующие элементы: исторические условия возникновения источника; проблема авторства источника; обстоятельства создания источника; интерпретация источника; анализ содержания источника [2, с. 135]. Однако, учитывая видовое разнообразие источниковой базы, исследователь может отклониться от заданной схемы и сделать акцент не на всех перечисленных элементах, а лишь на тех, что соответствуют специфике изучаемого источника.

2. Периодическая печать как исторический источник

Периодическая печать – это одно из средств массовой информации и пропаганды, выпускаемая с заданной периодичностью и выражающая мнение конкретных социальных слоёв или политических партий. Важно понимать, что пресса, как и любой другой источник, отражает историческую реальность особым, присущим только ей способом.

В советский период пресса являлась острейшим оружием классовой борьбы, центром и основой организации классовых сил, могучим средством воздействия на массы. Сила печати заключалась в умении информировать общественность в интересах определённых классов, в тенденциозности информации [7, с. 9].

При работе с газетами можно применять следующие подходы: 1) всестороннее изучение органа периодической печати как целостного источника, т.е. как темы; 2) отыскание и изучение в органе печати отдельных текстов-источников по теме, которая сама по себе не является темой об этом органе. Оба подхода тесно связаны друг с другом и должны использоваться вместе [2, с. 25]. Однако, благодаря многоплановости периодической печати, сложности её структуры не существует чётко определённой методики работы с этим источником.

3. Исторические условия возникновения и обстоятельства создания источника

Редакция газеты «Стахановец» была образована летом 1941 года как печатный орган Ларьякского районного комитета ВКП(б) и Ларьякского районного Совета депутатов трудящихся Омской области. Местом издания являлось с. Ларьяк. Первый номер газеты вышел 4 сентября 1941 года [9].

Появление газеты в Ларьякском районе стало настоящим событием для его жителей. Регион был малонаселён и удалён от центра страны. Накануне начала Великой Отечественной войны информацию о жизни района и страны можно было получить с помощью следующих каналов связи, имеющихся в районе: 6 точек почтовой связи при сельских советах, 1 радиоузел, 113 трансляционных точек, 8 эфирных установок, телефонизирован был только райцентр десятью номерами [1]. Этого, конечно, было недостаточно для оперативного получения информации.

Начало войны поставило новые задачи перед прессой. Помимо информационной функции она выполняла задачи агитации и пропаганды, активно формируя патриотическое сознание населения. Так 24 июля 1941 г. бюро Омского обкома ВКП(б) в своем постановлении чётко обозначило содержание статей на период войны: необходимо широко развернуть военнополитическую пропаганду и агитацию, мобилизуя трудящихся на повышение бдительности, на перевыполнение плана, на борьбу за высокий урожай, на воспитание мужества, отваги и преданности Родине [8]. Жители самых отдалённых селений нуждались в оперативной информации о состоянии дел на фронте т.к. не было ни одного населённого пункта, откуда бы ни были призваны мужчины в действующую армию.

Название газеты выбрано неслучайно. Содержание статей газеты оправдывает её название. Хотя регион находился в тылу, но здесь тоже был свой фронт – трудовой. Превышение установленных норм производства с первых месяцев войны стало практически обыденным делом для советских людей. Основной отраслью хозяйства Ларьякского района

являлась рыбная промышленность, в функции которого входит переработка рыбы. Рыбзавод имеет 19 приёмно-засоленных пунктов. Также был развит охотпромысел. Стахановское движение активно развивалось в среде охотников. Лучшие стахановцы промысла значительно перевыполняли свои планы. К числу таких видных людей можно отнести Ивана Ивановича Перемитина, который выполнил план на 286% [1, с. 7].

В разные годы газета выходила с различной периодичностью. Осенью-зимой 1941 г. несколько раз в неделю, кроме понедельника и субботы. Всего за сентябрь-декабрь 1941 г. вышло 28 номеров. Тираж составлял 800 экземпляров. Учитывая, что в Ларьякском районе в 1940 году проживало 5670 жителей, обеспеченность газетой была достаточно хорошей из расчёта 1 газета на 7 человек. С 1943 г. газета выходит только один раз в неделю. Познакомиться с содержанием газеты можно было в избе-читальне, в библиотеке, клубе или Красном Чуме. Подписаться на газету можно было в отделении связи или у писемноосцев. Стоимость годовой подписки составляла 10 руб. 80 коп., на 6 месяцев 5 руб. 40 коп., на 3 месяца 2 руб. 70 коп., на 1 месяц 90 коп. Также можно было купить экземпляр в точках почтовой связи при сельских советах. Изначально стоимость газеты составляла 10 копеек [9]. В коллектив издания входило несколько человек: члены редакции – ответственный редактор, ответственный секретарь, счетовод-машинистка; члены типографии – заведующий типографией, бухгалтер (на полставки), сторож и техничка [3, с. 5].

С сентября 1941 г. по октябрь 1943 г. ответственным редактором был Моисей Андреевич Рожанский. По образованию он был ветеринар, а также окончил курсы обществоведов. До 1941 г. преподавал на рабфаке ветеринарного института, был заместителем директора МТС, председателем плановой комиссии райисполкома, директором неполной средней школы, преподавателем истории и политэкономии Омского автомобильного техникума [10]. По необходимости в течение 1942–1943 гг. на должности редактора его временно замещала М. Богатырёва [9].

С 25 октября 1943 г. по июнь 1945 г. должность редактора занимал Василий Мартынович Бушнев. Он имел огромный опыт в редакционной деятельности. С конца 1920-х годов возглавлял или был заместителем редактора нескольких многотиражных газет: «Стальной путь» (Славгород), «Рабочий молот» (Петропавловск), «Ударник» (Омск), «Большевистская правда» (с. Кондинское). Бушнев В.М. окончил политехническое железнодорожное училище и вечерний институт марксизма-ленинизма в г. Омске [10, с. 45]. Временно его замещали в течение 1944 г. Кондакова Т.В. и Корепанов Ф.С. [9].

В период ВОВ в газете публиковались 4 типа материала: жизнь района, вести с фронта (информация от Советского информбюро), международная обстановка (по материалам ТАСС) и информация, поступающая от партии и правительства (перепечатки с передовиц газеты «Правда»). В процентном соотношении в большинстве номеров превалирует местная информация о жизни района. В ходе контент-анализа проведён подсчёт количества статей по годам, посвящённых следующим темам: 1) Трудовые успехи и достижения отдельных колхозов, бригад или рабочих. Призывы к перевыполнению планов и к участию в соцсоревнованиях; 2) Отчёты о добровольных сборах в Фонд обороны, выплата налогов,

участии в лотереях; 3) Роль коммунистической партии в жизни района; 4) Проблемы района; 5) Образование. Рассмотрим результаты контент-анализа по каждой теме и сформулируем выводы.

1) Самое большое количество статей было посвящено теме «Трудовые успехи и достижения отдельных колхозов, бригад или рабочих, а также призывы к перевыполнению планов и к участию в соцсоревнованиях». Количество статей этого направления в разы превышает объём других тем, что соотносится с названием самой газеты. Читателям объяснялось, что в советском тылу, как и на фронте, должен кипеть сознательный труд народа. Район должен «своим упорным трудом оказывать немалую помощь фронту в снабжении такими полезными продуктами, как рыба, ягоды, орехи и др.». Звучат призывы всем бригадам соревноваться между собой за наибольшие уловы рыбы и досрочное выполнение годового плана. Чаще всего в заголовках статей за 1941 г. – начало 1942 г. встречаются слова-призывы, лозунги: «больше, быстрее, всемерно, обязательства, сверх плана, соцсоревнования, борьба за первенство, включиться, готовиться и т. д.». С весны – лета 1942 г. появляются первые результаты этих призывов – статьи-отчёты по деятельности трудящихся: «успехи рыбаков, колхозников, охотников; 245% плана, 16 тонн рыбы сверх плана, победа рыбаков, стахановцы промысла» и т.д. С конца 1942 г. на страницах газеты публикуются заметки с заголовком «Доска почёта», в которых перечисляются имена и успехи тружеников, итоги соревнований [9].

2) Тема «Отчёты о добровольных сборах в Фонд обороны, выплате налогов, участии в лотереях» представлена большим массивом статей. В течение всего периода войны помимо самоотверженного труда жители страны проявляли свой патриотизм добровольными сборами в Фонд обороны. На его счета поступали пожертвования (денежные средства и материальные ценности) как от частных лиц, так и от трудовых коллективов. Чаще всего отправляли тёплые вещи и предметы гигиены. К примеру, в 1942 г. коллектив Ларьякского РО НКВД собрал посылку на фронт. В её составе было: 4 пары валенок, 6 пар шерстяных варежек, носовые платки, одеколон, бритвенные приборы, туалетное мыло. Перечисляли и денежные средства, к примеру «на 30 августа в Ларьякском отделении госбанка поступило отчислений и наличными деньгами в фонд обороны 30000 руб.». Помимо денежных средств и теплых вещей люди посылали варенье, орехи и другие продукты. А колхозники артели «Большевик» отправили в фонд питания Красной Армии 5-летнего быка [9].

Во время войны существенно возросло налоговое бремя на население. В конце 1941 г. был введен военный налог. В 1942 г. в каждом номере появляется статья, призывающая «досрочно уплатить военный налог», «досрочно рассчитаться с государством» и т.п. За неуплату налога население строго каралось. Так уже 13 января 1942 г. народный суд Ларьякского района рассмотрел дело Пыгатова Спиридона и осудил его на 3 года лишения свободы за неуплату налога. Также население принуждалось к оплате военного займа. Газета настойчиво убеждала читателей, что «каждая домохозяйка должна приобрести заём». И даже ученики школ, как и взрослые советские люди, горят желанием сделать всё, что поможет нашим воинам разбить врага. Для этого учащиеся Ларьякской средней школы, прослушав речь

наркома финансов о выпуске Государственного военного займа, единодушно приветствовали это начинание и на школьном митинге ученики подписались на 400 рублей займа [9].

Еще одним действенным способом пополнения военной казны были всесоюзные денежно-вещевые лотереи. За время Великой Отечественной всего провели четыре таких розыгрыша. Газета сообщала что будет разыграно 3 млн. 800 тыс. денежно-вещевых выигрышей на 760 млн. рублей. Денежные выигрыши установлены в размере от 50 тыс. до 100 рублей. Среди вещевых выигрышей – каракулевые и шерстяные пальто, золотые и серебряные часы, костюмы, отрезы на костюмы, обувь, ковры, трикотажные жакеты. Большое количество статей повествует о взносах жителей района на строительство боевых машин. Так комсомольцы Корликов внесли на танк «Омский физкультурник» 600 рублей [9].

3) «Роль коммунистической партии и органов советской власти в формировании патриотизма населения и жизни района» – также частая тема на страницах газеты. Жителям района объяснялась неразрывная связь между коммунизмом, советской властью и истинным патриотизмом. Статьи с заголовками «Коммунисты в авангарде», «Комсомольцы идут впереди», «Сила советского патриотизма» с опорой на трудовые подвиги местных колхозников демонстрировали примеры героического труда советских патриотов.

4) Несмотря на преобладание статей пафосно-лозунгового характера, на страницах «Стахановца» публиковались и статьи критического содержания. Мы объединили их в раздел «Проблемы района» – материал посвящен недочётам и промахам в работе местных культпросвет учреждений, школ, санитарному состоянию поселений и т.д. Появляется и критика в адрес местных чиновников. Так «собрание семей военнослужащих Ларьяка вскрыло, что особенно грубо не хотят оказывать помощь семьям военнослужащих в подвозке дров, сена, ремонте квартир и т.д – директор Ларьякского района – Линовцев, начальник рыбучастка Рыжов и другие». Но в основном статьи разгромного содержания критиковали невыполнение плана по рыбозаготовкам и другим работам. Здесь преобладают такие слова в заголовках как: «самоуспокоенность», «дезорганизация», «беспечность», «благодушие». Есть и статьи, сообщающие об явных преступлениях в деле заготовки рыбы, они сопровождаются следующими эпитетами в заголовках: «порча», «обман», «расхищение рыбы» и т. п. [9].

5) Самое небольшое количество статей посвящено школьному обучению. За период осени-зимы 1941 года мы не встретили ни одной статьи, посвящённой школе. И только в сентябре 1942 г. появляются отдельные сообщения, в которых честно признаётся, что из 15 школ района готовы к работе только 4. Руководство школ критикуется за то, что они не заготовили «ни кубометра дров, понадеявшись на колхозы не обеспечены школы и учебными пособиями». В итоге приступить к занятиям дети смогли только с 1 октября 1942 г. Ситуация стала исправляться в последующий период. Стали проводиться декадни помощи школе. Силами трудящихся проводился ремонт в зданиях школ, заготовливались дрова для отопления, в том числе домов учителей [9].

Таким образом, метод контент-анализа позволил выявить 5 групп тем, которым были посвящены статьи газеты «Стахановец» в период Великой Отечественной войны.

Таким образом, газета «Стахановец» представляет собой ценный исторический источник по изучению Ларьякского района периода Великой Отечественной войны. Однако, нельзя забывать, что пресса советского времени имела свои особенности, которые необходимо учитывать при изучении исторической действительности. Агитационно-пропагандистская работа средств массовой информации в годы войны действовала в условиях строжайшей цензуры. Редакционные коллегии были печатными органами местных Советов ВКП (б), а значит непосредственно проводили государственную политику на местах. Поэтому несмотря на информативность, наличие фактического материала, статистических данных и персоналий на страницах «Стахановца», нельзя говорить о полной объективности данного источника. Требуется сравнительный анализ полученных данных с другими источниками, желательно архивными. В основном периоду можно использовать для анализа политики властей, направленной на формирование общественного мнения.

В ходе проведения контент-анализа было изучено 256 номеров газеты «Стахановец» за сентябрь 1941 – май 1945 гг., проанализировано около 800 статей и заметок. Анализ публикаций показал, что приоритетным направлением в политике государства было мобилизовать людей на создание слаженного военного хозяйства и обеспечение фронта продуктами питания, в первую очередь рыбой, мясом, ягодами, грибами, орехом. Ларьякский район хоть и находился глубоко в тылу, но его жители работали для нужд фронта, по принципу «Всё для фронта, всё для Победы!». Миссией прессы было воодушевлять население на трудовые подвиги, укреплять их дух, приводить примеры таких подвигов со всего района и страны. Люди должны были видеть и понимать, что они работают на износ так же, как и вся страна: как один большой военный лагерь. Поэтому на страницах «Стахановца» так много примеров трудовой доблести рыбаков, охотников, работников полей, женщин, молодёжи и даже детей.

Вторым по значимости направлением в деятельности редакции «Стахановца» была агитация на добровольные сборы в Фонд обороны, участия в денежно-вещевых лотереях, военном займе, настойчивые требования и призывы о досрочной выплате всех налогов. В каждом номере приводился отчёт о массовых пожертвованиях населения в помощь Красной Армии. На этих примерах газета воспитывала в людях решимость идти на самые тяжелые лишения во имя победы над врагом. Показательно, что больше всего номеров газеты было выпущено в 1942 г. – 103, в 1943 г. уже 66, 1944 г. – 51. При этом в 1941-1943 гг. основными темами были призывы к трудовым подвигам и добровольным сборам, а в 1944 г. и зимой-весной 1945 г. увеличивается объём тем, связанный с развитием культурно-массовой работы, системы образования, помощи детям-сиротам и семьям фронтовиков и т.п.

Статьям, посвящённым исключительно роли коммунистической партии и органов советской власти в формировании патриотизма населения и жизни района в «Стахановце», количественно уделено не так много места. Однако не стоит забывать, что в любой заметке, посвящённой любой теме, уже была заложена идея советского патриотизма и торжества коммунистической идеологии. Поэтому можно смело объединять эту группу статей с первой группой.

Все материалы критического содержания были направлены на преодоление отставания в трудовой сфере. Срывы планов вылова рыбы или заготовки сельхозпродукции объяснялись нежеланием самоотверженно трудиться отдельных несознательных личностей. Для них газета становилась своеобразным «позорным столбом». Широко афишируя имена и проступки конкретных работников, редакция добивалась одной цели – вызвать отвращение у трудящихся к тем, кто не может или не хочет работать на пределе своих возможностей.

Конечно, многие проблемы откровенно замалчивались и скрывались. На страницы газеты выносилось, иногда с явным преувеличением, только то, что могло подвигнуть человека на добровольное перенапряжение душевных и физических сил. Этим мотиватором было ощущение своего собственного, пусть и малого, но вклада в дело приближения Великой Победы! В поддержании патриотического духа и беззаветной преданности Родине и состояла главная задача газеты «Стахановец».

Литература

1. Гребенщикова А. По волнам исторической памяти // Новости Приобья. 17 февраля 2015 г. С. 5.
2. Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: теория, история, метод. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 702 с.
3. «История пишется газетной строкой». К 75-летию газеты «Местное время» (по документам Нижневартковского городского архива). <https://clck.ru/3QtwXd>.
4. Компанец Е.К. Страницы истории общественно-политической региональной газеты ХМАО Югры «Местное время» (1941–2011 гг.) // Западная Сибирь: история и современность: краеведческие записки. Вып. XI. Нижневартковск, Омск, 2011. С. 167-175.
5. Нижневартковский район в годы войны. Указатель литературы. Излучинск, 2005. 11 с.
6. Алексеева Л.В., Цысь В.В., Чореф М.М., Сапожникова Н.В., Терентьева Н.В. Нижневартковск: прошлое и настоящее. Нижневартковск: Изд-во НВГУ, 2017. 244 с.
7. Панфилова А.М. Советская периодическая печать как исторический источник. М.: Изд-во Московского университета, 1975. 60 с.
8. Постановление бюро Омского обкома ВКП(б) об агитационно-массовой работе в связи с мобилизацией. 24 июня 1941 г. // Электронная библиотека исторических документов. <https://clck.ru/3Qtwho>.
9. «Стахановец». 1941–1945 гг.
10. Харина Н.С., Климова В.Н. Становление периодической печати в ХМАО в 1930-е – 1950-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 7. Ч. 2. С. 15-25.

© Борисова В.В., Савченко Я.С., 2026

УДК 94(470.6-074 Ворошиловградская область):379.8"1942/1943"

Воропай Е.С.

ассистент, аспирант

Луганский государственный педагогический университет

г. Луганск, Россия

ДОСУГ КАК ИНСТРУМЕНТ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И МЕХАНИЗМ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ВОРОШИЛОВГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1942–1943 гг.

Аннотация. Несмотря на растущий интерес к истории повседневности периода Великой Отечественной войны, многие аспекты жизни на оккупированных территориях, в том числе досуг, остаются малоизученными. Актуальность исследования определяется необходимостью анализа оккупационной политики через призму досуга населения Ворошиловградской области (1942–1943 гг.). Такой подход позволяет выявить механизмы адаптации людей, учесть региональные особенности и, в конечном счете, способствует формированию более полной и объемной исторической картины Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: досуг; оккупация; оккупационная администрация; Ворошиловградская область.

Нацистская оккупация Донбасса и Ворошиловградской (Луганской) области в годы Великой Отечественной войны была продиктована стратегическими и экономическими интересами Германии. Этот регион, являясь крупнейшим угольным бассейном СССР, был жизненно необходим Рейху для обеспечения своей военной машины и промышленности. Нацистские планы предусматривали не только восстановление и эксплуатацию угольных шахт, но и использование развитой металлургической, машиностроительной и химической промышленности для производства военной продукции или ее последующего вывоза. Кроме того, Донбасс представлял собой важный геополитический плацдарм для дальнейшего продвижения на восток. Для воплощения этих замыслов требовалось наладить эффективную систему управления на оккупированных территориях, и важнейшую роль в этом играла пропаганда. В этих условиях сфера досуга местных жителей кардинально меняла свою функцию: из области частной жизни и отдыха она превращалась в пространство идеологического влияния и один из ключевых рычагов контроля со стороны оккупационных властей.

Для реализации этой масштабной задачи был создан разветвленный и многоуровневый аппарат. Ключевую роль в его работе играли Отдел по борьбе с Коминтерном и Восточный отдел («Винета»), которые занимались выпуском печатной продукции, организацией выставок, кино- и радиопропагандой. Особые подотделы отвечали за культурную политику и книгоиздание. Параллельно агитационная деятельность велась аппаратом А. Розенберга, имперского Министра по делам оккупированных восточных территорий, что свидетельствует о важности, придаваемой пропаганде. В вооруженных силах пропаганда была интегрирована в структуру Генерального штаба. На местах, при военно-полевых комендатурах и городских управах, функционировали отделы пропаганды, осуществлявшие непосредственное воздействие на население [9, с. 74].

После оккупации Ворошиловградской области в июле 1942 года оккупационная администрация включила в число своих приоритетов организацию культурного досуга. Эта

работа велась в двух направлениях: для удовлетворения потребностей военного контингента и для контроля над гражданским населением, поскольку сфера отдыха целенаправленно использовалась как механизм внедрения и легитимации нового политического порядка [7, с. 50].

Театральная жизнь стала одним из первых направлений, задействованных оккупационными властями для организации досуга на территории Ворошиловградской области. Открыл театральный сезон музыкально-драматический театр им. Т.Г. Шевченко, а в бывшем здании дома культуры им. Сталина ежедневно давало представление «Кабаре». В его помещении свою программу показывало «Варьете» [5, с. 166]. В репертуаре были национальные танцы Украины, Венгрии, Румынии. Особым спросом пользовались постановки «Наталка-Полтавка» И. Котляревского и «Запорожец за Дунаем» С. Гулака-Артемовского [2, с. 4]. Вход в «Кабаре» был платным, оно работало для гражданского населения с 16.30, а для военных с 18.00 [5, с. 167]. Театральные коллективы действовали также в Красном Луче, Попасной, Успенке и других населенных пунктах [13, с. 102]. В Кадиевке проводились концерты джаз-оркестра. Немецкое военное командование, заинтересованное в улучшении сферы досуга, стимулировало подготовку персонала для обеспечения качественного времяпрепровождения. Были возобновлены работы клубов и дворцов культуры, которые пользовались популярностью как у немецких военнослужащих, так и у лояльных к оккупантам местных жителей [4, с. 28].

Параллельно с развитием театральной сети оккупационные власти уделяли внимание и другим формам зрелищного искусства. Так, 11 августа 1942 года состоялось открытие нового Ворошиловградского цирка. Коллектив цирка состоял из квалифицированных цирковых артистов. Программа первого выступления, разделенная на два отделения, включала такие жанры как французская борьба, акробатика, гимнастика и музыкальная эксцентрика [2, с. 3].

Одним из средств пропаганды выступало радио. Радиотрансляция была возобновлена в городе Ворошиловграде. Внимание уделялось вопросам адаптации сообщений немецкого радио, создания выпусков немецких новостей специально для восточных областей, в т. ч. и для Украины. Определенную роль в составлении программ радиовещания, заполнении эфирного времени играли также радиостанции Вермахта, в частности «Урсула» и «Густав», дислоцированные в Ворошиловграде. В тех случаях, где это позволяли условия, могло осуществляться также транслирование подготовленного на местах органами пропаганды материала: обзор прессы, трансляция музыкальных передач [8, с. 119]. Особое место в этом эфире занимали передачи, которые должны были оказывать наиболее мощное психологическое воздействие. Ярким примером служила еженедельная радиопередача для родных от работающих в Германии земляков, в которой передавались поздравления и письма родных. Для охвата разных групп населения вещание дублировалось: на украинском языке раз в неделю утром с 10.15 до 10.30 и на русском – днем с 17.15 до 17.30 часов [3, с. 50].

В сфере досуга населения края оккупационные власти активно использовали кинематограф. Кинофильмы демонстрировались как в стационарных кинотеатрах, так и с помощью передвижных установок, которые объезжали предприятия, учебные заведения [7,

с. 114]. Тем не менее, доступ к этому виду досуга для местных жителей был ограничен. Им разрешалось посещать кино только в дневное время и при обязательном условии уступать оккупантам самые удобные места. Для сельского населения организовывались показы фильмов «Жизненный путь» и «Два человека в одном городе», направленные на пропаганду преимуществ немецкой культуры, изображение счастливой жизни немецкой молодежи и поощрение выезда на работу в Германию. Также проводились детские киносеансы с советскими мультфильмами, которые не имели прямой идеологической окраски, например, «Курица на улице», «Лягушата-летчики». Демонстрировались и фильмы, которые считались нейтральными с идеологической точки зрения, в частности немецкие комедии («Киноконцерт», «Когда мужчина занимается хозяйством»). Важной частью показа стали антисемитские фильмы, такие как «Вечный жид» и «Жид Зюсс» [7, с. 117]. В 1942 году в Ворошиловграде возобновил работу кинотеатр, разместившийся в здании бывшего кино «КИМ». В его программе преобладали немецкие художественные фильмы и военная хроника. Каждый сеанс сопровождался демонстрацией киножурнала «Дойче Вохеншау», информировавшего зрителей о ключевых событиях в Германии и на фронтах. При этом доступ к кинопоказам был для местных жителей условным – его могли лишить за малейшую провинность [7, с. 117].

В период оккупации была предпринята попытка возобновить работу городского краеведческого музея в Ворошиловграде. Поскольку экспонаты не удалось эвакуировать из-за нехватки транспорта, городская управа в лице начальника отдела культуры и просвещения В. Ковалева выступила с инициативой возобновления работы музея. При этом особое внимание уделялось новой идейной направленности будущей экспозиции. Однако открыть музей так и не удалось. Перед отступлением вермахта в феврале 1943 года часть экспонатов была разграблена оккупантами, присвоена местным населением или уничтожена [4, с. 28].

В условиях оккупации библиотеки стали одним из ключевых объектов, находившихся под пристальным вниманием нацистских властей. В Александровском районе с 1 ноября 1942 года работала библиотека для обслуживания населения. Однако, были библиотеки только для немецкого населения. Например, в октябре 1942 года в городе Первомайске при уездном комиссариате была открыта такая библиотека, она работала каждую пятницу с 10.00 до 12.30. Книжки в библиотеке были представлены только на немецком языке. Книги выдавались на 14 дней [1, с. 8].

В период оккупации нацистские власти использовали прессу в качестве основного, а зачастую и единственного, канала информации о культурной жизни региона для местного населения. На территории Ворошиловградской области издавались оккупационные газеты «Нове життя» и «Ранок». На страницах изданий публиковались сведения о работе учреждений культуры, анонсы событий, рецензии на фильмы и театральные постановки, а также списки новых поступлений в библиотеки [12, с. 192].

Примечательно, что оккупационная пресса Донбасса пыталась продемонстрировать лояльность по отношению к украинской культуре. С этой целью на ее страницах размещались материалы, посвященные украинской истории, традициям и культурному наследию.

Значительное место в пропагандистской стратегии отводилось литературе: публиковались как произведения классиков, таких как Тарас Шевченко и Александр Олесь, так и сочинения местных авторов [12, с. 195].

Уникальным феноменом стало появление в прессе фольклора. Анализ его содержания указывает на то, что это была не искусственная имитация, а подлинное народное творчество, бытовавшее еще в довоенное время и носившее оппозиционный по отношению к советской власти характер. Отдельную роль играл юмор: в специальных рубриках и на литературных страницах печатались анекдоты, частушки и пословицы, наполненные антисемитской и антибольшевистской риторикой [7, с. 110].

Еще одним нововведением оккупационных властей на территории края стало возобновление религиозной жизни. Под руководством Ворошиловградского благочинного округа начался процесс открытия храмов и возобновления деятельности приходов, а также предпринимались шаги по налаживанию церковного управления. В самом городе вновь заработали четыре церкви: две в центре, одна на месте утраченной Каменнобродской церкви и еще одна в поселке Елизаветовка [2, л. 3]. В 1942 году были освящены храм Казанской иконы Божией Матери, расположенный в здании бывшего торгового техникума, и Свято-Николаевский собор на улице Шевченко [11, с. 27]. Для этих храмов иконостасы создавались в художественно-декоративной мастерской В.В. Чехова, где художники Д.И. Гром и Т.К. Афонина воплощали эскизы Л.В. Чехова [2, л. 56]. Настоятелями Свято-Николаевского собора в тот период были отец Исидор Дереза и протоиерей Константин Анпилов. Кроме того, был перестроен Вознесенский молитвенный дом в Малой Вергунке, а в Большой Вергунке возобновил работу приход Георгиевской церкви, получивший для своих нужд помещение школы [6, с. 84].

Подобные процессы восстановления церковной жизни наблюдались и в других населенных пунктах Ворошиловградской области. Оккупационная администрация восстановила религиозные праздники. Так, в праздник Преображения Господня 19 августа, духовенство всего города с согласия городской управы и германского командования провело торжественный молебен Господу Богу и освящение яблок [3, л. 10]. Эта мера, ориентированная преимущественно на местное население, служила задачам идеологического контроля и пропаганды. Газета «Нове життя» освещала праздники, отмечаемые по новому стилю, такие как Рождество (25–26 декабря), Новый год (1 января) и Крещение (6 января) [2, л. 62]. Оккупационные власти организовывали праздники как откровенно идеологические (например, День «освобождения» от СССР 22 июня или день рождения Гитлера), так и аполитичные, направленные на крестьян (праздники урожая). Параллельно, в рамках декларируемого «возрождения украинской культуры», отмечались День украинского казачества и годовщины со дня рождения Тараса Шевченко [7, с. 125].

Стремясь привлечь население на свою сторону, оккупационная администрация организовывала разнообразные выставки. Ярким примером стала экспозиция картин «Прекрасная Германия», открытая в Ворошиловграде в январе 1943 года и воспевавшая

достижения Третьего Рейха. Несмотря на это, горожане в основном относились к таким мероприятиям с нежеланием и посещали их крайне неохотно [1, с. 6].

Гораздо более действенным стимулом к сотрудничеству были предоставляемые оккупантами льготы. Работа на администрацию не только давала защиту от депортации в Германию, но и помогала решать бытовые проблемы. Значимым фактором было и материальное вознаграждение. Согласно архивным данным, артисты местного «Кабаре» обеспечивались продовольственными карточками и увеличенным пайком, который включал дефицитные продукты: хлеб, сахар, мясо и жиры [10]. Это вынуждало часть населения идти на компромисс с властью, движимая как прагматичным расчетом на выживание, так и иллюзиями о создании немцами благоприятных условий для культурной жизни.

Однако даже под контролем оккупационных властей и в экстремальных условиях население демонстрировало механизмы самоорганизации досуга. Это было обусловлено как насущной потребностью в культурном удовлетворении, что вписывалось в стратегию оккупантов по усмирению населения, так и появлением у местной творческой интеллигенции определенных возможностей для реализации своих амбиций и получения некоторой поддержки в рамках разрешенных форм досуга.

Литература

1. Анпилогова Т.Ю. Гражданское население Ворошиловградской области УССР в период немецко-нацистской оккупации // Великая Отечественная война в мировой и отечественной истории: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы над нацистско-немецкими захватчиками. Луганск, 2015. С. 3-10.
2. Коллекция газет и географических карт, напечатанных в период оккупации Ворошиловградской области // Архивная служба Луганской Народной Республики. Ф. Р-1755. Оп. 1. Д. 1. Л. 103.
3. Коллекция газет и географических карт, напечатанных в период оккупации Ворошиловградской области // Архивная служба Луганской Народной Республики. Ф. Р-1755. Оп. 1. Д. 24. Л. 95.
4. Степкин В.П. Жизнь при немцах: на Родине и на чужбине (Донбасс 1941–1943 гг.). Донецк, 2003. 52 с.
5. Стрельцов В.Н. Луганск – история, события, судьбы. Кн. 2. Краеведческие очерки. Луганск, 2014. 356 с.
6. Онищук О.О. Відродження релігійного життя на Луганщині в роки Великої Вітчизняної війни // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. 2012. № 1006. С. 83-89.
7. Проценко Є.О. Культурні процеси на Донбасі в роки Другої світової війни: Дис. ... канд. ист. наук. Вінниця, 2019. 250 с.
8. Проценко Є.О. Мистецьке життя Донбасу в період нацистської окупації (1941-1943 рр.) // Acta studiosa historica. Львів, 2014. Ч. 4. С. 48-58.
9. Тарнавський І.С. Німецько-фашистський окупаційний режим в Донбасі (1941–1943 рр.): Дис. ... канд. ист. наук. Донецк, 1999. 223 с.
10. Театр «Кабаре» Ворошиловградської міської управи, місто Ворошиловград Ворошиловградської області (періоду німецько-фашистської окупації) // Архивная служба Луганской Народной Республики. Ф. Р-2011. Оп. 1. Д. 5. Л. 22.

11. Титаренко Д.М. Нацистська пропаганда в окупованому Донбасі: цілі, засоби, умови діяльності // Нові сторінки історії Донбасу. 2009. Кн.17-18. С. 21-34.
12. Титаренко Д.М. Окупаційна преса Донбасу як джерело з історії культури регіону. Вісник Харківської державної академії культури: Зб. наук. праць. Харків: ХДАК, 2001. Вип.4. С. 191-198.
13. Титаренко Д.М. Театральне життя в Донбасі в період нацистської окупації // Історичні і політологічні дослідження. 2005. № 1 (23). С. 100-107.

© Воропай Е.С., 2026

УДК 94(470.6*Донбасс)"1944/1945":355.018-053.2

Гаврыш О.В.

канд. ист. наук

Луганский государственный педагогический университет

г. Луганск, Россия

МЕДИКО-САНИТАРНЫЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ (НА МАТЕРИАЛАХ ДОНБАССА)

Аннотация. В статье автор уделяет внимание проблеме последствий войны для самой младшей возрастной категории общества – детей. На материалах Донбасса подробно анализируются медико-санитарные, психологические и социальные последствия Великой Отечественной войны для детей. Автор приходит к выводу, что именно несовершеннолетние стали той категорией советского общества, которая более всего пострадала от войны и, в частности, от нацистской оккупации.

Ключевые слова: дети; несовершеннолетние; Великая Отечественная война; медико-санитарные последствия; психологические последствия; социальные последствия; нацистская оккупация.

Великая Отечественная война оставила после себя тяжелые социально-демографические, медико-санитарные и психологические последствия для всего советского народа, но особенно сильно они затронули детей. Обращение к проблеме опыта детей Донбасса в годы войны обусловлено тем, что этот регион был одним из ключевых театров военных действий. Кроме того, население Донбасса пережило достаточно длительный период нацистской оккупации. К сожалению, и в настоящее время дети Донбасса находятся в эпицентре военного конфликта, поэтому обращение к историческому опыту Великой Отечественной войны позволит выработать основные направления преодоления вызовов, с которыми дети сталкиваются в условиях военных действий.

Отдельные аспекты заявленной темы рассматривались такими исследователями, как Е.С. Воропай, Г.М. Гольш, А.С. Саенко, А.В. Фомин и др [2; 4; 12; 13]. При этом комплексно проблема медико-санитарных, психологических и социальных последствий Великой Отечественной войны для детей на территории Донбасса пока еще не исследовалась.

Великая Отечественная война принесла катастрофические изменения в демографическую ситуацию всех советских республик. Одной из главных причин стало резкое падение уровня рождаемости, что было закономерным следствием войны. На это повлияли такие факторы, как массовая гибель людей детородного возраста, разрушение инфраструктуры родовспоможения (родильных домов) и критический недостаток элементарных условий для жизни.

По данным В.П. Попова, в предвоенном 1940 г. в СССР родилось 5 млн 596 тыс. чел, а в 1945 г. это количество существенно снизилось до 2 млн 357 тыс. чел. Соответственно, в 1940 г. естественный прирост по СССР в целом составлял 1 млн 458 тыс. чел, а в 1945 г. – 426 тыс. чел. [10, с. 53; 57]. Особенно пострадал генофонд тех регионов, которые длительное время находились под оккупацией. В частности, в 1939 г. численность населения Донбасса составляла около 4,9 млн чел. В Ворошиловградской области количество населения достигло

1,84 млн чел, а в Сталинской области – 3,1 млн чел. Ведение боевых действий на территории Донбасса и достаточно длительная немецко-фашистская оккупация привели к значительным изменениям в численности и структуре населения. Так, к декабрю 1943 г. количество населения в Донбассе составило 2547007 чел.: в Сталинской области – 1577603 чел., в Ворошиловградской области – 969404 чел. [9, с. 60; 67]. То есть практически в два раза за четыре года уменьшилась численность населения Донбасса.

В период 1941–1944 гг. клиника детских болезней 1-го Московского ордена Ленина медицинского института изучала патологии, характерные для детей во время войны. Исследования выявили ключевые нарушения: морфологические изменения тканей и органов, дисфункции систем, гипо- и авитаминозы, а также ослабление иммунитета. Статистика показала, что к 1944 г. 15-летние юноши стали ниже ростом на 5% по сравнению с 1940 г., а дефицит веса у подростков в 1945 г. достиг 10,4–15% относительно довоенного уровня. Большинство несовершеннолетних после войны пребывало в таком состоянии, к тому же было много детей-инвалидов.

Необходимо также учитывать роль подростков в миграционных процессах во время войны, в результате которых многие оказались в немецких концлагерях. Значительная часть этих детей была вовлечена в нацистскую программу «Lebensborn». Эта программа предусматривала воспитание несовершеннолетних, чьи расовые признаки соответствовали нацистским идеалам, в контролируемой национал-социалистической среде. По оценкам профессора Хайнца Вирста, только за август–сентябрь 1943 года в приюты «Lebensborn» было отправлено 10 тыс советских детей, и лишь примерно 3% из них вернулись домой живыми [1, с. 4].

Дети и подростки, выжившие в немецких концлагерях, возвращались в крайне истощенном, дистрофичном состоянии, с серьезными физическими и психическими травмами. Об этом свидетельствовали выбитые на руках лагерные номера, а также многочисленные следы от уколов и хирургических вмешательств. Эти следы были результатом постоянных варварских медицинских экспериментов, которым подвергались узники, или регулярного взятия у них донорской крови для нужд немецкой армии. В Макеевке Сталинской области, оккупированной гитлеровцами, в годы войны действовало 12 концентрационных лагерей. В 1942 г. был организован детский дом «Призрение» («Киндер-Хаймн»), где установили нечеловеческий режим: детей морили голодом, кормили отбросами и лишали медицинской помощи. Этот дом стал своеобразной «станцией» для принудительной сдачи крови советских детей немецким солдатам. Результатом стали смерти более 300 детей от истощения, болезней и отравлений, их тела были сброшены в ямы около поселка Соцгородок. Нацисты превратили детей в «биологическое сырье», причем самым младшим донорам было всего 6 месяцев, а самым старшим – 12 лет [12, с. 39]. Многие дети рождались непосредственно в нацистских концлагерях, куда попадали их беременные матери. Те, кому чудом удалось выжить в этих ужасных условиях, с самого рождения страдали от тяжелых физических и психических заболеваний.

Если обращаться к материалам Донбасса, то важно учитывать то, что в послевоенный период этот регион стал одной из ключевых территорий для переселенческих миграций. Целью данного процесса стало скорейшее восстановление разрушенного хозяйства промышленно значимого для Союза Донбасса. К 1 мая 1944 г. на Донбасс для восстановления угольной промышленности было мобилизовано 43 600 чел. Руководители предприятий утверждали, что прилагают максимум усилий для устройства прибывших, несмотря на разрушенные жилищные фонды шахт и дефицит оборудования. Однако, даже в оборудованных общежитиях не хватало мебели и санитарных принадлежностей. Позже было признано, что «для мобилизованных не везде созданы нормальные бытовые условия» [14, с. 73]. Дети, следуя за родителями, страдали от невзгод переселенческой жизни, испытывая психологический дискомфорт из-за разрыва с прежним местом жительства и трудностей адаптации.

Массовая детская беспризорность и безнадзорность стали одним из самых тяжелых социальных последствий войны. Толпы голодных и оборванных детей заполнили городские улицы, не имея крыши над головой и присмотра. Поиск средств к существованию сводился к попрошайничеству и мелким кражам, а ночлегом служили подвалы, чердаки или сама улица. Показательна статистика из Макеевского района Сталинской области: в 1947 году было задержано 179 беспризорных и 330 безнадзорных детей в результате 16 рейдов [13, с. 78]. Существующая сеть детских домов и домов ребенка была абсолютно несоответствующей количеству безнадзорных детей, поэтому наблюдалась чрезвычайная переполненность этих учреждений. Так, согласно акту обследования детского дома № 2 г. Ворошиловграда от 4 мая 1945 г., учреждение находилось в очень неудовлетворительном состоянии: на 115 детей насчитывалось только 60 коек; матрасы и подушки были очень низкого качества, и хватало их не на все кровати. Кроме того, в наличии было только 54 одеяла, недостаточно мебели, 1 смена верхней одежды, 1,5 смены полотенец и белья. Отмечались также и случаи массового заболевания чесоткой [11]. Преимущественно из-за объективных причин, обеспечение минимально достаточных условий содержания воспитанников детских домов было проблематичным и не повсеместным.

Непосредственным результатом войны было нестабильное питание и, часто, голодание несовершеннолетних, что имело катастрофические последствия для состояния их здоровья и физического развития. Рацион детского питания состоял в основном из черного хлеба, картофеля, некоторых круп и растительного масла. Дети и подростки практически не употребляли мяса, рыбы, жиров животного происхождения. Например, согласно данным проверки июня 1946 г. в Ворошиловградской области были случаи задержки отпуска продуктов детским домам на 1,5–2 месяца [13, с. 80]. В подобной ситуации находились и несовершеннолетние, проживающие со своими родителями. Так, в докладной записке к начальнику областного отдела Министерства внутренних дел в г. Ворошиловграде от руководства Евсугского районного отдела отмечалось следующее: «Доношу, что 19 декабря 1946 года я получил от врача больницы села Литвиновка Ишкова медицинское приложение о том, что две многодетные семьи колхозников имеют резкое истощение на почве недоедания,

третья семья колхозницы Должиковой, дети которой имеют безбольновой отек – последняя стадия голодания... Семей, находящихся в крайне тяжелом положении в районе есть уже много и они могут увеличиваться, а точнее могут быть несчастные случаи на почве недоедания, если району не будет оказана срочная помощь продовольственной ссудой» [6].

Множество семей лишилось жилья из-за войны, из-за чего дети были вынуждены жить в землянках, подвалах или бараках. Было повсеместно распространено уплотнение, когда несколько семей делили одно жилище. Серьезные бытовые неудобства были вызваны почти полным разрушением коммунальных систем в городах и острой нехваткой топлива для населения.

Военные действия серьезно повлияли на школьное образование, результатом чего стала разновозрастная структура классов, где преобладали «дети-переростки». В частности, в Сталинской области процент учеников, значительно старше положенного возраста для своего класса, последовательно возрастал. Например, в 1-х классах их доля составляла 63% (49814 из 79506), во 2-х – 82% (40541 из 49249), и эта закономерность сохранялась в старших классах [4, с. 193]. Из-за объективных причин, вызванных экстремальными условиями военного времени – отсутствием одежды и обуви, болезнями, инвалидностью, а также вынужденной занятостью несовершеннолетних на работах – посещение детьми школы находилось на крайне неудовлетворительном уровне. Так, в докладной записке по поводу итогов учебно-воспитательной работы в школах Марковского района Ворошиловградской области за первое полугодие 1944/1945 учебного года отмечается, что 107 учащихся не посещали школу, причем 93 из них по причине отсутствия обуви [5].

Школьные помещения, особенно зимой, были холодными, вынуждая учеников заниматься в верхней одежде. В зимний период 1944/1945 учебного года в Сталинской и Ворошиловградской области ряд школ полностью прекратили работу из-за нехватки топлива [4, с. 194]. Несмотря на достаточно широкомасштабные мероприятия властных структур, нацеленных на обеспечение процесса получения обязательного общего образования, по сути, обеспечить его, чаще всего, не удавалось. Например, по состоянию на 30 июня 1946 г. из 1067 школ Ворошиловградской области были отремонтированы только 504, угля школам было завезено 7401 тонн вместо планируемых 23923,5 тонн. При необходимом количестве 25000 парт изготовлено было только 4000 [7].

Военная пора с ее особыми условиями, практически полным разладом общественного воспитания способствовала росту асоциального поведения детей и подростков. Массовые случаи недисциплинированности в школе, неблагоприятное поведение несовершеннолетних в общественных местах, распространение вредных привычек в подростковой среде, рост количества детских правонарушений – все эти негативные факты стали не очень приятной чертой исследуемого периода. По статистике 1948 г. детская преступность в Сталинской области составила 20,8% от общего количества совершенных преступлений, в Ворошиловградской области – 14,5% [8, с. 83].

Война оказала тяжелое воздействие на еще не сформированную психику несовершеннолетних, что привело к негативным изменениям в их психоэмоциональном

развитии. На 1-й всесоюзной медицинской конференции, посвященной медико-санитарным последствиям Великой Отечественной войны, с обеспокоенностью было заявлено о значительном увеличении количества детей с психическими и эмоциональными расстройствами. В одном из материалов газеты «Правда» за 1942 г. вполне уместно отмечалось: «Разрушенные города и села можно восстановить... Однако, сложно вернуть к нормальной жизни ребенка, покалеченного безнадзорностью, лишенного счастливого детства. Практически невозможно залечить душевные раны подростка, на глазах у которого фашистские звери замучили отца или повесили мать...» [4, с. 201]. Несовершеннолетние граждане пережили глубокие морально-психологические травмы, вызванные преждевременной гибелью родных и близких, а также стрессовыми ситуациями военного периода. Эти переживания оставили неизгладимый след в их жизни.

Влияние войны, особенно нацистской оккупации, на детское сознание можно проследить в ученических сочинениях, написанных по распоряжению советских органов под общей темой «Что я пережил в период оккупации?». «Но вот наступило 17 июля 1942 года, когда мое счастливое детство прервалось. Люди бежали в панике. Всюду носились слухи, что в городе немцы», – пишет в своем сочинении ученица 7-Г класса школы № 3 г. Ворошиловграда Макаренко Валя. В сочинениях, написанных детьми, помимо описания первого столкновения с немцами, почти каждое раскрывало детали повседневного существования в период оккупации. Особое внимание уделялось проблемам жилья, нехватке одежды, но доминирующей темой был голод и связанные с ним поиски пищи. «Нам было очень трудно при немцах, они хлеба нам не давали, мы пухли от голода и от холода. Мы были разутые, одеться было не во что», – вспоминает ученица 6 класса Ворошиловградской школы № 26 Лариса Комнатная [3, с. 153].

Таким образом, война вызвала очень серьезные социально-демографические, медико-санитарные и психологические последствия, нанесшие особенно глубокий урон самой молодой возрастной категории советского социума. В жизни детей Донбасса военных и послевоенных лет Великая отечественная война оставила неизгладимый след. Для предотвращения подобных трагедий в будущем необходимо продолжать исследования этого сложного комплекса проблем, связанных с влиянием войны на детей.

Литература

1. Бражник А. Украденные дети // Родина. 2019. 3 октября. С. 4.
2. Воропай Е.С. Создание и деятельность системы оккупационных органов на территории Донбасса и Северного Кавказа в 1942–1943 гг.: сравнительный анализ // Электронный журнал «Кавказология». 2025. № 1. С. 135–153. <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2025-1-135-153>
3. Гаврыш О.В. Повседневная жизнь местного населения ворошиловградщины в условиях нацистской оккупации на материалах детских воспоминаний (июль 1942 – февраль 1943 гг.) // Проблемы фальсификации истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны (к 80-летию начала Великой Отечественной войны): материалы Международной научной конференции (г. Армавир, 10 июня 2021 года). Армавир, 2021. С. 151-156.
4. Гольш Г.М. В водовороте войны. Положение несовершеннолетних граждан Украины в 1941–1945 гг. Черкассы: Черкасский ЦНТЕИ, 2005. 324 с.

5. Докладная записка «Об итогах учебно-воспитательной работы в школах Марковского района в первом полугодии 1944/1945 учебного года» // Архивная служба ЛНР. Ф. П-179. Оп. 3. Д. 248. Л. 11.
6. Докладная записка «Начальнику УМВД области. Совершенно секретно. Срочно» // Архивная служба ЛНР. Ф. П-179. Оп. 3. Д. 435. Л. 63.
7. Докладная записка Министерству просвещения УССР от Ворошиловградского облоно «О подготовке школ к новому 1946/1947 учебному году» // Архивная служба ЛНР. Ф. П-179. Оп. 3. Д. 551. Л. 17–19.
8. Лагоша М.Н. Деятельность милиции Украины по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в послевоенные годы (1946–1953 гг.) // Восток. 2003. № 7. С. 82-85.
9. Николаец Ю.А. Демографические процесс в Донбассе в годы Второй мировой войны // Украина – Европа – Мир. Межд. сб. научн. трудов. 2013. Вып. 11. С. 60-69.
10. Попов В.П. Демографические перемены в СССР в 1940-х–начале 1950-х гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 49-64.
11. Протокол заседания Ворошиловградского горсовета № 25 от 30.11.1943 г. // Архивная служба ЛНР. Ф. Р-693. Оп. 3. Д. 1. Л. 233.
12. Саенко А.С. Нацистская политика геноцида в оккупированном Донбассе (1941–1943 гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11. № 3. С. 34-44.
13. Фомин А.В. Детская беспризорность и нищенствование как недостатки деятельности системы социального обеспечения УССР в послевоенные годы (1945–1955) // Гиля. 2012. № 7. С. 76-84.
14. Шипик Н.Ф. Социально-демографические процессы в Донбассе в 1943–1955 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Донецк, 2005. 173 с.

© Гаврыш О.В., 2026

АКТУАЛИЗАЦИЯ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК РЕАКЦИЯ НА ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ В РУССКОЙ АРМИИ В 1914 ГОДУ

Аннотация. На основе теории дискурса и социологии знания исследуется актуализация мифологического дискурса в сознании солдат русской армии в 1914 году как ответ на травматический опыт Первой мировой войны. Анализируется, как противоречивость официального дискурса, столкнувшись с реальностью, вызвала смысловую неустойчивость у комбатантов. Делается вывод, что к концу 1914 года данная неустойчивость стала предпосылкой политизации и радикализации мифологического дискурса.

Ключевые слова: Первая мировая война; русская армия; коллективное сознание; мифологический дискурс; травматический опыт; дискурс-анализ; слухи; окопная религиозность.

Вступление Российской империи в Первую мировую войну инициировало не только масштабные военные действия, но и глубокую трансформацию коллективного сознания, подвергнув критическому испытанию устоявшийся смысловой порядок. Относительная внезапность и беспрецедентный травматический опыт сделали задачу обеспечения дискурсивной гегемонии для государства невыполнимой, что привело к возникновению обширных маргинальных областей в сознании солдат. Эти лакуны, не освоенные официальным дискурсом, начали заполняться низовыми практиками осмысления – компенсаторным мифологическим дискурсом. В этом контексте события 1914 года предстают как период, позволяющий проанализировать, каким образом в солдатских дискурсивных практиках актуализировался мифологический ресурс и начинали формироваться альтернативные узловы точки, составившие впоследствии конкуренцию государственным значениям.

Изучение массового сознания в период Первой мировой войны является одним из приоритетных направлений современной историографии. В поле зрения оказываются социальное поведение, психология, патриотические настроения и политизация солдатских масс [4; 9-11]. Считается, что слухи, окопная религиозность и такие узловы точки как солдатский фатализм начали проявляться в русской армии на фоне событий 1915 года. Однако вопрос о возможном развитии этих элементов уже в начале войны остается недостаточно изученным. Данное исследование представляет собой попытку частично восполнить эту лакуну, сфокусировавшись на анализе травматического опыта 1914 года как фактора актуализации мифологического дискурса.

Работа опирается на междисциплинарный синтез, включающий теорию дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф [14], критический дискурс-анализ Н. Фэркло [12] и социологию знания П. Бергера и Т. Лукмана [3]. Цель такого теоретического выбора – не просто описать солдатские взгляды, но и проанализировать сам механизм их производства и обосновать поворот в конкретную плоскость мифа. Этот подход позволяет рассматривать комбатанта не

как объект исторических процессов, а как активного участника создания смыслов, который через повседневные практики (слухи, ритуалы, фольклор) конструировал альтернативную реальность.

Исходя из используемой теории Лакло и Муфф, под мифологическим дискурсом в рамках затрагиваемой проблематики понимается гетерогенная совокупность артикуляционных практик (текстов, символов, ритуалов, иных знаковых форм), возникающая преимущественно в маргинализованных или не полностью символизированных социальных и экзистенциальных пространствах – то есть там, где доминирующие (гегемонные) дискурсы (государственный, церковный, рационально-научный) либо не заполняют, либо подавляют, либо не способны адекватно осмыслить.

К 1914 году государственный гегемонный дискурс в Российской империи, осознавая возможность большой войны, оказался концептуально не готов объяснить широким массам за что именно им придется сражаться. Одной из причин этой неготовности стала относительная внезапность повода: убийство эрцгерцога Франца Фердинанда изначально воспринималось как очередной балканский кризис, подлежащий дипломатическому урегулированию [15, с. 18]. Когда же конфликт перерос в войну, власть попыталась артикулировать её цели через несколько параллельных, но не всегда связанных друг с другом нарративов. Отчасти это объясняется отсутствием в стране единого координационного органа военной пропаганды. Так, война обозначалась как «народная», как «вторая Отечественная», как цивилизационная борьба с «германским игмом», как священная война «с крестом в сердце», как «суд Божий» [1] и т. д. В свою очередь, использование апелляции к защите «братских славянских народов», типичное для идеологических моделей европейских национальных государств, в российском контексте оказалось малоэффективным.

Защита славянства, имперских интересов и подобные им идеи в рамках концепции панславизма оказались слишком абстрактными и чуждыми для локального сознания крестьянства, составлявшего основу армии. Хотя идея помощи сербскому народу имела определенные исторические корни и у части комбатантов могла найти отклик, в солдатских массах она могла получить более простую интерпретацию «защиты брата младшего» [5, с. 123]. Это связано не столько со сложностью самой концепции, сколько с ее абстрактностью и удаленностью от повседневной реальности основной массы солдат-крестьян [10, с. 98]. Их самосознание и лояльность строились на более осязаемых основах: принадлежности к своей общине (землячеству), православной вере и сакральной фигуре царя, а не на идее характерной для общества национального государства и оставшейся конструктом, более релевантным для образованных слоев общества. Как отмечал генерал Ю.Н. Данилов, «главная масса его, крестьянство, едва ли отдавала себе ясный отчет, зачем его зовут на войну. Цели войны были ему неясны» [5, с. 120]. На этом фоне более концептуально простая идея «защиты Отечества от немца» стала «первым стимулом, толкавшим все слои населения России на бранный подвиг» [5, с. 122], однако, патриотический порыв, сопровождавший мобилизацию, был скорее эмоциональной реакцией, нежели осознанной позицией, что делало его крайне неустойчивым.

Так, официальный дискурс с первых дней войны оставлял некоторые области в сознании солдата незаполненными либо ненадежно оформленными, что не позволило им закрепиться в статусе «осадочного дискурса» [14, с. 8]. Русский патриотизм, по выражению Н.Н. Головина, «был... лишь сырой материал, из которого... и вырастают те более сложные виды “патриотизмов”» [5, с. 125]. Его слова о формуле «за Веру, Царя и Отечество как «своего рода политическом обряде» наглядно иллюстрируют низовые интерпретации официальных значений, которые при первом же серьезном столкновении с реальностью рисковали «лопнуть, как мыльный пузырь» [5, с. 124], создавая условия для разрывов в ткани дискурса.

Важным компонентом для внутреннего принятия войны комбатантом является предсказуемость её хода, что во многом обеспечивается за счёт стабильного снабжения и преимущества в оружейных технологиях. В военной психологии отмечается, что «несоответствие боевой техники характеру решаемых войсками задач отрицательно влияет не только на эффективность их действий, но и в еще большей степени на состояние морального духа» [6, с. 145]. Однако уже осенью 1914 года в снабжении наблюдались проблемы. Свидетельства современников, порою сгущая краски, описывают: «Было жестоко видеть наши батареи, стоящие без дела и беспомощно, пока противник выпустил около 1200 тяжелых снарядов по нашим окопам» [13, с. 259]. Встречи с противником в бою или при его пленении невольно заставляли солдат сравнивать, что находило отражение в личных записях: «...пригнали пленных Австрицев и у каждого Солдата Хорошее Теплое Одеяло. Невольно пришлось позавидовать на ихъ. Австрицы лутше снабжены всемъ, чемъ рускія...» [2].

Факт невозможности обеспечить базовые потребности солдата, приводит не только к рефлексии, но и непосредственно переживаемому телесному опыту – от холода, голода и незащитности. Поскольку знание о социальном мире и его реальности, как утверждают Бергер и Лукман, интернализируется индивидом (превращаясь в его субъективную реальность), то, когда непосредственный, массивный и принудительный факт противоречит объективным определениям реальности, предоставленным государством, происходит утрата доверия к самой основе порядка [3, с. 293]. Как отмечают военные психологи: «На когнитивном уровне переход к наступлению ассоциируется у воинов с тем, что военные руководители «наверху» тщательно просчитали, оценили, взвесили, выявили слабые места в боевом состоянии противника, сделали выводы из прошлых неудач, создали превосходящие силы, правильно выбрали время и место наступления, что, безусловно, обеспечит успех боя» [6, с. 155].

Параллельно с материальным коллапсом происходила дислокация на уровне самого опыта боя. Предвоенные представления о героическом поединке и «наступательном духе» были уничтожены безличной мощью современного оружия. Уже первые столкновения, такие как бой при Шталлупёнене, продемонстрировали заметную, хотя и предполагаемую ранее, эффективность пулеметов, артиллерии и возросшую человеческую цену тактики атак стрелковыми цепями. Неслучайно современники предпочитают использовать слово «скашивают» при описании воздействия пулеметной очереди на пехоту [13, с. 64]. Кульминацией потери порядка войны стала катастрофа 2-й армии генерала Самсонова. Это

поражение параллельно проблемам снабжения порождало «тягостное моральное впечатление... недоверие к своим силам против немцев» [5, с. 133], даже несмотря на явные победы русской армии на других фронтах или в прошлых сражениях. Эффект был настолько сокрушительным, что даже высокопоставленные наблюдатели, такие как А.И. Гучков, после «первого опыта на самом театре военных действий» уже в августе 1914 года приходили к «твердому убеждению, что война проиграна» [5, с. 133]. Для рядового солдата этот опыт мог привести к переосмыслению образа врага в сторону признания его как серьезной угрозы.

Вместе с вышеупомянутыми проблемами, у солдата наблюдался «информационный голод». В 1914 году высшее командование не делало упор на подробное освещение успехов русского оружия во многом из-за опасения выдать конфиденциальную информацию, а также рассчитывая на патриотические настроения первых дней войны. Также необходимо отметить, что, вследствие недоверия командования, разрешение на посещение фронта было предоставлено военным корреспондентам только после выявления «острой необходимости» [8, с. 135] в сентябре 1914 года, продиктованной общественным недовольством. В образовавшемся вакууме источником «правды» для солдат стали письма из дома, которые проверялись военной цензурой и слухи фронта, получившие название «солдатский телеграф». Их влияние со временем возросло настолько, что в конце 1914 г. издавались приказы, осуждающие «болтунов среди офицеров и нижних чинов нек[ото]рых частей идут разговоры о скором якобы заключении мира» [7]. Так, солдаты начали активно производить собственное, альтернативное знание о войне, выражая в циркуляции слухов массовые настроения и закладывая основы для формирования контр-дискурса «окопной правды».

В теории Бергера и Лукмана символический универсум (в данном случае, официальная идеология, включающая веру в командование и его методы ведения войны) выполняет ключевую номическую (упорядочивающую) функцию. Он призван придавать смысл и порядок человеческому опыту, особенно в «маргинальных ситуациях», таких как смерть. В этом вакууме смысла, в состоянии аномии, солдаты начали конструировать собственный, параллельный номос (порядок) [3, с. 160], и он не всегда касался сферы рационального знания. Уже в 1914 году стали проявляться элементы того, что впоследствии получит название «окопная религиозность». Она включала в себя сбор талисманов, циркуляцию примет в сообществе комбатантов, переписывание «святых писем» и «окопных молитв», и это были не просто суеверия, а акт социального конструирования реальности, причем нередко основанный на официальной православной вере. Это были новые, прагматичные легитимации, созданные человеком перед лицом хаотичности нового формата войны.

Низовые религиозные практики стали альтернативной системой защиты потому, что они были социально подтверждены коллективной верой, подкрепленной избирательным восприятием фактов. Солдат видел, что сослуживцы следуют этим практикам, слышал истории о спасении благодаря молитве, они обменивались текстами окопных молитв, коллективно создавая и поддерживая веру в их действенность: «подъ Чесовней, где была его могила, кто песку с могилы берет, а у гроба, въ котормъ былъ похоронень Святитель – Манахъ, такъ какъ по случею. Воины Солдаты много построгали у гроба передней стенки и

струшки брали какъ Святыню с собой» [2]. Эта практика скорее была не возвратом к примитивному мышлению, а активным созданием нового смыслового подуниверсума, который предполагался более реальным и эффективным, чем рациональные объяснения. Важно отметить, что официальный государственный и церковный дискурс поддерживал эту плоскость мировоззрения не только в официальных обращениях, но и постоянных раздачах крестиков и образков солдатам как перед отправкой на фронт, так и в лазаретах.

Таким образом, к концу 1914 года государственный дискурс Российской империи начал заметнее терять свою гегемонию в производстве смыслов. Травматический опыт первых месяцев войны вызвал актуализацию мифологического дискурса, который начал развиваться параллельно с официальным. Результатом 1914 года стало формирование глубокой амбивалентности в сознании солдата и появление первых, еще не политизированных, практик и нарративов «окопной правды». Возникла ситуация дискурсивного двоемирия, где солдат мог одновременно участвовать в официальных ритуалах и практиковать «низовую» магию. Именно эта амбивалентность и рост легитимности параллельного, мифологического дискурса создали ту смысловую среду, которая в условиях затяжной войны 1915–1916 гг. привела к его дальнейшей политизации, радикализации и заметному вытеснению официального смыслового порядка.

Литература

1. «Русскому народу!» – воззвание великого князя Николая Николаевича, Верховного Главнокомандующего (5 августа 1914 г.) // Военно-учёный архив. <https://clck.ru/3QqYVN>.
2. Анисимов М.С. Дневник 1914–1917 гг. / подготовка текста к публикации Р. Потапов // Архив «Прожито». <https://clck.ru/3QqYcu>
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Борщук Е.Д. Патриотические настроения россиян в годы Первой мировой войны: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 165 с.
5. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж: Товарищество объединённых издателей, 1939 (2 т.). 256 с.
6. Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Прикладная военная психология. СПб.: Питер, 2006. 480 с.: ил.
7. Кравков В.П., Сенявская Е.С., Российский М.А. Великая война без ретуши: записки корпусного врача (1914–1917 гг.). М.: Вече, 2014. 414 с.
8. Лемке М.К. 250 дней в царской ставке 1914–1915. Минск: Харвест, 2003. 448 с.
9. Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
10. Степанов А.С. Россия в Первой мировой войне: проблемы статуса и власти: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. 411 с.
11. Чертищев А.В. Политические партии России и массовое политическое сознание действующей русской армии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. 791 с.
12. Chouliaraki L., Fairclough N. Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. 168 p.

13. Knox A. With the Russian Army, 1914–1917: Being Chiefly Extracts from the Diary of a Military Attaché. Vol. I. London: Hutchinson & Co., 1921. 368 p.
14. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. 2nd ed. London; New York: Verso, 2001. 195 p.
15. Neiberg M. The Crisis of 1914 and the Road to War // *Ler História*. 2014. № 66. P. 11–27. <https://doi.org/10.4000/lerhistoria.656>

© Голованов Е.С., 2026

УДК 327:94

Горбунова С.В.

канд. ист. наук

Нижневартовский государственный университет
г. Нижневартовск, Россия

«ВОЕННАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ» 1878 г. НА ГРАНИЦЕ С АФГАНИСТАНОМ КАК ФАКТОР ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ АНГЛО-РУССКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается передислокация русских войск на границу с Афганистаном и их нахождение там в 1878 г. Враждебные действия Великобритании по отношению к России во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и особенно после заключения Сан-Стефанского договора угрожали перерастанием в новую (после Крымской) войну с англичанами и их союзниками. Для предотвращения этого на границе с Афганистаном были сосредоточены русские войска, которые должны были продемонстрировать намерение вторгнуться в Британскую Индию, и тем самым заставить власти Великобритании отказаться от агрессивных замыслов.

Ключевые слова: Берлинский конгресс; англо-русское противостояние на Востоке; Русский Туркестан; Британская Индия; К.П. фон Кауфман; «стояние на Джаме».

Конфронтационные действия Великобритании во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и особенно в период после подписания Сан-Стефанского мирного договора и на Берлинском конгрессе создавали реальную угрозу для России и в любой момент могли привести к очередному военному столкновению. В марте 1878 г. в Великобритании начался призыв резервистов и передислокация части англо-индийской армии на Мальту, английские военные корабли по-прежнему оставались вблизи проливов, а высшее британское командование спешно разрабатывало планы ведения боевых действий против России в Европе и Малой Азии [1, с. 30–34].

В условиях этого очередного обострения англо-русских отношений в апреле 1878 г. состоялось Особое совещание под председательством Александра II, на котором обсуждались превентивные меры, которые можно было предпринять в Центральной Азии в случае, если эскалация дойдет до военных действий.

Следует отметить, что в российском военном ведомстве после Крымской войны разрабатывались разные сценарии противостояния английской агрессии, в числе которых были и планы направления в Индию военных отрядов с целью отвлечения вооруженных сил Великобритании, и прежде всего, флота, с потенциального европейского театра войны [6]. В ситуации, когда державы вновь оказались на грани войны, такие планы начали обсуждаться на самом высоком уровне.

23 марта 1878 г. генерал-губернатор Туркестанского края и командующий войсками Туркестанского военного округа К.П. Кауфман направил начальнику Главного штаба телеграмму, в которой предложил направить отряды Кавказской армии и Туркестанского военного округа соответственно к Мерву (тогда еще независимому) и Ширабаду (ныне – Шерабад, город в Сурхандарьинской области Узбекистана; в рассматриваемый период принадлежал Бухарскому эмирату) на границу с Афганистаном, чтобы создать угрозу «интересам Англии в Азии» [2, с. 46].

Командование Кавказской армией также предложило выдвинуть войска к Индии, но указывало на то, что единственно приемлемый маршрут лежит не через Среднюю Азию и Афганистан, а через удобную и относительно безопасную Персию [2, с. 53-54].

Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский тоже высказался за иранский маршрут. В записке на имя военного министра Д.А. Милютина он писал, что для реальных боевых действий в Британской Индии необходимо отправить туда, как минимум, 150-тысячный отряд, для чего нужно добиться союза с Персией и Афганистаном, либо совсем отказаться от самого похода. Если же ограничиться только «предупредительными действиями», то достаточно небольшого отряда в оазис Мерва, однако в последнем случае не будет достигнута цель «устрашить Англию» [2, с. 65-67].

На упомянутом выше Особом совещании были рассмотрены эти предложения, а также записка сенатора Н.Е. Торнау, в которой он изложил практически нереализуемый проект, состоявший в следующем: добиться от Османской империи передачи в счет контрибуции Кербелы и Неджефа (Эн-Наджаф; оба города сейчас находятся в Ираке; для шиитов – самые священные города после Мекки и Медины); передать их Персии, обменяв на Астрабад и право перехода русских войск от Астрабада по иранскому Хорасану до афганского Герата [2, с. 63-64].

После продолжительного обсуждения участники совещания пришли к решению, что «предпринимать большое военное движение к стороне Индии с целью решительно поколебать английское владычество в этой стране в настоящее время было бы нежелательно», так как для этого у России недостаточно финансовых и военных возможностей. Однако было признано необходимым начать военные приготовления и выслать несколько отрядов к границе, чтобы заставить Великобританию «опасаться за спокойствие своих владений в Индии» [7, с. 206].

Такие «демонстративные» действия не предполагали реального перехода русских войск через Иран или Афганистан, достаточно было только передислокации войск на границы с этими странами. Участники Особого совещания приняли во внимание мнение товарища министра иностранных дел Гирса о необходимости «оставить совершенно в стороне от наших планов» Персию, поскольку вовлечение ее в антианглийские действия может спровоцировать Великобританию на «решительные меры» против этой страны, и есть опасность, что Россия в таком случае лишится дружественного нейтралитета иранского правительства [7, с. 206]. С учетом этих обстоятельств, разработка и реализация «демонстрационных мер» были поручены туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон Кауфману.

К.П. фон Кауфман, вероятно, продолжал придерживаться своей точки зрения, и вел подготовку не только «демонстрации», но и реальных боевых действий. По крайней мере, в целях информационного давления на Англию подготовка похода русской армии должна была проводиться открыто, а командующий Туркестанским военным округом установил режим строжайшей секретности, вплоть до шифрования всей переписки [8, с. 435-436].

Из Русского Туркестана до границы с Афганистаном нужно было пройти по территории Бухарского ханства (эмирата). Бухарское ханство было завоевано в 1868 г. и, превратившись

в российский протекторат, не могло проводить самостоятельную политику; размещение на его территории русских войск не вызвало особых затруднений.

Основные дипломатические усилия были сосредоточены на получении согласия афганского правителя Шир-Али на переход военных отрядов через его владения. К нему была направлена миссия генерал-майора генерального штаба Н.Г. Столетова [в отличие от «индийского похода», который стал изучаться сравнительно недавно Т.Н. Загородниковой, Д.В. Васильевым и рядом других историков, миссия Столетова нашла достаточно подробное отражение в советской и современной историографии; среди последних интересных работ о ней: 3, с. 69-85; 4, с. 21-36].

Первоначальный план предполагал движение русских войск тремя колоннами: первая должна была собраться в Ферганской области и через Алайский хребет направиться к Кашгару; сбор второй колонны был назначен в Самарканде, из которого она должна была пройти через Джам на Келиф и Ширабад на Аму-Дарье; третья колонна должна была идти из Хивы через Чарджуй на Амударье. Однако в дальнейшем пришлось изменить этот план. Военный губернатор Ферганской области А.К. Абрамов, возглавивший первый отряд, предупредил К.П. Кауфмана, что для перевозки продовольствия, рассчитанного на 2300 человек, оружия, фуража и прочих необходимых запасов, понадобится около 5 тыс. лошадей, и при движении по горным дорогам этот обоз может растянуться на более чем 20 верст. К.П. Кауфман сначала сократил численность этого отряда и разрешил уменьшить запасы продовольствия и фуража [8, с. 433], а затем и изменил маршрут: А.К. Абрамову было предписано собраться в Маргелане и двигаться не на Кашгар, а тоже на Аму-Дарью через Каратегин [8, с. 434].

14 мая 1878 г. был издан официальный приказ о формировании трех отрядов: Самаркандского, Ферганского и Амударьинского. Основной отряд – Самаркандский – возглавил генерал-майор Троцкий; Ферганский, формировавшийся в Маргелане – генерал-майор Абрамов; Амударьинский должен был собраться в Петро-Александровске (ныне г. Турткуль в Узбекистане) под командованием полковника Гретенгельма [8, с. 435]. Каждый отряд формировался как сводный, с участием команд из почти всех подразделений регулярных войск Туркестанского военного округа и казаков, что было обусловлено, по словам М.А. Терентьева, «в видах равномерности распределения будущих наград» [8, с. 433].

Для усиления оставшихся в Русском Туркестане войск туда были переброшены два оренбургских и три сибирских казачьих полка. В Западной Сибири была проведена мобилизация резервистов и из призванных из запаса нижних чинов и сверхкомплекта были сформированы резервные батальоны; к 11 июня завершилась их укомплектование и обеспечение оружием, обмундированием, продовольствием и пр. [2, с. 103-104, 124].

На довольствие войскам Туркестанского военного округа было выделено сверхсметным кредитом 500 тыс. руб. [2, с. 122]. Солдаты и казаки были хорошо экипированы и обеспечены дополнительным питанием; время, проведенное в походе, засчиталось им как участие в боевых действиях.

Основной тыловой базой стал Самарканд, где были созданы новые продовольственные склады, развернуты артиллерийские и инженерные парки, дополнительные интендантские службы, лазареты. Лазареты были также при Главном отряде (на 160 мест) и при Амударьинском (на 50 мест) [2, с. 141]. Между Самаркандом и Джамом была установлена телеграфная связь.

Главный отряд был разбит на несколько частей (эшелонов), которые поэтапно (чтобы обеспечить лошадей водой и кормом) выдвигались из Ташкента и следовали до урочища Джам неподалеку от Самарканда. Движение отряда началось 1 июня, а последние его части прибыли в Джам 5 июля. От Джама Главный отряд должен был последовать далее на границу с Афганистаном, к Ширабаду, куда планировалось прибытие и Ферганского отряда.

Однако Ферганский отряд так и не дошел до назначенного места. Перевал через Каратегин оказался завален снегом, для его перехода потребовалось бы слишком много усилий, поэтому маршрут Ферганского отряда был изменен, и он снова был направлен в Кашгар. Амударьинский отряд предполагалось сформировать с участием кавказских отрядов, но их прибытие задерживалось, и он выступил из Петро-Александровска только 15 июля, за три дня до получения из Петербурга приказа о прекращении операции.

Таким образом, на границе с Афганистаном расположился только Главный отряд, состоявший из 48 рот пехоты, 20 казачьих сотен при 40 орудиях, 8 ракетных станках. Если учесть подходившие силы Амударьинского отряда, то в распоряжении К.П. Кауфмана было 34 роты, 22 казачьи сотни, всего 12356 человек.

Конечно, этих сил было совершенно недостаточно для реального похода на Британскую Индию, где численность англо-индийской армии составляла почти 190 тыс. человек, из которых 64726 были европейцами [2, с. 331], даже с учетом того, что эти силы были рассредоточены в Бенгалии, Мадрасской и Бомбейской армиях. Уже после возвращения в Ташкент К.П. Кауфман писал, что для «наступательно-демонстративных действий» для резерва, обеспечения тыла и операционной линии необходимо иметь как минимум 50-тысячный экспедиционный корпус [5, с. 142].

Английская сторона была осведомлена и о миссии Н.Г. Столетова, и о действиях К.П. Кауфмана. При этом английские власти получали даже преувеличенные данные о русских военных силах, собранных в индийский поход. Так, еще до издания приказа от 14 мая 1878 г. о формировании военных отрядов и направлении их на границу с Афганистаном, 30 апреля посол Великобритании в Турции сообщил министру иностранных дел лорду Солсбери, что он получил сведения о формировании русского отряда численностью 50 тыс. человек для похода к Британской Индии [2, с. 337].

Однако русские войска так и не перешли границу Афганистана. После подписания Берлинского договора и снижения уровня напряженности в англо-русских отношениях К.П. Кауфману было приказано вернуть войска на места постоянной дислокации. В рескрипте от 18 июля 1878 г. Александр II приказал «отменить предполагавшиеся, с целью демонстрации, наступательные действия со стороны Туркестанского военного округа» и другие «чрезвычайные меры на случай войны с Англией» [2, с. 146].

И тем не менее, эта «военная демонстрация» весьма обеспокоила правящие круги Великобритании, которая, добившись от России ряда уступок на Берлинском конгрессе, все же не стала настаивать на выполнении всех своих требований и свернула подготовку к войне. Насколько серьезно была воспринята английскими правящими кругами русская угроза индийским владениям, свидетельствует и то, что в ноябре того же 1878 г. Англия начала военные действия против Афганистана, стремясь предотвратить превращение его территории в возможную базу российского экспедиционного корпуса.

Таким образом, продвижение русских войск к границам Британской Индии («стояние в Джаме») в 1878 г. было обусловлено стремлением России оказать влияние на позиции Великобритании на Берлинском конгрессе и добиться приемлемого соглашения, а в случае неудачи мирного процесса и начала военных действий заставить английское командование перебросить в Индию значительные воинские контингенты и направить туда свой флот. Кроме того, дальнейшее продвижение России в Средней Азии и завоевание Мерва и туркмен было отчасти обусловлено стремлением создать более широкий плацдарм для противостояния Великобритании в этом регионе.

Литература

1. Арбеков А.Б. Подготовка Англии к войне с Россией на завершающем этапе Восточного кризиса весной 1878 г. // Форум молодёжной науки. 2021. №5. С. 27-35.
2. «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. / Сост., автор предисл. и примеч. Т.Н. Загородникова. М.: Новый хронограф, 2014. 358 с.
3. Васильев Д.В. Афганистан в центре Большой игры. 1878-1879. Акт второй: Посольство Н.Г. Столетова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 3(43). С. 69-85. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2022.43.6>
4. Загородникова Т.Н. «Индийский поход» русской армии и миссия генерала Н.Г. Столетова в Кабул // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2006. № 4. С. 21-36.
5. Загородникова Т.Н. «Индийский поход» русской армии // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2004. № 3. С. 134-142.
6. Кубанов К.Г. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2007. 12 с.
7. Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: Восточная литература, 1997. 374 с.
8. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб.: типо-лит. В.В. Комарова, 1906. 547 с.

© Горбунова С.В., 2026

К ОСМЫСЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ВОЙНА»

Аннотация. Тема войны как исторического явления и понятия более ста лет находится под пристальным вниманием исследователей. Определение времени зарождения того или иного факта истории может опираться на понятные параметры. Важнейшим событием истории стало освоение производящих форм экономики. Это событие определило весь ход дальнейшего цивилизационного развития. Индивидуальные особенности, маркируемые в настоящее время коэффициентом интеллекта (IQ), легли в основу профессиональной специализации, а затем и социальной стратификации. Обособление профессий, прежде всего связанных с охранными функциями, обостряло проявления первобытного общественного сознания и создавало вокруг грабежа героический ореол. В этой связи война может рассматриваться как побочный эффект разделения труда.

Ключевые слова: теория истории; неолитическая революция; разделение труда; ремесло; война.

История, область знания охватывает все стороны прошлого человечества. Социальные, экономические, материальные и иные производные нашего бытия являются предметом ее изучения. История во всем ее многообразии, как по форме, так и по содержанию, стремится сформулировать свое видение на каждом этапе своего становления. Каждая эпоха, методологическая установка, личность исследователя накладывают свой неповторимый отпечаток на реконструкцию прошлого.

Война, как факт истории, присутствует в сочинениях разных авторов с первого тысячелетия до н.э. [7, с. 117-121; 8, с. 19-20; 24 и др.]. Истоки войны (воинственности) в различных ее проявлениях (формах) пять столетий являются предметом изучения и систематизации.

Систематизация знания – не самоцель в исторических исследованиях, а инструмент конструирования будущего. Человечество впервые проходит свой путь и не имеет выверенных ориентиров направления движения. Неравномерность развития обществ показывает вариативность движения по всем его векторам. Война является лишь одним ответвлением древа бытия человечества.

Этнографические наблюдения Моргана Л. и систематизация его изысканий Ф. Энгельсом сформулировали базовые признаки общеисторической периодизации [15, с. 9-10; 25, с. 30-37]. Эпохи «дикости», «варварства», «цивилизации» до сих пор являются ее основой. Способ добычи средств потребления (присвоение, производство, обмен), положенный в основу общеисторической периодизации, оставил без ответа вопрос, с какой целью добывались средства потребления. Видимо, с точки зрения исследователей, очевидная цель добычи средств потребления не требовал дополнительного пояснения. Между тем, потребности человека являются точкой отсчета истории во всем ее многообразии. Изучение своей истории сформировало комплекс отраслей – философию, психологию, социологию,

экономику и т.п., создав иллюзию множественности гуманитарного знания. Тема потребностей человека стала предметом изучения специалистами отмеченных отраслей [2; 16].

Накопленная историография диктует необходимость определения нашего отношения к некоторым терминам и понятиям и их содержанию применительно к настоящей статье:

– экономика понимается как способ обеспечения человека средствами потребления, прежде всего продуктами питания;

– труд – обеспечение человека средствами потребления с использованием искусственных приспособлений и / или интеллектуальных способностей;

– разделение труда – формирование устойчивого набора компетенций (знаний, умений, навыков), позволяющих их обладателю (профессии) обменивать результаты её реализации на средства потребления, прежде всего продукты питания;

– виды результатов воплощения компетенций: интеллектуальные, организационно-управленческие, охранные (общественные функции), технологические (ремесленные);

– условия обмена результатов воплощения компетенций – наличие стабильных излишек средств потребления (продуктов питания) и возможность их выделения на отправление общественных функций и обмен на ремесленные изделия (искусственные приспособления, облегчающие ведение традиционного (земледельческо-скотоводческого) хозяйства.

Завершение эпохи традиционного хозяйства маркируется нами широким внедрением в производственный процесс механических приспособлений для скашивания злаков и их обмолота.

В российской историографии советского периода источником войн считали развитие военной деятельности с целью грабежа в период складывания социально-дифференцированного общества и развития институтов частной собственности [11, с. 212]. Некоторые современные исследователи обнаруживают войну в палеолите. Причиной первых военных столкновений называют пользование чужими ресурсами без спроса [18, с. 7], «...мщение за убийство, обвинение в колдовстве или за похищение женщин» [7, с. 117-121; 12, с. 124] и т.п.

Итоги изучения феномена войны XX века были обобщены в фундаментальном труде Российской академии наук, вышедшем в двух томах в 1994 году. «Война и мир в ранней истории человечества» отразила весь спектр интереса к теме войны [5, 6]. Этот факт позволяет не повторяться, а просто привести определение войны из указанного труда; «...конфронтация между двумя и более автономными группами, вызывающая санкционированные обществом организованные протяженные во времени вооруженные действия, в которых участвует вся группа или, что бывает чаще, ее часть, с целью улучшить свое материальное, социальное, политическое или психологическое состояние, либо, в целом, шансы на выживаемость» [6, с. 56].

Большая Российская энциклопедия трактует войну как «...социально-политическое противоборство государств (коалиций государств), народов, социальных, национальных

либо религиозных групп, основное содержание которого составляет широкое применение вооружённых сил (формирований), представляет собой один из основных типов военных конфликтов, социально-политических явлений с применением вооружённого насилия... Война тесно связана с политикой и экономикой воюющих сторон...» [4].

Приведенные трактовки понятия «война» далеко не исчерпывающие, все их положения можно соединить в одну краткую форму и видеть войну как промысел, направленный на отъем чужих средств потребления.

Безусловно, приведенные трактовки не являются общепринятыми, но отражают некий тренд в научном сообществе.

Пространное объяснение понятия, обозначаемого термином «война», не позволяет выстраивать иерархию признаков, характерных для различных этапов истории и (или) иных конкретных ее частей (экономическая история, социальная история, история управления и т. п.) [10, с. 23]. Сегодня на слуху много «войн» помимо классического вооруженного противостояния: информационная, холодная, экономическая и т. п. Отсутствие точки отсчета не позволяет провести границу между «войной» и «борьбой за минимально необходимые ресурсы».

Применительно к животному миру используются понятия «контролируемая территория», «охотничий участок» и т. п. Поведенческие стереотипы коллективов людей, живших присвоением продуктов природы, отличались от других хищников в плане контроля территории жизнеобеспечения лишь наличием некоторых социальных связей с соседями. В эпоху «дикости» добытые ресурсы потреблялись по мере их добычи посредством собирательства, охоты, рыбной ловли. В остальном, любое посягательство на ресурсы коллектива приводило к столкновениям. Называть указанные действия «войной», очевидно, нет оснований, иначе нам придется назвать этим термином столкновение львиного прайда со стаей гиен за тушу антилопы.

Вернемся к тезису о войне как промыслу или по-другому военной деятельности. Постоянная деятельность подразумевает профессионализацию, в нашем случае, военную [19, с. 831]. Истоков профессионализации военного дела может быть много, обратимся к наиболее вероятным.

Переход к производящим формам экономики, земледелию, скотоводству не был повсеместным. Территориально (географически) переход к земледелию, скотоводству был возможен в местах произрастания диких предков современных культурных растений и в местах обитания диких предков современных домашних животных. Такие регионы получили в научном знании статус первичных очагов domestikации и культивации [3].

Растений и животных, способных дать кардинальные перемены в производств пищи, не так много, прежде всего, из растений – это злаки, среди животных – это виды, отличающиеся быстрым набором товарного веса – овца, коза, свинья, собака, северный олень. Важнейшим признаком начала доминирования в хозяйстве производящих форм экономики является демография, взрывной рост по историческим меркам численности населения [17, с. 141-142]. Перенаселение в первичных центрах культивации растений и domestikации животных вело к

миграции в соседние регионы, распространению новой формы экономики, вовлечению аборигенных коллективов в производство средств потребления. Наиболее эффективно (результативно) освоение новых технологий происходило у коллективов, уже обладавших опытом нерегулярной доместикации и культивации.

Освоению новых, производительных способов получения средств потребления посвящено большое число трудов [20, с. 108-151; 23, с. 171-177]. Процесс перехода от присвоения готовых продуктов природы к их производству получил название в знаниях о первобытности «неолитическая революция». Со времени появления этого определения прошло уже почти сто лет, и сегодня мы не связываем этот переход или как его назвал В.Г. Чайлд «революция в производстве пищи» с неолитической эпохой [25, с. 59-86]. Подтвержденные данные археологии говорят о начале перехода к земледелию и скотоводству в мезолитическую эпоху [14, с. 169; 22, с. 115].

Коллективы, освоившие земледелие, научившиеся доместивать (не приручать) животных, соседствовали с теми, кто продолжал жить охотой, собирательством, рыбной ловлей. Добыча такими соседями домашних животных могла стать причиной ответных мер. Со временем ответные меры трансформировались в привычку и приводили к конфликтам с равными по экономическим возможностям коллективами. В такой ситуации, когда необходимо защищать собственное имущество и иметь возможность физического ответа, происходит профессионализация части общества, превращение их в профессиональных воинов (кшатрии в Индии, дружинники у восточных славян и т. п.).

Становление профессии, отбор по способности проявлять профессиональные качества не обходился без «рекламы», героические мифы (аргонавты, отнявшие золотое руно у колхов, дружинники Олега, прибившие щит в воротах Царьграда, и т.п.) создавали образ профессии. Нежелание делиться с родом добычей, что требовала первобытная солидарность, побуждало воинов к выходу из рода, они становились добровольными изгоями, их родом становилась военная организация, в русской транскрипции «дружина», мужские союзы в Древней Греции и т. п. [1, с. 41-47; 13, с. 55]. Военные мероприятия приносили разнообразную неодушевленную добычу, пленников. Отсутствие потребностей в плененных у военных делало их товаром, частной собственностью, которую можно было обменять на средства потребления.

Профессионализация военного дела в условиях натурального хозяйства (традиционной экономики) обуславливала передачу навыков профессии в рамках семьи. Примером может служить структура древнерусской дружины, в которой члены младшей дружины именовались «отроки, пасынки и детские» [21, с. 15]. Специфика военного дела, важность дисциплины среди воинов способствовали оформлению строгой иерархии подчинения. Объединения воинов, по сути, стали первыми профессиональными «союзами».

Обособление воинского сословия стало одним из важнейших факторов институализации частной собственности, а война была лишь побочным эффектом процесса

разделения труда. Рецидивы первобытного общественного сознания на всех этапах эпохи «цивилизация» сделали войну неотъемлемой частью политики [9].

Признание войн формой девиантного поведения человечества позволит выработать действенные механизмы их предотвращения.

Литература

1. Андреев Ю.В. Мужские союзы в поэмах Гомера // Вестник древней истории. 1964. № 4. С. 37-49.
2. Беляева Л.А. Человек и его потребности. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. 165 с.
3. Вавилов Н.И. Центры происхождения культурных растений. Л.: Типография имени Гутенберга, 1926. 248 с.
4. Война // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. <https://clck.ru/3QrsAx>.
5. Война и мир в ранней истории человечества: в 2-х т. М., 1994. Т. 2. 247 с.
6. Война и мир в ранней истории человечества: в 2-х т. М., 1994. Т. 1. 176 с.
7. Геродот. История. Книга вторая. Евтерпа. <https://clck.ru/3QrscZ>.
8. Гомер. Илиада / пер. Н.И. Гнедича; предисл. И. Шталь; ил.: Д. Бисти. М.: Гослитиздат, 1960. 435 с.
9. Гребенюков В.И. Первобытное общественное сознание: к содержанию определения // Современная научная мысль. 2022. № 3. С. 6-12.
10. Гребенюков В.И. Семантический уровень исследований в историографии мезо-энеолита Казахстана: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 196 с.
11. История первобытного общества: Эпоха классовообразования / В.П. Алексеев, О.Ю. Артемова, Л.Е. Куббель и др.; отв. ред. Ю.В. Бромлей; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1988. 564 с.
12. Карнаух В.К. Война в традиционном обществе: антропологический подход // Управленческое консультирование. 2013. № 1. С. 124-131.
13. Кондорский Б.М. Элементы теории изгойства // История и современность. 2023. № 2. С. 46-66.
14. Крахмаль К.А. К изучению истоков возникновения локальной цивилизации на территории правобережной Сырдарьи // Метаморфозы истории. 2017. № 10. С. 159-172.
15. Льюис Г. Морган. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Научно-исследовательская ассоциация Института народов севера ЦИК СССР. Материалы по этнографии. Т. 1. Изд-во Института народов севера ЦИК СССР, Ленинград, 1935. 385 с.
16. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / пер. с англ. СПб.: Питер, 2019. 400 с.
17. Массон В.М. Поселение Джейтун (проблемы становления производящей экономики) / МИА № 180. Л.: Наука, Ленинград. отд-е, 1971. 208 с.
18. Новожилова Е.О. Истоки, причины и функции войны: социально-экологический анализ // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), Modern Research of Social Problems. 2014. № 11(43). С. 3-16.
19. Ольшевский В.Г. Война и мир в ранней истории человечества и обособление гражданской и военной деятельности // Экономика и социум. 2017. № 12(43). С. 823-836.
20. Сагдуллаев А.С., Шайдуллаев А.Ш., Тогаев Ж.Э. О древневосточных и евразийских миграциях в Центральную Азию // Поволжская археология. 2023. № 4(46). С. 113-128.

21. Серегин А.В. Древнеславянские дружины в системе раннесредневекового государственного управления: историко-правовой анализ юридического статуса зарождающегося служивого сословия (конец V – середина XI в.) // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 2. С. 9-30.
22. Ставицкий В.В. К вопросу о единстве критериев неолитической эпохи для культур Севера и Юга // Самарский научный вестник. 2014. № 3(8). С. 171-177.
23. Сунь-Цзы. Искусство войны: [с комментариями и пояснениями: 12+] / пер. с китайского В.В. Башкеева. М.: АСТ, сор. 2019. 223 с.
24. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б). 1937. 250 с.
25. Childe Gordon V. Man makes himself / With a forew. by Glyn Daniel. New York; Scarborough (Ontario): New Amer. libr., 1983. XXI, 185 p.

© Гребенюков В.И., 2026

ФЕНОМЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РУССКОМ САМОСОЗНАНИИ

Аннотация. В статье рассматривается феномен Отечественной войны как ключевой элемент русской культурной и исторической идентичности, закрепленный в структуре национального самосознания и выражающийся в устойчивых символических формах коллективной памяти. Исследование направлено на выявление смысловых доминант образа Отечественной войны, проявляющихся в религиозно-антропологическом, морально-нравственном и цивилизационном измерениях. Особое внимание уделяется дихотомии восприятия войны в русском культурном сознании: война за государственные интересы осознается как чуждая и разрушительная, тогда как Отечественная война воспринимается как сакральное действие, направленное на защиту Родины и утверждение духовных основ народного существования. Анализ проводится в контексте философской антропологии, культурологии и теории исторической памяти. Показано, что феномен Отечественной войны формирует особую модель национального поведения, основанную на идеалах соборности, жертвенности и мобилизационной готовности. В результате выявлено, что образ Отечественной войны является не только историческим нарративом, но и фундаментальной частью цивилизационного кода России, обеспечивающей преемственность духовных ценностей и устойчивость национальной идентичности.

Ключевые слова: Отечественная война; русское самосознание; историческая память; соборность; духовная мобилизация; сакральность Победы; культурный код.

Феномен Отечественной войны занимает особое место в русской историко-культурной традиции, поскольку он не только отражает специфическое восприятие войны как духовного испытания, но и служит основой для формирования национального самосознания. Исходя из этого актуальность исследования определяется необходимостью теоретического осмысления роли Отечественной войны как ценностного ядра русской культуры, особенно в условиях современных вызовов, связанных с трансформацией исторической памяти и изменением культурных ориентиров. Методологическая основа исследования опирается на принципы культурно-исторического анализа, феноменологический подход к осмыслению национальных архетипов, а также концепции теории соборности и цивилизационной идентичности, разработанные в трудах отечественных философов и культурологов. Используются методы историко-философской реконструкции, сравнительного анализа и герменевтической интерпретации текстов, раскрывающих структуру духовного опыта русского народа.

Феномен Отечественной войны, занявший особое место в структуре русского самосознания, представляет собой не только совокупность исторических фактов и культурных репрезентаций, но и глубинный символический код, выражающий экзистенциальное отношение народа к собственной судьбе, к Богу и к миру, что находит отражение в устойчивых формах коллективной памяти, религиозной образности и социальных практиках национального единения, например, как отмечает А.В. Щипков, образ Победы в русской культурной традиции укоренен в религиозно-антропологических константах и историко-

политических нарративах, где «Россия побеждающая» становится своеобразной точкой сборки национального бытия, символом соборного действия и духовной мобилизации, предполагающей не только воинское усилие, но и внутренний акт жертвенности ради Отечества [6, с. 13-19]. Победа, таким образом, осмысляется как феномен сакрального уровня, в котором сопрягаются идея национального возрождения и переживание трансцендентного присутствия смысла в историческом действии.

В этой связи показателен анализ Т. Сергейцева и Д. Куликова, утверждающих, что сама структура русского культурного кода восходит к феномену Отечества как интегративному центру смыслообразования, возникшему в эпоху Отечественной войны 1812 года и ставшему основой для формирования представления о России как духовно суверенной цивилизации [3]. Исследователи подчеркивают, что победа в этой войне явилась не столько военным триумфом, сколько духовным самоутверждением народа, сумевшего обрести собственный культурно-исторический голос и превратить испытание в форму внутреннего обновления, в акт национального самосознания, где защита Родины приобретает метафизический смысл.

Анализируя культурно-философский аспект феномена Победы и Отечественной войны, А.В. Мельников определяет их как интегративную ценность, обладающую потенциалом консолидации различных социальных групп и обеспечивающую преемственность исторической памяти [1]; по его мнению, Отечественная война и последующая за ней Победа формирует особую поведенческую матрицу, в которой индивидуальные мотивации подчиняются идее соборного действия, а историческое напряжение снимается через коллективное переживание триумфа, воспринимаемого не только как конец войны, но и как начало нового этапа национального развития.

В этом контексте значимыми становятся наблюдения Е.Н. Самофаловой и Е.И. Грядобитовой, указывающих на то, что память о Великой Отечественной войне выполняет функцию нравственного иммунитета общества, предотвращая духовную эрозию и выступая основанием культурной идентичности [2]. Исследовательницы подчеркивают, что в условиях современных идеологических вызовов сохранение памяти о Великой Отечественной войне и Победе становится формой защиты моральных оснований государства и народа и приобретает значение не только исторического, но и этического императива, закрепляющего верность духовному наследию предков.

Особое внимание уделяется феномену исторической памяти как ключевому механизму репрезентации национального опыта, так Е. Тавокин и И. Табатадзе, анализируя роль памяти о Великой Отечественной войне в современном российском обществе, отмечают, что она выступает не только фактором исторического самосознания, но и мощным объединяющим началом, способным нивелировать внутренние противоречия и укреплять чувство гражданской солидарности [5], при этом ученые выражают обеспокоенность процессами искажения исторической правды и «коррекции» памяти, что воспринимается ими как угроза национальной целостности, поскольку именно коллективное переживание войны формирует нравственную вертикаль народа и удерживает общество от распада идентичности.

Созвучные выводы делает и Н.П. Старых, трактуя историческую память о Великой Отечественной войне как особый феномен культурного сознания, в котором происходит не только сохранение событий прошлого, но и их постоянное осмысление в свете современных социокультурных вызовов [4]. Автор отмечает, что память о войне в сознании россиян сохраняет устойчивую эмоционально-нравственную окраску и является важнейшим ресурсом национальной консолидации, особенно в молодежной среде, где она выполняет роль ориентира и источника смыслового самоопределения.

Вместе с тем анализ философских и культурологических подходов к осмыслению феномена Отечественной войны показывает, что русская традиция интерпретирует войну не как разрушение, а как акт духовного преображения, как форму теозиса, выражающего идею победы жизни над смертью, духа над хаосом, соборности над разобщением. А.В. Щипков в этой связи отмечает, что пасхальный архетип 9 мая, соединяющий торжество и скорбь, триумф и память, воплощает глубинную логику русской сакральности, где подвиг воина осмысливается как продолжение христианской идеи жертвенной любви [6, с. 13-19].

Таким образом, теоретическая литература свидетельствует о том, что феномен Отечественной войны в русском самосознании выступает многослойным культурно-философским образованием, сочетающим в себе историческую рефлекссию, религиозный символизм и нравственно-аксиологическую функцию, он выражает архетипический сценарий национального бытия, где через преодоление смертельной угрозы и мобилизацию духовных сил утверждается идея соборного единства, а Победа становится не только историческим результатом, но и вечной формой национального самопознания, через которую Россия осознает и подтверждает свое место в мире.

Для русского самосознания характерна глубинная дихотомия восприятия войны как предельного испытания нации, в котором различаются два архетипических типа воинского участия: война за государственные интересы, воспринимаемая как тяжелый долг, и война за защиту Родины, имеющая сакральное измерение и превращающаяся в подвиг, где воин действует не по принуждению, а по велению совести и верности высшему идеалу. В первом случае русский солдат воюет достойно, исполняя свой долг, в то время как во втором он воюет героически, жертвуя собой ради сохранения жизни и чести народа, что и составляет глубинную основу национальной идентичности, раскрывающейся в понятии «Отечественная война». Именно эту духовную пропорцию, в которой внешняя необходимость обретает внутренний смысл только в случае защиты Родины, не смогли постигнуть завоеватели от Карла XII до Гитлера, видевшие в русской мобилизации лишь военную реакцию, но не осознававшие ее онтологической, соборной природы, связанной с идеей самопожертвования ради истины и справедливости.

Таким образом, образ Отечественной войны в русском самосознании предстает как многомерный феномен, объединяющий сакральные, этические и культурно-исторические компоненты, где война интерпретируется не как разрушение, а как форма духовного преображения и коллективного подвига, создающего ценностный стержень национального бытия.

Ниже представлена таблица, в которой выделены основные доминанты образа Отечественной войны в русском самосознании.

Таблица

Основные доминанты образа Отечественной войны в русском самосознании

Доминанта	Содержание	Функция в структуре самосознания
Сакральность подвига	Война осмысливается как священное испытание, где победа имеет не только военный, но и духовный смысл	Формирует архетип героя-защитника, утверждает идею жертвенной любви и служения высшему добру
Соборность и единение	Народ и власть, элита и простые люди соединяются в общем деле защиты Отечества	Обеспечивает внутреннюю консолидацию нации, укрепляет чувство общности и ответственности
Мобилизационная готовность	Русский человек раскрывает внутренние силы только в момент предельной угрозы	Создает модель поведения, основанную на самоотверженности и готовности к подвигу
Память и преемственность	Воспоминания о войне передаются через поколения как нравственный завет	Поддерживает историческую идентичность, служит нравственным ориентиром для молодежи
Моральный смысл Победы	Победа трактуется как торжество правды, а не просто как военный результат	Утверждает духовную устойчивость общества и легитимирует историческую миссию России
Трансцендентность истории	Историческое событие воспринимается как проявление Божественного промысла	Поддерживает идею избранности и сакрального предназначения народа

Феномен Отечественной войны в русском самосознании проявляется как уникальный культурно-исторический код, в котором совмещаются религиозно-антропологические, этические и национально-государственные смыслы, определяющие не только отношение к войне, но и способ исторического существования народа, поэтому Отечественная война становится символом предельного единения и духовной мобилизации, когда защита Родины превращается в акт сакрального служения, а победа – в форму нравственного преображения и утверждения цивилизационного достоинства России.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что феномен Отечественной войны в русском самосознании является не столько историческим фактом, сколько метаисторическим символом, определяющим способы коллективного бытия и самопонимания народа. Отечественная война выступает как форма духовной мобилизации, в которой соединяются идеи жертвенности, соборности и правды, а победа осмысливается как акт нравственного преодоления хаоса и зла. Полученные результаты показывают, что именно в опыте Отечественной войны проявляется архетипический сценарий национальной истории: угроза – мобилизация – единение – победа – обновление, придающий русскому сознанию устойчивость и смысловую целостность. Таким образом, феномен Отечественной войны можно рассматривать как основу культурно-исторического кода России, обеспечивающего преемственность духовных традиций, внутреннюю собранность общества и его способность к возрождению в критические моменты истории.

Литература

1. Мельников А.В. Великая Победа как интегративная ценность современного российского общества (социально-философский анализ): Дис. ... канд. филос. наук. М., 2024.

2. Самофалова Е.Н., Грядобитова Е.И. Духовное наследие Великой Победы // Духовное и светское: единство и многообразие в социокультурном пространстве: сборник научных трудов 18-й Международной научно-практической конференции в рамках XIX Международных научно-образовательных Знаменских чтений «Христианские основы российской цивилизации в противостоянии секулярному началу современного мира» (г. Курск, 15 марта 2023 года). Курск, 2023. С. 100-102.
3. Сергейцев Т., Куликов Д. Победа как национальный архетип и стержень русской культуры // Судьба империи. Русский взгляд на европейскую цивилизацию. М.: Эксмо, 2016. 480 с.
4. Старых Н.П. Историческая память о Великой Отечественной войне в сознании россиян // Культура, наука и искусство – современные векторы развития вуза культуры: материалы VIII Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием (г. Орёл, 27 ноября 2024 года). Орёл, 2024. С. 15-23.
5. Тавокин Е., Табатадзе И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Государственная служба. 2010. № 4(66). С. 94-96.
6. Щипков А.В. Победа в парадигме русской сакральности // Тетради по консерватизму (Фонд ИСЭПИ). 2025. № 1. С. 13-19.

© Грицай Л.А., 2026

УДК 93

Девятков Р.М.

учитель истории и обществознания

ГБОУ СОШ «ОЦ «Южный город» пос. Придорожный

студент магистратуры

Самарский государственный социально-педагогический университет

Нестеров Д.А.

канд. ист. наук

Самарский государственный социально-педагогический университет

г. Самара, Россия

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЛДАТ ВЕРМАХТА В СТАЛИНГРАДЕ 1942–1943 гг., ЭТАПЫ И ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Аннотация. Важной задачей является изучение повседневной жизни солдат, относительно новым направлением в исторической науке, который появился в историографии только в 30-е годы XX века. Также отечественная историография до недавнего времени не затрагивала научное изучение армии противника, которая принесла столько бед нашему Отечеству. Важно выяснить, как жили и вели себя германские солдаты во время военных действий на территории противника, а также их морально-психологическое состояние перед сокрушительной катастрофой армии Вермахта в одном из самых кровопролитных сражений в истории войн. Также требуется выяснить динамику изменения психологического состояния солдата на фоне тех или иных ситуаций на фронте во время военных действий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Сталинград; Вермахт; немцы; 6-армия; морально-психологическое состояние.

Морально-психологическое состояние немецкого солдата было очень важным фактором в ведении боев за Сталинград. Именно от его боевого духа зависели как и его выживаемость в условиях голода и холода, так и его успех в боевых действиях. Конкретно в Сталинграде, опираясь на мемуары, письма и воспоминания, можно увидеть эволюцию мировоззрения и чувств немецких солдат, которую можно разделить на четыре этапа. Первый этап касается самого начала Сталинградской битвы 17 июля 1942 – 23 августа 1942 года, начинается он с непосредственного начала Сталинградской битвы и заканчивается началом массированной бомбардировки города, после нее начинались уличные бои. Второй этап затрагивает период с 23 августа 1942 года до 23 ноября 1942 года, который затрагивает сами уличные бои до окружения немецких войск в Сталинграде в ходе проведения операции «Уран» Красной армией. Третий этап – это период с 23 ноября 1942 года до 23 декабря 1942 года, где начальная точка начинается после окружения, затрагивает бои в самом «котле» и заканчивается окончанием последней надежды на спасение немецкой армии с помощью операции «Зимняя гроза», проведенной группой армии «Дон» под командованием Эриха Фон Манштейна. Заключительный, четвертый этап, затрагивает период с 23 декабря 1942 года по 2 февраля 1943 год, в котором немецкая армия сражалась на последнем издыхании до момента, пока не капитулировала последняя, северная группировка немецкой армии.

Первой группой источников являются многочисленные мемуары и дневники участников событий Сталинградской битвы, а также других фронтов периода с 1942 по 1943 гг. Адам Вильгельм «Катастрофа на Волге. Мемуары адъютанта Ф. Паулюса» [1]. Уникальностью данного источника является то, что его автор был штабным офицером 6-ой армии Паулюса,

где как раз обсуждались дальнейшие военные операции, система снабжения, а также настроения, царившие в окопах германской армии во время Сталинградской битвы. Подевильс Клеменс. «Бои на Дону и Волге. Офицер вермахта на Восточном фронте. 1942–1943» [3]. Книга немецкого офицера, в задачу которого входила поездка на линию фронта для составления отчетов о потерях, проводимых военных операциях, а также морально-психологическом состоянии и особенности пребывания германских солдат на Восточном фронте, в том числе и в Сталинграде. Холль Эдельберт. «Пехотинец в Сталинграде. Военный дневник командира роты вермахта. 1942–1943» [4]. Военный дневник лейтенанта германской армии, который описывает ход боевых действий, рассказывает о тяжелых потерях, суровом фронтовом быте своего подразделения под Сталинградом и в черте города. Цизер Б. «Дорога на Сталинград. Воспоминания немецкого пехотинца. 1941–1943» [5]. Данный источник является воспоминанием рядового солдата вермахта, которому благодаря ранению удалось покинуть окруженный Красной армией Сталинград. В своих воспоминаниях он без прикрас рассказывает о изменении морально-психологического состояния его роты и о времяпрепровождении между боями на Восточном фронте. Шретер Хейнц. «Сталинград. Великая битва глазами военного корреспондента. 1942–1943» [6]. Книга была написана немецким военным корреспондентом уже спустя 5 лет после окончания Сталинградской битвы. Автор описывает драматическую обстановку на фронте и в тылу во время самой кровопролитной битвы в истории войн – Сталинградской.

Второй группой источников являются письма солдат Вермахта в Германию. Они были взяты из сборника Вашкау Н.Э. «...Хоть раз напишу тебе правду». Письма солдат Вермахта из сталинградского окружения [2]. Сборник писем немецких солдат из сталинградского окружения отражает трансформацию общественного сознания в нацистской Германии, происходившую в результате коренного перелома в войне.

17 июля началось наступление на Сталинград, для немецких солдат данный период был больше как повторение успешного наступления летом 1941 года. Стремительное продвижение немецкой 6 армии давало видимость, что армия Вермахта по-прежнему находится в прежнем несломленном состоянии, а до уничтожения Красной армии остается совсем немного, не смотря на провал операции «Барбаросса» и поражение под Москвой [3, с. 45]. Успешное и быстрое наступление группы армии «Б» до излучины Дона немцы называли как «свободный марш по России», а вера в несокрушимость Вермахта все росла. Однако сами солдаты не знали, куда ведется это наступление [3, с. 45].

23 августа началась массированная бомбардировка Сталинграда, которая должна была улучшить условия для взятия Сталинграда. Сами немецкие солдаты, находясь на расстоянии видимости города из бинокля, с энтузиазмом встречали пролетающие пикирующие бомбардировщики JU-87 «Stuka», которые, в свою очередь, приветствовали пехотинцев пикируя над их головами с их известным ревом. Однако по итогу это только больше усугубило условия городских боев, и именно здесь разворачивается ад для немецких солдат.

В сентябре начались непосредственные бои за сам город Сталинград. Здесь уже изменилась сама риторика солдат, они уже не говорили о скорейшем захвате города, однако

были полностью уверены в его захвате как таковом. Однако были и солдаты, которые продолжали верить в скорейший захват города [4, с. 106]. Вследствие чего произошла смена морально-психологического состояния немецких солдат. Одна из причин, как указывают в письмах домой солдаты Вермахта, это яростное сопротивление русских. Почти в каждом письме говорится о стойкости русского солдата, именно в Сталинграде проявилась эта стойкость, которая зависела от знания местности. Сыграло роль и превращение города в руины, немцы прозвали бои за Сталинград «крысиной войной». Все эти факторы приводили к очень большим потерям в немецкой армии. К этим потерям также относятся и погибшие или раненые офицеры Вермахта. Практически в каждой роте или полку постоянно сменялся командный состав, что также било по психологии немецкого солдата [4, с. 5].

Спасало положение в этом «аду» все еще хорошо работающее снабжение и обеспечение немецкой армии. По утрам солдатам привозили кофе, они все еще были в состоянии основательно обустроить свои оборонительные позиции [5, с. 110]. В вечернее время немецкие солдаты слушали немецкое радиовещание, где их приравнивали к героям, которые попали в ад, сравнивая битву за Сталинград с Верденом времен Первой Мировой войны [6, с. 48].

Следующий этап изменения морально-психологического аспекта связан непосредственно с моментом окружения 6-ой армии Паулюса и частью 4-ой танковой армии Гота. С ужасом осознавался весь масштаб катастрофы, в котором оказалась немецкая группа армии «Б» в Сталинграде. Операция по деблокированию «котла» получит название «Зимняя гроза», где в наступление пойдет группа армии «Дон» во главе с Эрихом фон Манштейном. Солдат, конечно же, это подбадривало, поскольку они верили в успешное завершение этой операции и знали, что они не брошены на произвол судьбы. Однако в ходе длительных и кровопролитных городских боев немецкие солдаты все равно оставались уставшими и подавленными, очень многие до сих пор не были в отпусках и участвовали в ежедневных боях. В письмах все чаще упоминаются слова: мороз, голод, снег. Почти в каждом письме упоминается, что родственники давно не получали письма от своих мужей и сыновей, которые находятся на Восточном фронте.

25 декабря 1942 года операция по деблокированию котла закончилась ввиду невозможности прорыва через оборону Красной армии [1, с. 215]. С этого момента начался заключительный этап Сталинградской битвы, где полностью изнуренная немецкая армия должна была выживать в экстремальных для себя условиях голода, холода и стремительного наступления советской армии в ходе операции «Кольцо» по уничтожению окруженных войск.

В этот же день начинается Рождество. Чтобы хоть как-нибудь скрасить Сталинградский ад, в котором оказались немецкие солдаты, начались очень скромные приготовления к празднику. Окопное творчество позволило хоть ненадолго почувствовать умиротворение и спокойствие, хотя все знали, что они были полностью обречены. Особенно в это время для морально-психологического состояния немецкого солдата были важны священники. К ним приходили за утешением или молитвой. Как уже упоминалось ранее, на одном участке фронта особенно спасало положение «Сталинградская мадонна», которую немецкие солдаты могли

рассматривать на протяжении долгого времени, ее как раз-таки нарисовал священник [6, с. 169]. Также упоминалась необычная самодельная ель из бревен, рядом с которой стоял священник и толпа раненых перебинтованных солдат, которые слушали молитву, а проходящие мимо части Вермахта видели в этом что-то необычное, не свойственное для сталинградского фронта [4, с. 138].

Голод и холод полностью поразили немецких солдат, люди замерзали прямо во время боя [1, с. 412]. В некоторых частях дисциплина уходила на второе место, а на первом месте было выживание. К этому всему добавляется и стремительное наступление Красной армии буквально со всех сторон «котла». Речи Геббельса уже не внушали абсолютно никакого доверия. Вообще речи продолжались и до капитуляции 6-ой армии, однако теперь в речах говорили только о героизме 6-ой армии, о том, что ее подвиг войдет в историю и т. д. [2, с. 61]. Росло количество дезертиров. Попытки дезертирства продолжали пресекать, пойманных почти сразу же расстреливали. Были и те, кто до конца выполняли свой приказ. Оборону немецкие солдаты продолжали держать до самого конца января.

Исходя из всего выше сказанного можно сделать вывод, что эволюция морально-психологического аспекта немецкого солдата была четко распределена на определенные события. Так, с начала нового наступления летом 1942 года в направлении Сталинграда для немецких солдат и генштаба был эффект «дежавю», который напоминал успешные наступления летом 1941 года, тем самым, солдаты были уверены в своей победе. Уже с началом городских боев немецкие солдаты начали называть это «адам» и «вторым Верденом», как бы пытаясь описать всю ту «мясорубку», которая там происходила. За каждый дом и за каждую улицу велось упорное и яростное сопротивление Красной армии, из каждого окна, подвала или завала мог последовать выстрел снайперской винтовки или бросок гранаты. Со времени окружения и до провала операции «Зимняя гроза» солдаты Вермахта и Люфтваффе начинали голодать и замерзать, однако надежда на спасение все еще была. После Рождества, солдаты находились в полном отчаянии, они уже поняли, что брошены на произвол судьбы и что самое главное для них сейчас, это выживание. Среди этих солдат были и дезертиры, и те, кто до сих пор старался держать уже давно разрушенный фронт.

Литература

1. Вильгельм А. Катастрофа на Волге. Мемуары адъютанта Ф. Паулюса. Смоленск: Русич, 2001. 480 с.
2. Вашкау Н.Э. «...Хоть раз напишу тебе правду». Письма солдат Вермахта из сталинградского окружения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 135 с.
3. Подевильс К. Бои на Дону и Волге. Офицер вермахта на Восточном фронте. 1942–1943 / Перевод А. Королькова. М.: Центрполиграф, 2010. 192 с.
4. Холль Э. Пехотинец в Сталинграде. Военный дневник командира роты вермахта. 1942–1943 / Пер. с нем. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2016. 191 с.
5. Цизер Б. Дорога на Сталинград. Воспоминания немецкого пехотинца. 1941–1943 / Пер. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2006. 238 с.

6. Шретер Х. Сталинград. Великая битва глазами военного корреспондента. 1942–1943 /
Перевод А. Нечаева. М.: Центрполиграф, 2008. 320 с.

© Девятов Р.М., Нестеров Д.А., 2026

УДК 94(470.6*Ворошиловградщина)"1941/1942"

Дитковская С.А.
канд. пед. наук
Луганский государственный педагогический университет
г. Луганск, Россия

ВОРОШИЛОВГРАДЩИНА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена функционированию Ворошиловградской области с июня 1941 г. по июль 1942 г. Показывается массовый патриотический подъем населения, мобилизационные мероприятия; освещается переход промышленности области на военные рельсы, организация военной трудовой вахты, всенародная помощь фронту; раскрываются две волны эвакуации материальных ресурсов и населения. В результате выявлены основные этапы функционирования области на начальном этапе ВОВ.

Ключевые слова: Ворошиловградщина; Великая Отечественная война; мобилизация; эвакуация; выпуск военной продукции; оборонительные рубежи; всенародная помощь фронту.

Формирование патриотизма и исторической памяти у подрастающего поколения является сегодня стратегической задачей государства. От ее решения зависит территориальная и политическая целостность России. Формирование в обществе преемственности, чувства гордости за героический подвиг предков и сохранения победных традиций российского государства эффективно в ходе изучения военной истории. С каждым годом ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла становится все меньше, а человеческая память несовершенна. Последние годы продемонстрировали действенность попыток фальсификации событий Второй мировой войны, принижения вклада Советского Союза в Победу над нацизмом. Для разоблачения недостоверной информации необходимо обращение к первоисточникам – архивным документам, т. к. их опубликование поможет делу восстановления исторической правды.

Актуальность темы, её недостаточная изученность, в региональном контексте, позволили сформулировать следующую цель исследования – проанализировать особенности и выявить основные этапы функционирования Ворошиловградской области в условиях оборонительного этапа Великой Отечественной войны. Хронологические рамки исследования охватывают период с 22 июня 1941 г. по 22 июля 1942 г. Нижняя рамка определена нападением немецко-фашистских захватчиков на территорию СССР и началом мобилизационных мероприятий на Ворошиловградщине, верхняя обусловлена оккупацией нацистами последнего населенного пункта области – г. Свердловска. Географические границы исследования определяются территорией Ворошиловградской области (ныне – Луганская Народная Республика). Источниковую базу исследования составили документы Государственного архива Луганской Народной Республики: отчеты о работе в период Великой Отечественной войны обкома и горкома КП(б) Украины, исполкома Ворошиловградского областного Совета депутатов трудящихся, Ворошиловградского обкома ЛКСМУ.

В 8 часов утра 22 июня 1941 г. было созвано экстренное совещание партийного актива, на котором председатель Ворошиловградского горисполкома Зверев сообщил, что город

объявляется на военном положении. Затем были созваны директоры предприятий и секретари первичных партийных организаций, перед которыми была поставлена задача привести в боевую готовность все объекты местной противовоздушной обороны. В 12 часов дня тысячи жителей Ворошиловграда теснились у репродукторов и слушали речь В.М. Молотова, в которой он сообщил о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. С этой минуты, по существу, началась военная жизнь города. В 4 часа дня на стадионе имени Ворошилова был созван общегородской митинг, на котором присутствовало 40 тыс. жителей. На митинге выступил первый секретарь обкома и горкома КП(б)У А.И. Гаевой и призвал трудиться во имя защиты Отечества.

Вечером этого же дня по радио был опубликован Указ президиума Верховного Совета СССР о мобилизации военнообязанных 1905–1918 гг. рождения на территории всех военных округов, кроме Среднеазиатского, Забайкальского и Дальневосточного. Бюро горкома рассмотрело мобилизационные планы городского военного комиссариата и наметило практические мероприятия по проведению мобилизации. В ночь на 23 июня 1941 г. на призывные пункты пошли первые группы военнообязанных из числа запаса первой категории для отправки в ряды действующей Красной Армии. На опытном поле Ворошиловградского сельскохозяйственного института проходила подготовка 214 Стрелковой дивизии, которая уже 28 июня выехала на Западный фронт. Город охватил патриотический подъем [3, л. 7-8]. В первые дни войны в райкомы и горкомы комсомола поступали десятки тысяч заявлений от юношей и девушек с просьбой отправить добровольно на фронт. Так, в Ворошиловградский горком ЛКСМУ только в первые дни войны было подано свыше 5 тыс. заявлений, в Кадиевский – 4 тыс., Лисичанский – 3,5 тыс., Краснодонский – 3 тыс. заявлений [2, л. 10].

Из жителей Ворошиловградской области было создано народное ополчение, которое состояло из 30 полков и отрядов общей численностью 148 тыс. человек. Их подготовкой занимались 23 военно-учебных пунктов.

В основу всей дальнейшей организаторской и партийно-политической работы было положено выступление И.В. Сталина 3 июля 1941 г., в котором он призвал перестроить жизнедеятельность страны на военный лад, подчинив все ее сферы интересам фронта.

Горкомами и райкомами КП(б)У были предприняты меры для стабильной жизнедеятельности населения. Так, для предотвращения перебоев с продуктами питания торговая сеть была переведена на карточную систему снабжения; для предупреждения нарушений законности и правил светомаскировки на предприятиях, учреждениях и улицах было установлено ночное дежурство лиц из числа партийного актива. Была проведена большая работа по организации госпиталей для раненых и больных красноармейцев. Только в одном Ворошиловграде за короткий промежуток времени было создано 23 госпиталя. В этом деле огромную помощь оказывало население. Предприятия, учреждения, школы, улицы брали шефство над госпиталями, принимали участие в их оборудовании, приносили бойцам ценные подарки. Домохозяйки принесли 5 тыс. пуховых подушек, постельное белье, школьники украшали помещения цветами. Сотни женщин добровольно по несколько дней работали на уборке госпиталей, помогали медперсоналу в уходе за ранеными.

В июле 1941 г. в Ворошиловград стали прибывать эшелоны с тысячами эвакуированных из западных областей УССР. Горкомы и райкомы партии изыскивали для них дополнительные продовольственные фонды и обеспечивали жильем за счет уплотнения ведомственного и частного сектора. Местные жители приходили на вокзал, встречали эвакуированных и предлагали им помощь, стараясь создать для них максимально удобные условия. Для тех, кто следовал дальше вглубь страны, были организованы специальные эвакуопункты, в которых эвакуированные получали продукты питания и денежные пособия [3, л. 8-9].

30 июня 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) утвердили мобилизационный народнохозяйственный план на третий квартал 1941 г., предусматривавший основные направления по переходу экономики с мирных рельсов на военные. Главное внимание в нем уделялось развертыванию оборонной промышленности. В этих целях большая часть чугуна и стали, нефти, угля, электроэнергии перераспределялась в пользу военного производства. Программа выпуска военной техники увеличивалась на 26% по сравнению с довоенным планом [5, с. 83].

В течение июля 1941 г. на промышленных предприятиях Ворошиловградской области было налажено массовое производство оружия, боеприпасов, обмундирования; промышленность переводилась на военные рельсы. В Ворошиловграде было решено организовать производство пулемета и пистолета системы «Шпагина» на кооперативных началах. Комплекующие к ним производились на четырех заводах, что позволило уже в третьем квартале 1941 г. изготовить 7,5 тыс. автоматов. К этому же времени Ворошиловградскими паровозостроительным заводом им. Октябрьской революции (далее – завод им. ОР) и патронным заводом № 60 было налажено производство минометов 50 м/м и 82 м/м. Коллектив завода им. ОР в короткий срок освоил выпуск бронепоездов и корпусов танков «Т-60» (до 400 штук в месяц), а всего на заводе выпускалось 12 различных видов военной продукции, в том числе снарядов и авиабомб. Кроме того, на Ворошиловградских литейно-механическом заводе им. 20-летия октября и заводе угольного машиностроения имени А.Я. Пархоменко было организовано производство гранат «Ф.И» и корпуса 82 м/м мины, на заводе НКПС – производство гранат, заводе им. С.М. Буденного – корпусов противотанковых мин и станков «За Родину», эмалировочном заводе им. Артема – противогазов, фабрике «Медмебель» – гранат, швейной фабрике – обмундирования и т. д. [3, л. 10].

Исход войны во многом зависел от работы тыла. Массовая мобилизация мужчин привела к нехватке кадров. В результате 50 тыс. женщин стали работать на промышленных предприятиях и 5 тыс. сели за рычаги тракторов. Коллективы предприятий объявляли себя мобилизованными на весь период войны, таким образом была организована военная трудовая вахта. Они создавали фронтовые бригады, члены которых решили работать не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт. Юноши и девушки, которым не удалось уйти на фронт в первые дни войны в силу своей неподготовленности к военной службе или занятости на военных предприятиях, самоотверженно трудились на предприятиях, шахтах, колхозах, совхозах и МТС, заменяя своих отцов и братьев, а после работы овладевали военными

специальностями (пулеметчики, снайперы, связисты, разведчики и т. д.). Соревнуясь друг с другом, бригада с бригадой, они перекрывали нормы выработки в два-три раза, а после работы обучались в отрядах народного ополчения, охраняли предприятия, несли службу в местной противовоздушной обороне, изучали военное дело в специальных военных подразделениях. Так, в сентябре 1941 г. в народном ополчении состояло 30 тыс. комсомольцев и 42 тыс. молодежи, 4,5 тыс. комсомольцев участвовало в строительных батальонах, 600 юношей и девушек – на курсах радистов и телефонистов, 1,7 тыс. юношей обучались технике истребления танков, 950 девушек занимались на медицинских курсах [2, л. 10-11].

Резкое обострение ситуации на фронте вынудило в сентябре 1941 г. начать создание военного формирования из рабочих и шахтеров. В результате, была сформирована 395 стрелковая дивизия, насчитывавшая 12 тыс. бойцов. Половину из них составляли горняки, что и определило ее название «шахтерская». Дивизия вошла в состав 18 армии Южного фронта и принимала участие в Донбасской оборонительной операции. В начале октября, перед отправкой дивизии на фронт, на митинге личного состава горкомом КП(б)У и горисполкомом было оформлено шефство над дивизией. Дивизии было отправлено 2 броневика, изготовленных на заводе им. ОР после эвакуации, 20 минометов и 100 автоматов, до 2 тыс. теплого белья, собранного населением, 1,4 тыс. пар суконных и ватных бурок, изготовленных домохозяйками. К 23 февраля жители Ворошиловграда отправили дивизии 20 трехтонных грузовиков разных подарков, в каждом случае с подарками выезжала делегация от жителей города [3, л. 16–17].

В октябре 1941 г. на заводе им. ОР был изготовлен бронепоезд № 2 «За Родину», команда которого была укомплектована преимущественно из рабочих завода. За период с 23 октября 1941 г. по 16 июня 1942 г. бронепоездом был проведен ряд боевых операций в ходе обороны Донбасса. О подвигах его команды знала вся страна по сообщениям радио и кинохроники.

Начальный период войны характеризовался стремительным наступлением немецко-фашистских захватчиков и созданием в тылу СССР военно-экономической базы. Для этого была организована экстренная эвакуация населения и производственных мощностей. В Ворошиловградской области она началась в августе 1941 г., когда немцы подошли к рубежам Донбасса. В первую очередь эвакуировались предприятия оборонного значения, квалифицированные специалисты, образовательные учреждения, представлявшие стратегическую ценность. На территориальных совещаниях секретарей парторганизаций и руководителей предприятий была поставлена задача не позже 1 ноября полностью демонтировать, погрузить и отправить оборудование всех предприятий. К основным цехам заводов были прикреплены уполномоченные по оказанию помощи в проведении эвакуации из числа работников горкомов и райкомов. На заводах были созданы специальные бригады по демонтажу оборудования, которые работали, не покидая территорию предприятия. Для них были выделены места в общежитиях и организовано питание непосредственно на заводе. Так, на заводе им. ОР бригады, демонтировавшие новопаровозный и котельный цеха, не выходили с завода по 15–20 дней. Только после окончания всех работ по демонтажу и погрузке оборудования бригады выезжали на восток. Только с завода им. ОР в г. Омск было отправлено

свыше 7 тыс. единиц различного оборудования на 40 железнодорожных эшелонах [3, л. 14-15]. С ноября 1941 г. предприятие перешло на выпуск танков Т-34. Вместе с заводом выехал Ворошиловградский вечерний машиностроительный институт. В Ворошиловград он так и не вернулся, т.к. в ноябре 1942 г. был реорганизован в Омский машиностроительный институт. В Ленинабад Таджикской ССР был эвакуирован Ворошиловградский сельскохозяйственный институт, а в Кемерово – Рубежанский химико-технологический институт. Всего, с августа по октябрь из области вглубь страны было эвакуировано свыше 150 крупных заводов, отправлено около 8 тыс. вагонов оборудования и материалов, сотни колхозов, совхозов, учебных заведений и учреждений, около 270 тыс. человек [1, с. 43].

Осенью 1941 г. наступление немецко-фашистских захватчиков было приостановлено и фронт стабилизировался по реке Северский Донец. Проходивший 10 декабря пленум обкома КП(б)У поставил задачу восстановить работу предприятий, наметил мероприятия по максимальному использованию оставшихся после эвакуации возможностей по выпуску продукции для фронта. Так, на заводе им. ОР из оборудования, которое до войны считалось непригодным для использования, было собрано и установлено 250 единиц станков. В июне 1942 г. завод за перевыполнение производственной программы получил переходящее знамя Государственного Комитета Оборона и премию в размере 500 тыс. рублей.

За 6 месяцев после эвакуации основного оборудования предприятиями города было выпущено продукции для фронта более чем на 60 млн руб. Номенклатура выпускаемой продукции была следующей: бронепоезда, башни для танков, корпуса для гранат РГД и противотанковых мин, минометы, автоматы, походные пекарни и кухни, окопные печи [3, л. 18-19].

В начале 1942 г. начался процесс восстановления работы учебных заведений. Так, в феврале 1942 г. реэвакуировалась часть преподавателей Ворошиловградского сельскохозяйственного института и возобновили обучение 120 студентов. Начались занятия в Ворошиловградском педагогическом институте, в котором начитывалось 450 студентов и 35 преподавателей. В конце марта 1942 г. возобновил занятия Старобельский учительский институт, в котором количество студентов составило 100 чел. Институты закончили учебный год по сжатым учебным планам, что позволило сдать государственные экзамены 90 выпускникам [4, л. 17-18].

В период эвакуации не работали школы области, т.к. более 50% всех школьных зданий было занято под госпитали, не хватало учебных пособий, учителя-мужчины были призваны в армию, а большинство женщин выехали в тыл. В результате образовался недокомплект преподавательского персонала. Из числа оставшихся учителей были назначены директоры школ, которым поручалось выявить оставшихся учителей, провести обход населения и провести перепись детей школьного возраста [3, л. 20]. В результате, к концу 1941–1942 учебного года в области функционировало 929 школ. В них работало 6377 учителей и обучалось 112780 человек.

С декабря 1941 г. была начата работа по восстановлению детских домов. На 1 июня 1942 г. в области функционировали 6 учреждений такого типа, в которых воспитывались 375 детей разного возраста.

В январе–феврале 1945 г. возобновили работу областной краеведческий музей и музей Революции в Ворошиловграде, краеведческий музей в Старобельске, театры, кинотеатры и филармония. Бригады артистов давали концерты для воинских частей и гражданского населения. В декабре 1941 г. – январе 1942 г. была восстановлена полиграфическая база во всех городах и районах Ворошиловградской области, которая обеспечила печать республиканских газет «Коммунист», «Советская Украина», областной газеты «Ворошиловградская правда», 34 районных газет и несколько армейских газет южного фронта [4, л. 18-19].

Всенародная помощь фронту приняла широкие размеры с первых же дней войны. Исключительное значение имела помощь населения войскам в строительстве оборонительных рубежей. В ближнем тылу фронтов зачастую под артиллерийским обстрелом и бомбежками на строительстве различных укреплений работали миллионы советских людей. В ноябре 1941 г., когда противник был остановлен на линии Дебальцево-Попасная (завершилась первая Донбасская оборонительная операция), перед жителями Ворошиловграда была поставлена задача – создать линию обороны, состоящую из двух рубежей – внешнего и внутреннего. Внешний рубеж строился от села Желтого Александровского района до села Николаевки Новосветловского района. Ежедневно на строительстве работало от 10 до 12 тыс. человек. Всего в сооружении оборонительных рубежей было задействовано более 309 тыс. рабочих и студентов. В течение месяца они проделали огромную работу – вырыли 20 км противотанкового рва, соорудили сотни дотов и других сооружений. Однако в условиях зимы работы были остановлены, и возобновлены в апреле 1942 г. Вся линия строительства была разделена на 4 участка, которые закрепили за районами города. В это же время по окраине города начал возводиться внутренний рубеж. В результате агитационной работы, проходившей под лозунгом «Не пропустить врага к городу», в течение мая-июня на строительстве работало от 15 до 25 тыс. человек ежедневно. Таким образом, на всем протяжении обвода (60 км) и внутренней линии (15 км) был выкопан противотанковый ров, сооружено до 300 дзотов и 500 иных сооружений. Линия обороны была принята военным командованием [3, л. 13-14].

Массовый патриотизм имел самые различные проявления. Многие советские люди становились донорами. В начале 1942 г. в одном из корпусов областной больницы был организован филиал Киевского института переливания крови, при котором работала большая группа специалистов. Парторганизация города совместно с филиалом проводила большую работу по привлечению населения к сдаче крови. Несмотря на трудности, связанные с близостью фронта, 3 тыс. жителей Ворошиловграда, в основном из числа домохозяек, стали донорами. Ежемесячно трудящиеся города сдавали для спасения жизни раненых бойцов 500–700 кг крови, которой обеспечивали бойцов, находящихся в городских госпиталях, а также на

передовых позициях Южного фронта. С разных участков фронта за кровью ежедневно прилетали самолеты [3, л. 17-18].

Возникло и ширилось движение за создание фонда обороны, которое быстро охватило всю страну. В фонд вносились личные сбережения, облигации государственных займов, драгоценности [5, с. 52]. Тогда же возникло движение за сбор средств на строительство танковых колонн и авиаэскадрилий боевых самолетов, которое также носило общенародный характер. В июле 1941 г. по инициативе комсомольцев завода им. ОР начался сбор средств на постройку авиазвена «Комсомол Ворошиловграда». За короткий срок в городе было собрано 840 тыс. рублей, которые были перечислены на счет ЦК ВЛКСМ для приобретения самолётов Героям Советского Союза А.И. Молодчему, А.Р. Сливке, Г.Д. Онуфриенко, А.С. Топаллеру. В это же время в районах области прошел сбор средств на танковую колонну им. ВЛКСМ. Всего было собрано 1,5 млн рублей.

В ноябре–декабре 1941 г. комсомольские организации области организовали сбор, ремонт и изготовление саней, лыж, теплой одежды для бойцов Красной Армии. Было собрано и передано частям Южного фронта 7 тыс. пар лыж, 304 саней, 700 пар валенок, 1,5 тыс. полушубков, много теплого белья и одежды. В конце декабря комсомольцы и молодежь области собрали 220 тыс. новогодних подарков для бойцов Красной Армии и передали фронтовым частям [2, л. 11].

В июле 1942 г. предпринятое наступление Красной Армии под Харьковом завершилось неудачей, что спровоцировало вторую волну эвакуации. В соответствии с постановлениями Государственного Комитета Оборона, Военных Советов Южного и Юго-Западного фронтов, были определены сроки эвакуации: сельское хозяйство – с 7 июня 1942 г., промышленность – с 20 июня.

Для полной эвакуации промышленности требовалось 23,5 тыс. вагонов. Железная дорога предоставила лишь 59,1% вагонов, покрывающих потребности в них. 286 вагонов, нагруженных оборудованием Рубежанского химического комбината и Донецкого содового завода, не были вывезены из-за отсутствия железнодорожного выхода и были уничтожены. Оставшееся оборудование вывели из строя. Каменноугольные шахты области были взорваны и залиты водой, надшахтные сооружения также взорваны. Мукомольная промышленность, в том числе Ворошиловградский мелькомбинат, мясокомбинат, промышленность хлебопечения – взорваны. За весь период эвакуации из электрохозяйства области представилось возможным вывезти только часть оборудования в количестве 134 вагонов. В результате все электроподстанции и электростанции были взорваны [4, л. 20-21].

В июле 1942 г. удалось эвакуировать часть высших учебных заведений области. Так, Ворошиловградский сельскохозяйственный институт был эвакуирован в с. Ивановка Саратовской области, а Ворошиловградский педагогический институт – в г. Энгельс Саратовской области.

Таким образом, функционирование Ворошиловградской области в условиях оборонительного этапа Великой Отечественной войны можно разделить на четыре этапа: первый – мобилизационный (июнь – август 1941 г.): патриотический подъем населения,

мобилизационные мероприятия, интенсификация труда, перестройка народного хозяйства на военный лад. Второй этап – первая волна эвакуации (август – октябрь 1941 г.): эвакуация 150 крупных предприятий и 269 тыс. населения. Третий этап – стабилизационный (декабрь 1941 г. – май 1942 г.): восстановление работы народного хозяйства области. Четвертый этап – вторая волна эвакуации (июнь – июль 1942 г.): эвакуирована только часть оборудования, оставшееся выведено из строя.

Литература

1. История городов и сел Украинской ССР: В 26 т. / Гл. редкол.: Тронько П.Т. (пред.). Киев: Ин-т истории АН УССР: Укр. сов. энциклопедия АН УССР, 1974–1983. Т. 4: Ворошиловградская область / Ред. коллегия: Шараев Л.Г. (пред.). 1976. 726 с.
2. Отчет о работе областной комсомольской организации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Гос. архив ЛНР. Ф. П–179. Оп. 3. Д. 344.
3. Отчет о работе партийной организации города Ворошиловграда в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Гос. архив ЛНР. Ф. П–5. Оп. 3. Д. 133.
4. Отчет обкома КП(б)У и исполкома Ворошиловградского областного Совета депутатов трудящихся о работе в период Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 по 1 июля 1942 года // Гос. архив ЛНР. Ф. П–179. Оп. 3. Д. 63.
5. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / П.С. Болдырев, М.Г. Брагин, В.Н. Евстигнеев, Н.В. Еронин, А.В. Карасев; отв. ред. А.М. Самсонов. М.: Наука, 1976. 727 с.

© Дитковская С.А., 2026

ВОЛОНТЕРСТВО КАК ВОЕННО-МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В УСЛОВИЯХ СВО

Аннотация. В статье рассматривается феномен волонтерской деятельности как значимого проявления патриотизма в условиях специальной военной операции (СВО). Анализируются социальные, культурные и психологические аспекты волонтерства, его функции в поддержке военнослужащих, а также роль волонтерских инициатив в укреплении гражданской идентичности. Особое внимание уделено институционализации волонтерства, роли образовательных организаций и медиапространства в развитии патриотического движения.

Ключевые слова: волонтерство; патриотизм; СВО; гражданская активность; гуманитарная помощь; социальная солидарность.

Волонтерство, как форма безвозмездной социальной активности, в условиях СВО приобрело особое значение. Оно стало не только инструментом адресной помощи, но и важным каналом выражения патриотических чувств, укрепления гражданской сплоченности и формирования позитивного общественного климата. В период СВО волонтерское движение в России демонстрирует значительный рост: активизируются как крупные благотворительные фонды, так и локальные инициативные группы [10, с. 264]. Их деятельность направлена на снабжение военнослужащих необходимыми ресурсами, поддержку их семей, организацию культурных и информационных акций, способствующих укреплению морального духа.

Взаимная поддержка и социальное участие усиливают доверие и связи между людьми, что особенно важно в условиях проведения СВО. Согласно данным ВЦИОМ, добровольная помощь остаётся привычной для большинства россиян: восемь из десяти оказывали её безвозмездно. В последние годы растёт участие в акциях, связанных с поддержкой участников СВО, но стабильно высока активность и в других сферах – помощь пожилым, забота о бездомных животных, благоустройство территорий. Чаще всего такая помощь имеет локальный характер: участие в субботниках или забота о животных требует меньше ресурсов и специальных навыков, чем, например, донорство или поиск пропавших людей. Мужчины и женщины помогают примерно одинаково, но женщины чаще заботятся о бездомных животных. Высокая вовлечённость наблюдается во всех возрастных группах, снижаясь по объективным причинам после 60 лет. Молодёжь действует более разнообразно, тогда как старшие возрастные группы больше сосредоточены на благоустройстве и помощи участникам СВО. Для большинства россиян волонтерство рождается из личных ценностей и стремления быть полезным. Оно воспринимается как способ самореализации и проявление гражданской позиции. Дополнительные мотивы – наличие свободного времени, личный опыт и воспитание. Институциональные формы волонтерства пока заметны в основном среди молодёжи. Социологи констатируют, что за два года доля участников добровольной помощи выросла с 27% до 36%, при этом готовность помогать стабильно выше – её выражают две трети россиян. Особенно активны молодые люди 18–24 лет: половина уже имеет волонтерский опыт, а три

четверти готовы участвовать в будущем. Поддержка волонтерства со стороны родителей и старшего поколения также усиливается, повышая его престиж [4].

Цель исследования – выявить особенности волонтерской деятельности как формы патриотического движения в условиях СВО и определить факторы, способствующие её развитию. Задачи исследования: 1) описать ключевые направления волонтерской активности в период СВО, 2) рассмотреть мотивационные факторы волонтеров, 3) проанализировать влияние волонтерства на укрепление патриотических ценностей, 4) оценить роль медиа и образовательных институтов в развитии волонтерского движения.

Эмпирическую основу работы составили качественные интервью с ветеранами СВО и студентами-активистами и организаторами волонтерских проектов, проведенные в 2025 г. Для выявления исторической преемственности проведен сравнительный анализ современного волонтерства с патриотическим движением в годы Великой Отечественной войны. Контент-анализ публикаций Telegram-канала военного корреспондента «Комсомольской правды» А. Коца «Kotsnews» за период 01.07.2025–29.09.2025 (N = 145 постов) позволил оценить роль СМИ в развитии волонтерства как патриотического движения.

Методологическую основу работы составили исследования, в которых волонтерство рассмотрено с позиции институционального подхода. Как социальный институт волонтерство выполняет социализирующую, экономическую, образовательную, воспитательную, досуговую функции. В. Ходжкинсон и Р. Сумаривалла отмечают, что благотворительность и волонтерство принципиально отличаются от других организационных форм общественной жизни. Их основой являются добровольность, безвозмездность, а также гражданская активность и чувство социальной ответственности [16, с. 289]. В академическом дискурсе традиционно понятие «волонтерство» рассматривается наряду с понятием «патриотизм». Развитие волонтерского движения в условиях военного конфликта на Украине рассматривается в данной работе как военно-мобилизационная патриотическая практика. Конфликт на Украине способствовал усилению военно-патриотической составляющей патриотизма [11, с. 101], акцентируя внимание на готовности к служению и защите Отечества, что, по мнению исследователей, часто сопровождается снижением внимания к гражданско-демократическим аспектам патриотизма [8, с. 55]. На фоне усиления национальных интересов, определяемых в контексте военного конфликта, гражданско-демократические формы патриотизма (например, участие в выборах, защита прав меньшинств, гражданские протесты) могут восприниматься как менее значимые или даже как непатриотичные. Социологические исследования ценностных установок студентов 18–25 лет Москвы, Омска, Пензы, Саратова, Смоленска и Хабаровска, проведенные в 2022 г., выявили барьеры на пути формирования устойчивой патриотической самоидентичности и значительный запрос на развитие конструктивного гражданского патриотизма [9, с. 86]. Исследования представлений студенческой молодежи Северного Кавказа показали низкое влияние этнических и конфессиональных различий на уровень патриотизма [1, с. 183].

Исследуя проблему адаптации ветеранов специальной военной операции к мирной жизни, автор убедился, что значительную роль в поддержке морального духа военнослужащих

играли волонтерские инициативы, объединяющие гражданское общество и фронт в едином патриотическом пространстве. 5 из 10 ветеранов сообщили, что поддерживают сослуживцев, пересылают помощь в зону боевых действий.

«Когда получаешь письмо от школьника, понимаешь, что ты не просто солдат, а человек, за которого переживают» (Информант 4).

«Для нас было важно, что нас поддерживают. Нам приходили гуманитарки, свечи оконные. Они нас спасали, мы грелись, одежду сушили за счет них. Письма приходили от школьников. Новогодние поздравления. У меня до сих пор дома такое письмо дома. Привез его с собой» (Информант № 5).

«Сейчас многие помогают нам. Собирают необходимые вещи, продукты, письма. Такая поддержка действительно важна, особенно поначалу. Сидя в окопе, открыл коробку с рисунками и письмами. От слов «Возвращайся домой живым» и «Вы – наши герои» на душе стало легче. Эти послания дают веру, что за нами страна». (Информант № 7).

«Боевое братство – это реальность. В мае получил ранение, но ребятам с другом до сих пор помогаем, собираем посылки. Мы два года были вместе, почти семьей стали, из одного котелка ели» (Информант № 9).

Анализ интервью ветеранов СВО показал, что волонтерская помощь оказывает влияние через следующие механизмы: эффект сопричастности (бойцы ощущают, что их труд и риск виден и ценится в обществе), подкрепление идентичности защитника (гуманитарная помощь сопровождается символами: флаги, георгиевская лента, усиливая патриотическую мотивацию), эмоциональная разрядка (письма и рисунки детей создают ощущение связи с «мирной жизнью»), снижение чувства изоляции (постоянная коммуникация с волонтерами помогает бойцам ощущать поддержку вне военной среды).

Однако военную идентичность бойцов ослабляет неуверенность в поддержке общества, с которой связана часть морально-психологических проблем, затрудняющих ресоциализацию.

«Я хочу, чтобы люди поняли, что мы сражались за правое дело. Но не все могут это понять и принять. Они не были там. Они будут понимать, что я воевал... Я хочу, чтобы нас социально признали. Я сталкивался с тем, что меня обвиняли те, кто там не был. Хочу, чтобы к нам было такое же отношение, как к участникам Великой Отечественной войны» (Информант № 1)

«Мне кажется, к нам отношение в обществе будет другое, чем к героям Великой Отечественной войны. После той войны были Афганская, Чеченская. Забыли же про участников. И про нас забудут. Власти говорят, что участники СВО – это новая элита. Хочется верить. Поживем, увидим» (Информант № 3)

Основными проявлениями поддержки бойцов в условиях СВО стали гуманитарная помощь (сбор и передача продуктовых наборов, медикаментов, одежды, средств личной гигиены), организация поставок специализированного оборудования (тепловизоры, генераторы, маскировочные сети), помощь в ремонте и модернизации техники; психологическая и моральная поддержка (написание писем военнослужащим, организация творческих акций и концертов, проведение мероприятий для детей и семей участников СВО),

работа с посттравматическим стрессом (взаимодействие с психологами); образовательные и культурные инициативы (проведение лекций, уроков мужества, выставок, посвящённых защитникам Отечества, создание документальных и художественных проектов, отражающих подвиги бойцов); медиа-волонтерство (ведение информационных каналов, освещающих деятельность добровольцев, противодействие дезинформации, формирование позитивного образа защитника Родины) [13].

Анализ качественных интервью с 30 студентами РТУ МИРЭА, принимавшими участие в поддержке участников СВО, позволил выявить следующие мотивационные факторы волонтерства: патриотические – чувство долга перед Родиной, желание внести вклад в общее дело (26%), эмпатийные – стремление помочь конкретным людям, оказавшимся в сложных условиях (35%), социально-идентификационные – укрепление чувства принадлежности к российскому сообществу (21%), коммуникативные – расширение круга общения, участие в коллективной деятельности (18%). Полученные результаты подтверждают вывод психологов о том, что повышение активности волонтерской деятельности повышает уровень эмпатии студентов-волонтеров [5, с. 82]. Социологи отмечают вариативность патриотического сознания россиян в контексте СВО [7, с. 78]. Так, среди молодежи в возрасте от 18 до 24 лет доля патриотов, согласно данным ВЦИОМ, выросла с 81% в 2016 г. до 99% в 2025 г. [15]. Обращает на себя внимание высокая доля студентов с флуктуирующей патриотической самоидентичностью, ограниченной лишь эмоционально-чувственным компонентом патриотизма [9, с. 69].

Высока роль образовательной организации в развитии волонтерства и патриотическом воспитании: вуз стал центром координации волонтерских инициатив. Так, в РТУ МИРЭА организованы мастерские по изготовлению маскировочных средств и экипировки; проводятся совместные акции с ветеранскими и общественными организациями, формируются патриотические клубы и студенческие отряды. В рамках акции «Вузы для фронта» студенты-волонтеры проводят мастер-классы по плетению маскировочных сетей для студентов столичных вузов: МГЛУ, РГГУ и МГИМО [3].

Важную роль в вовлечении молодежи в волонтерство оказывает медийное пространство. Медиа-освещение акций в новостном канале РТУ МИРЭА («Посылка солдату», «Письмо герою») повышает вовлечённость студентов и укрепляет моральный дух бойцов, создавая эффект «коллективного фронта». Контент-анализ публикаций корреспондента «Комсомольской правды» А. Коца «Kotsnews» в Telegram за период 01.07.2025–29.09.2025 (N = 145 постов) позволил оценить инструменты формирования медиапространства патриотизма, в котором информация сочетается с эмоциональной вовлечённостью. Посты были классифицированы по тематическим категориям, оценены по эмоциональной тональности и наличию патриотических нарративов.

Таблица 1

Тематическое распределение постов

Тема публикации	Количество постов	Доля (%)
Оперативные сводки с фронта	52	35,9
Истории героизма бойцов	34	24,3

Волонтерская помощь и тыловая поддержка	26	17,9
Развенчание фейков и информационная безопасность	18	12,4
Анализ военной обстановки	10	10,3

Эмоциональная тональность контента:

- позитивная/воодушевляющая – 49% постов (акцент на победах, наградах, помощи);
- нейтральная/информативная – 32% (оперативные сводки);
- тревожная/мобилизующая – 19% (обстрелы, потери, консолидация страны).

Канал выполняет одновременно информационную, воспитательную и консолидирующую функции. В своих публикациях А. Коц неоднократно подчёркивает, что современный патриотизм в условиях СВО не ограничивается лозунгами – он проявляется в ежедневной работе, службе и помощи друг другу, требует участия гражданского общества – акцент на волонтерских движениях, помощи фронту и семьям участников СВО. Данная медиаплатформа является современным инструментом патриотического воспитания, сочетающим оперативную журналистику и элементы исторической памяти. Медиа усиливают эффект волонтерских инициатив за счёт: масштабного распространения информации о потребностях и результатах работы, формирования позитивных образов участников волонтерского движения, мобилизации ресурсов посредством онлайн-платформ и краудфандинга, превратившегося, по мнению И.Д. Котлярова, в инструмент ресурсного обеспечения военной организации государства [6, с. 216].

В год 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, объявленный Президентом годом защитника Отечества [14], представляется актуальным обращение к опыту патриотического движения в 1941–1945 гг. Уже в первые месяцы войны в СССР на добровольных началах был создан Фонд обороны Родины, начался сбор денежных средств, облигаций государственных займов, изделий из золота и серебра, а также различных драгоценностей и ценных вещей. Массовый характер носил в годы войны сбор средств на строительство танковых колонн, эскадрилий боевых самолетов, бронепоездов, подводных лодок, артиллерийских батарей и другого вооружения [12, с. 8]. Основой общественного подъема в 1941–1945 гг. был гражданский патриотизм [2, с. 144].

Сопоставление современных инициатив с практиками поддержки фронта в период Великой Отечественной войны показало преемственность и позволило выявить новые формы поддержки фронта.

Таблица 2

Патриотическое движение в период ВОВ и СВО

Параметр	Великая Отечественная война	СВО
Формы поддержки	Письма, фронтовые концерты, посылки	Онлайн-акции, целевые сборы, волонтерские чаты
Каналы передачи	Почта, радио, газеты	Соцсети, мессенджеры, стримы
Эффект	Массовая мобилизация	Адресная поддержка, персонализация помощи

Волонтерство в условиях СВО выходит за рамки обычной благотворительности, приобретая черты массового патриотического движения мобилизационного характера. Власть

осознала необходимость институциональной поддержки движения – от упрощения логистики до предоставления правовой защиты активистов. Волонтерам, пострадавшим во время своей работы на территориях ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей, предоставляются выплаты и социальные гарантии.

В целом волонтерство в России укрепляется как ценностная практика, и при высокой готовности граждан, особенно молодежи, можно ожидать дальнейшего роста числа участников и значимости этой деятельности в решении общественных задач. В условиях СВО волонтерство является важным инструментом проявления патриотизма и укрепления национальной солидарности. Волонтерские инициативы оказывают значимое положительное влияние на моральный дух бойцов СВО, укрепляя их чувство сопричастности и социальной значимости. Психологический эффект от волонтерской помощи связан не только с материальной составляющей, но прежде всего с эмоциональной поддержкой и признанием заслуг. Развитие волонтерства усиливается благодаря участию образовательных учреждений и широкому освещению в СМИ. Для устойчивого развития движения необходимы координация усилий, ресурсная поддержка и формирование положительного социального имиджа добровольцев.

Представляется перспективным изучение долгосрочного влияния волонтерства на социальную сплоченность, анализ региональных особенностей волонтерского движения, разработка методик оценки эффективности волонтерских проектов. Для повышения эффективности волонтерских инициатив целесообразно развивать гибридные формы поддержки (онлайн + офлайн), усиливать информационную безопасность волонтерских проектов, вводить программы подготовки волонтеров к работе с военнослужащими (психологическое сопровождение), создавать архивы и базы данных о волонтерских акциях для сохранения исторической памяти.

Литература

1. Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Основы патриотизма студенческой молодежи в условиях противостояния России и Запада на Украине // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 2. С. 167-185.
2. Аманжолова Д.А. Патриотический подъем народов в борьбе с фашизмом в 1941–1945 гг.: Общее и особенное // Патриотизм – составляющая государственной национальной политики России: теория, практика. М.: Голден Би, 2010.
3. В РТУ МИРЭА состоялся мастер-класс по плетению маскировочных сетей // РТУ МИРЭА. <https://clck.ru/3QueRq>.
4. Волонтерство в России: мониторинг // ВЦИОМ. <https://clck.ru/3QueYw>.
5. Жукова Т.Л., Янковская М.В. Взаимосвязь уровня эмпатии студентов-волонтеров и активности волонтерской деятельности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2024. № 2(42). С. 77-83.
6. Котляров И.Д. Краудфандинг как инструмент ресурсного обеспечения вооружённых сил // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 5. С. 216-234.
7. Кузнецов И.М. Вариативность и динамика патриотических установок россиян в контексте СВО // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 4. С. 65-81.

8. Лубский А.В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8(36). № 2. С. 47-66.
9. Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Калинина Н.В., Константинов В.В., Кулеш Е.В., Маленова А.Ю., Малышев И.В. Отношение к патриотизму и патриотическая самоидентичность российской студенческой молодежи в условиях поляризации российского общества // Социальная психология и общество. 2023. № 14(4). С. 68-88.
10. Овчинникова И.И., Ермильченко С.О., Недашковская М.П. Роль волонтерства в период СВО в современном российском обществе // Специальная военная операция (СВО) и гражданское общество: социальное самочувствие, оценка, адаптация: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Махачкала-Кизляр, 29 февраля 2024 г.). Махачкала, 2024. С. 264-267.
11. Силкин Р.С., Силкина Н.В. Генезис патриотического воспитания молодежи в нормативных документах и практиках начала XXI в. // Развитие человека в современном мире. 2024. № 3. С. 93-106.
12. Сеницын А.М. Всенародная помощь фронту. О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 г. М.: Воениздат, 1985. 319 с.
13. Студенты и преподаватели РТУ МИРЭА вместе помогают бойцам СВО // РТУ МИРЭА. <https://clck.ru/3Quihb>.
14. Указ Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» от 16.01.2025 г. № 28 // Президент России. Офиц. сайт. <https://clck.ru/3QuikV>.
15. Федоров В.М. Служение Родине: понимание и готовность // ВЦИОМ. <https://clck.ru/3Quinf>
16. Hodgkinson V., Sumariwalla R. The nonprofit sector and the new global community: Issues and challenges // McCartby K., Hodgkinson A., Sumariwalla R., e.a. The Nonprofit sector in the global community: Voices from many nations. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1992. 520 p.

© Дорджиева Е.В., 2026

УДК 069.1

Еремин С.В.

канд. ист. наук

Нижневартовский государственный университет
г. Нижневартовск, Россия

ПОДГОТОВКА И РЕАЛИЗАЦИЯ МУЗЕЙНОГО ПРОЕКТА «ЮГОРЧАНЕ-ГЕРОИ СВО» КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ ОБ УЧАСТНИКАХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ

Всё для фронта, всё для Победы!

Аннотация. В статье рассматривается «жизненный цикл» музейного проекта «Югорчане-Герои СВО», подготовленного и реализованного командой Общественного центра гражданско-патриотического воспитания молодёжи Нижневартовского государственного университета в 2023 году. Особое внимание автором уделено вопросам сохранения памяти об участниках специальной военной операции и патриотическому воспитанию молодёжи посредством музейно-выставочной деятельности.

Ключевые слова: музейная экспозиция; Нижневартовский государственный университет (НВГУ); специальная военная операция (СВО); Гуманитарный Добровольческий Корпус (ГДК); волонтер; память; патриотизм.

Практически с первых дней проведения специальной военной операции Вооруженных сил Российской Федерации на Украине выработка подходов к ее информационному освещению стала общегосударственной задачей, потребовавшей решений, в том числе и в плоскости политики памяти. Первоначально ключевым являлся вопрос об установлении интерпретационных рамок конфликта, позволяющей легитимировать применение военной силы и мобилизовать российское общество на поддержку СВО [1, с. 8].

В 2023 году Российским историческим обществом и Государственным центральным музеем современной истории России были разработаны методические рекомендации, зафиксировавшие примерную структуру типовой выставки, посвященной СВО. Подобная экспозиция должна состоять из трех разделов: «Новороссия и Донбасс в составе Российской империи и СССР»; «Новороссия и Донбасс в 1991–2022 гг. От интернационализма к национализму» и «Специальная военная операция и борьба за национальные интересы России». В третьем разделе выделяются следующие тематические блоки: «Причины СВО: игнорирование киевским режимом Минских соглашений, непрекращающиеся террористические обстрелы Донбасса, участие НАТО в наращивании боевых возможностей ВСУ, непосредственная угроза ликвидации ДНР и ЛНР и др. Основные события СВО. Герои СВО. Волонтеры, гуманитарная помощь. Восстановление освобожденных территорий». При этом, как указывают авторы рекомендаций, сама экспозиция остается принципиально открытой для дополнения, что закрепляет за каждым региональным музеем статус «центра консолидации усилий по сбору, систематизации и популяризации материалов по СВО» [1, с. 18].

Отметим также серьезную опасность, которую представляет информационная война, ведущаяся «коллективным Западом» в социальных сетях с целью деструктивного воздействия на сознание молодых россиян.

Для противодействия этому в Нижневартковском государственном университете проводилась активная разъяснительная работа со студентами. В частности, с апреля по май 2022 года на факультетах университета работали дискуссионные площадки «Основные геополитические концепции и будущее России», на которых преподаватели рассказывали обучающимся об исторических предпосылках и причинах проведения специальной военной операции на Украине [6].

Кроме того, с осени 2022 года в НВГУ проводились мероприятия под общим названием «Я горжусь героями», на которых студенты и преподаватели университета знакомились с участниками СВО и волонтерами Гуманитарного Добровольческого Корпуса – негосударственного общественного объединения, оказывавшего гуманитарную помощь жителям ЛНР и ДНР. На одну из таких встреч были приглашены гвардии капитан Илья Мищенко, вернувшийся в Нижневартковск из зоны проведения специальной военной операции после тяжелого ранения, и Михаил Пинигин, участник боевых действий на Северном Кавказе, доброволец по сбору и доставке гуманитарных грузов на Донбасс с 2014 г. Гости рассказали студентам о ситуации на Донбассе и в Новороссии, о целях и задачах специальной военной операции, о деятельности добровольцев-гуманитарщиков и познакомили присутствующих с современными военными артефактами [5]. Тогда же у меня появилась идея создать музейную экспозицию, свидетельствующую о событиях, происходящих в ходе специальной военной операции Вооруженных Сил Российской Федерации на Украине, о её целях и задачах, об участниках событий из нашего округа, военнослужащих и волонтерах, для сохранения памяти о погибших в ходе боевых действий земляках.

Для воплощения этой идеи в реальность нужна была команда, которая помогла бы в осуществлении задуманного: художник, дизайнер, информатик, волонтеры по сбору и обработке информации, организации экскурсий, лидеры мнений, которые сами бы стали проводниками идей выставки среди молодёжи. В короткий период команда была собрана, в неё вошли активисты Общественного центра гражданско-патриотического воспитания молодёжи, студенты Нижневартковского государственного университета: Антон Белкин, Ульяна Гостева, Иван Мануйлов, Виктор Осипов, Валерия Пестрякова, Игорь Телицын и Елизавета Шевчук. Большую помощь в подборе экспозиционного материала, а также в проведении презентаций выставки на площадках факультетов университета оказал Михаил Анатольевич Пинигин.

Основной целью нашего проекта стало формирование понимания причин, цели и задач военной спецоперации на Украине посредством музейно-выставочной деятельности, а также организация встреч с непосредственными участниками событий. Планировалось, что выставку посетят не менее 1000 студентов университета, колледжей и школ города. Экспозиция должна быть: а) мобильной и трансформирующейся, при необходимости размещающейся на площадке от 25 до 50 м²; б) с коротким сроком реализации; в) презентацию

музейной экспозиции на новой площадке планировалось проводить каждые две недели в формате «Встреча с Героем», с участием военнослужащего и/или волонтеров, побывавших в зоне специальной военной операции; г) регулярно размещать информацию о работе выставке в социальных сетях.

Эти идеи были оформлены в заявке на получение гранта от Росмолодёжи. В апреле 2023 г. проект «Мобильная музейная экспозиция «Югорчане-Герои СВО» стал победителем конкурса среди высших учебных заведений и получил грант Росмолодёжи на реализацию в размере 243 тыс. рублей [8].

В ходе подготовки проекта был разработан тематико-экспозиционный план, дизайн-проект, в котором мы постарались учесть конструктивные особенности выставочного оборудования, был заключен договор с ООО «Арт-Стайл» (Санкт-Петербург) на его изготовление и поставку, а также на печать баннеров по нашим эскизам.

Если вопрос о предметном содержании выставки удалось решить достаточно быстро – часть будущих экспонатов отложилась в фонде музея истории НВГУ, часть передали специально для экспозиции участники СВО и волонтеры, то сбор материала об югорчанах, участниках военной операции осложнялся или отсутствием, или скудностью этой информации в открытых источниках. Кроме того, неясной была официальная позиция в отношении бойцов из ЧВК «Вагнер» после «марша справедливости» 23–24 июня 2023 г. В конце концов мы решили и эту задачу. Большую помощь в сборе материала для содержательной части экспозиции оказали Наталья Анатольевна Завьялова, мама погибшего в ходе СВО сержанта Игоря Василенко (имя которого сейчас носит средняя школа № 15 г. Нижневартоска), и Люция Фаритовна Нурмухаметова, мама погибшего бойца ЧВК «Вагнер» Фарита Зарипова. Они не только предоставили нам сведения о погибших в ходе проведения специальной военной операции нижневартосцах и мегионцах, но и организовали встречи с родственниками погибших. Наталья Анатольевна является председателем общественной организации семей погибших защитников Отечества в г. Нижневартоске, а Люция Фаритовна занимается сохранением и пополнением коллекции Комнаты боевой славы в Центре гражданского и патриотического воспитания им. Е.И. Горбатова в г. Мегион.

Большую помощь в работе над проектом оказала Татьяна Владимировна Судник, муниципальный координатор АНО «Гуманитарный Добровольческий Корпус» в г. Нижневартоске. Она не только предоставила информацию о нижневартосских волонтерах, активно участвующих в деятельности корпуса, но и поделилась с волонтерскими атрибутами, дополнившими нашу музейную экспозицию. Кроме того, во многом благодаря этому знакомству, члены нашей команды в январе-феврале 2024 года приняли участие в гуманитарной ротации ГДК в военном госпитале № 1602 в Ростове-на-Дону.

Дизайном и художественным оформлением выставки занимался студент факультета искусств и дизайна Игорь Телицын при участии профессора кафедры архитектуры, дизайна и декоративно-прикладного искусства Рамазана Нурисламовича Шайхулова.

Описание выставки. В центре экспозиции расположена «Стена Памяти», размещённая на мобильном стенде с портретами и информацией о югорчанах, погибших в ходе СВО (раздел

«Помним, чтим, гордимся»); справа и слева от «Стены Памяти» расположены десять баннеров с информацией о ветеранах СВО, кавалерах Орденов Мужества и волонтерах Гуманитарного Добровольческого корпуса (раздел «Надёжный тыл»). Здесь же был размещён мужской манекен в летней форме волонтера ГДК. У «Стены Памяти» расположены флаги Российской Федерации и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Вдоль «Стены памяти» располагаются четыре горизонтальные витрины с автономной подсветкой, изготовленные из снаряжных ящиков. В ящиках-витринах (В) размещены тематические артефакты: В1. Личные вещи и фото погибших военнослужащих, православная икона «Георгий Победоносец», «Донецкая роза»; В2-В3. Шевроны силовых структур ЛНР и ДНР (2014–2022), нашивки ЧВК «Вагнер»; В4. Окопная свеча, браслет для выживания, брелок «Чебурашка», «сухой душ», лечебная мазь – «продукция» нижневартовских волонтеров Гуманитарного Добровольческого Корпуса. У входа в экспозиционное пространство находится баннер с информацией о проекте и «Уголок экскурсанта», состоящий из складного алюминиевого стола, на котором расположены «Книга отзывов и предложений» и карманные календари для посетителей с краткой информацией о героях проекта.

Первая презентация проекта и открытие экспозиции состоялась 15 сентября 2023 года в многофункциональном зале главного корпуса Нижневартовского государственного университета. На мероприятии кроме студентов и преподавателей вуза присутствовали участники специальной военной операции, волонтеры Гуманитарного Добровольческого Корпуса и родители погибших военнослужащих [2].

Рис. 1. Участники открытия мобильной музейной экспозиции «Югорчане-Герои СВО» в корпусе № 1 Нижневартовского государственного университета. Нижневартовск, 15 сентября 2023 г. Автор снимка: Клейменова Е.О. [2]

Важным событием для студентов и преподавателей стало открытие выставки 1 октября 2023 г. в корпусе гуманитарного факультета университета. Презентация экспозиции прошла в формате «Встречи с героями» – с участниками СВО, сержантом Михаилом Матросовым, членами Молодёжного парламента при Думе ХМАО-Югры, участниками СВО Александром Кудриными, старшим сержантом Антоном Орликовским и общественным деятелем

Михаилом Пинигиным. Гости мероприятия рассказали о целях и задачах СВО, поделились своим личным опытом участия в спецоперации на Украине, ответили на вопросы присутствующих.

Профессор кафедры истории России и документоведения Любовь Алексеева поблагодарила гостей за их ратные подвиги, а студентов за равнодушное отношение к происходящим вокруг нас событиям [4].

Через две недели выставка открылась в физкультурно-оздоровительном комплексе НВГУ, в ноябре работала на площадке факультета информационных технологий и математики и в Центре детского и юношеского технического творчества «Патриот» (г. Нижневартовск). Студенты и школьники, посетившие выставку, не только пообщались с участниками специальной военной операции, но и стали участниками мастер-класса по оказанию первой помощи от волонтеров Гуманитарного Добровольческого Корпуса.

Рис. 2. Члены команды проекта мобильной музейной экспозиции «Югорчане-Герои СВО» вместе с участниками презентации выставки в корпусе № 4 Нижневартовского государственного университета. Нижневартовск, 1 ноября 2023 г. Автор снимка: Клейменова Е.О.

Завершающее мероприятие в рамках реализации проекта состоялось 7 декабря 2023 г. Экспозиция открылась в Арт-резиденции «Ядро» Молодёжного центра г. Нижневартовска. Открытие выставки объединили с проведением городской патриотической акции «Пишу тебе, герой!», в ходе которой студенты НВГУ писали письма на фронт, а волонтеры Гуманитарного Добровольческого Корпуса обещали поспособствовать в доставке писем не только бойцам из Нижневартовска, но и всего региона [7]. Одно из таких писем хранится в экспозиции «Югорчане-Герои СВО» и служит свидетельством сопричастности, равнодушного отношения студенческой молодежи к происходящему зоне специальной военной операции. Надеюсь, что в этом изменившемся у молодёжи отношении к происходящему вокруг есть и наш вклад.

Подводя итоги сказанного, отмечу, что в ходе подготовки и реализации музейного проекта были соблюдены все технические параметры, временные и количественные показатели, прописанные в грантовой заявке: оборудование для экспозиции «Югорчане-Герои СВО» было изготовлено и доставлено вовремя, экспозиция работала в течение трёх месяцев на шести городских площадках, четыре из которых – университетские. За этот период выставку посетили более тысячи студентов университета, воспитанников Центра детского и юношеского технического творчества «Патриот», жителей и гостей Нижневартовска. Информацию о выставке, размещённую в социальных сетях, просмотрели более 30000 пользователей.

Всего, по данным Минобрнауки России, к концу 2023 г. мемориальные локации, посвященные студентам и выпускникам вузов, принимавшим участие в СВО, были созданы в 74 университетах страны [3].

Рис. 3. Общий вид экспозиции «Югорчане-Герои СВО» в корпусе № 1 Нижневартовского государственного университета. Нижневартовск, 30 октября 2025 г. Автор снимка: Еремин С.В.

«Жизненный цикл» экспозиции «Югорчане-Герои СВО» не закончился. В сентябре 2024 г. выставка получила постоянную «прописку» в главном корпусе университета и в настоящее время работает в режиме «свободного доступа», пополняется новыми экспонатами и документами, служит делу патриотического воспитания молодёжи и сохранению памяти о героях-земляках.

Литература

1. Беклямишев В.О. Коммеморация событий специальной военной операции посредством музейно-выставочной деятельности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2024. № 5. С. 7-19.
2. Боль, которая никогда не утихнет... // Нижневартовский государственный университет: официальная группа в социальной сети «ВКонтакте». 15 сентября 2023. <https://clck.ru/3RMxLg>.
3. Дорофеев М. В Музее Победы состоялась церемония гашения марок, посвященных участникам СВО // Российское историческое общество. <https://clck.ru/3RMxR6>.

4. Молодёжный парламент при Думе ХМАО-Югры: официальная группа в социальной сети «ВКонтакте». 4 октября 2023. <https://clck.ru/3RMxqh>.
5. Мы гордимся // Нижневартовский государственный университет: официальный сайт. 22 ноября 2022. <https://clck.ru/3RMxwG>.
6. Основные геополитические концепции и будущее России // Нижневартовский государственный университет: официальный сайт. 19 мая 2022. <https://clck.ru/3RMxyk>.
7. Студенты Нижневартовского госуниверситета присоединились к акции «Пишу тебе, герой!» // Телеканал «Самотлор»: официальный сайт. 7 декабря 2023. <https://clck.ru/3RMу7F>.
8. Студенческие проекты Югры выиграли во Всероссийском грантовом конкурсе. // Департамент молодежной политики Югры: официальная группа в социальной сети «ВКонтакте». 26 апреля 2023. <https://clck.ru/3RMуBP>.

© Еремин С.В., 2026

ПОДВИГИ КИРОВЧАН В ВИСЛО-ОДЕРСКОЙ ОПЕРАЦИИ И СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О НИХ В НАЗВАНИЯХ УЛИЦ НА РОДИНЕ ГЕРОЕВ

Аннотация. Проанализировано участие кировчан в Висло-Одерской операции на примерах подвигов Героев Советского Союза, полных кавалеров ордена Славы и кавалеров двух орденов Славы. Исследован вопрос сохранения памяти о героях-кировчанах, отличившихся в Висло-Одерской операции в названиях улиц на их родине.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Висло-Одерская операция; герои; сохранение памяти; присвоение улицам имён; Кировская область.

На основе анализа литературы [7] и информации на сайтах «Герои войны» [1], «Герои ПФО» [5], «Подвиг народа» [8] – на примерах подвигов Героев Советского Союза, полных кавалеров ордена Славы и кавалеров двух орденов Славы – было исследовано участие кировчан в Висло-Одерской операции.

Десятки тысяч кировчан участвовали в операциях Красной Армии 1945 года – освобождении стран Европы, разгроме гитлеровской Германии и милитаристской Японии. На заключительном этапе войны (1945 г.) 89 кировчан совершили подвиги, отмеченные высшими наградами. 53 стали Героями Советского Союза, 3 – Героями Российской Федерации, 33 – полными кавалерами ордена Славы. Кировчане-герои отличились в Висло-Одерской (37), Восточно-Прусской (21), Восточно-Померанской (5), Будапештской (2), Венской наступательной (2), Моравско-Оставской (2), Западно-Карпатской (1), Берлинской (27) операциях, в боях на Кюстринском плацдарме (2), в советско-японской войне (3). 14 героев, отличившихся в сорок пятом, погибли в бою или умерли от ран. Одному из героев, танкисту, отличившемуся в Восточно-Прусской операции, Павлу Павловичу Сюткину сейчас 103 года. Многие смельчаки, успешно форсировавшие Одер в сорок пятом, родились и выросли в деревнях и сёлах на берегах великой русской реки Вятки. Сами герои отмечали, что на войне им часто помогали крестьянская смекалка, спокойствие и выдержка.

Висло-Одерская операция стала одним из самых успешных сражений Красной армии в Великой Отечественной войне. За 3 недели войска 2 фронтов освободили десятки тысяч квадратных километров территории Польши и Германии [3, с. 52]. Операция продемонстрировала превосходство советской военной стратегии и тактики. Советские войска показали отличную подготовку, умение использовать первоклассную боевую технику и высокий моральный дух [6]. «Операция изобиловала примерами массового героизма и самопожертвования, решимости людей выполнить свой долг до конца, не считаясь ни с чем. И сейчас, спустя много лет после войны, как бывший командующий 1-м Украинским фронтом, ещё раз снимаю шапку и склоняю голову перед всеми, кто пролил кровь и отдал свою жизнь в этих боях», – отмечал маршал Иван Степанович Конев (уроженец села Лодейно, ныне – Подосиновского района Кировской области) [4, с. 52].

В Висло-Одерской операции (с 12 января по 3 февраля 1945 г.), участвовали войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Войска 1-го Белорусского фронта наступали в основном с Магнушевского и Пулавского плацдармов, а 1-го Украинского – с Сандомирского плацдарма на левом берегу Вислы.

Перед самым наступлением в районе Варшавы к-р отделения взвода пешей разведки 137 сп 47 сд 8 гв. А ст. сержант Андрей Никитович Позняк с группой разведчиков совершил 5 поисков в тылу врага, захватив несколько «языков» и собрав ценные разведданные. В первые дни наступления, проводившегося севернее Варшавы, отличился к-р дивизиона 969 ап 60 сд 47 А майор Валентин Александрович Усанов, умело организовавший огонь батарей и обеспечивший форсирование реки советскими частями.

В первые дни наступления с Магнушевского плацдарма отличились: к-р отделения 104 отдельного сапёрного батальона 89 сд 5 УА сержант Семён Николаевич Чирков, сделавший проход в спиральных заграждениях из колючей проволоки вблизи немецких траншей и уничтоживший гранатами вражеский дзот; к-р миномётного расчёта 141 армейского миномётного полка 8 гв. А сержант Александр Михайлович Эсаулов, отбивший 4 атаки противника, огнём миномёта поразивший 2 пулемёта и более 10 солдат врага; к-р расчёта станкового пулемёта 236 сп 74 сд 29 ск 8 гв. А ст. сержант Иван Евстигнеевич Кудреватых, уничтоживший из автомата 10 солдат противника.

В первые дни наступления с Пулавского плацдарма отличились: к-р отделения разведки 940 ап 370 сд 69 А старшина Александр Яковлевич Княжев, благодаря точным целеуказаниям которого было уничтожено несколько огневых точек и много вражеских солдат; к-р отделения 206 исапб 34 исапбр 33 А ст. сержант Леонид Степанович Резвых, обезвредивший 297 противотанковых мин; заместитель к-ра отделения 207 исапб 34 исапбр 33 А мл. сержант Александр Сергеевич Боровиков, обезвредивший 280 мин; к-р расчёта орудия 275 истребительно-противотанкового ап 5 УА мл. сержант Хази Миникаев, точным огнём накрывший противотанковую пушку, НП и до 15 солдат противника; к-р батальона 961 сп 274 сд 69 А майор Василий Ильич Кряжев; к-р отделения 515 сп 134 сд 69А ст. сержант Егор Яковлевич Пупов, уничтоживший 20 немецких солдат; комсорг стрелкового батальона 487 сп 143 сд 47 А лейтенант Анатолий Никифорович Тебеньков, отразивший 3 вражеских контратаки и уничтоживший 9 немецких машин с боеприпасами; разведчик-сапёр взвода пешей разведки 222 сп 49 сд 33 А мл. сержант Анатолий Константинович Лугинин, подорвавший 2 огневые точки противника, уничтоживший свыше 10 пехотинцев, взявший в плен 4 солдат врага.

В первые дни наступления с Сандомирского плацдарма отличились: к-р орудия 4 сп 6 сд 13 А сержант Пётр Алексеевич Земцов, огнём своего орудия уничтоживший 3 немецких пулемёта, 1 дзот, 2 танка, 4 бронетранспортёра и 1 бронеевтомобиль; механик-водитель танка 53 тбр 6 тк 3 гв. ТА сержант Николай Николаевич Волков, в составе танкового взвода захвативший мост через реку Пилица, уничтоживший немецкий обоз из 200 повозок, колонну автомашин и 3 танка врага; к-р взвода 996 сп 286 сд 59 А лейтенант Степан Фёдорович Мозжерин, со своими товарищами уничтоживший 30 немецких солдат.

В более поздних боях за Познань в полосе наступления 1-го Белорусского фронта отличились: к-р расчёта станкового пулемёта 236 сп 74 сд 29 ск 8 гв. А ст. сержант Иван Евстигнеевич Кудреватых, который в уличных боях заменил раненого командира взвода и повёл бойцов в атаку, одним из первых ворвался внутрь крепости и завязал бой в её подвалах; телефонист 35 отдельного батальона связи 27 сд 8 гв. А ефрейтор Анатолий Анисимович Борцов, который, обеспечивая связь комдива с боевыми частями, вступил в бой, уничтожив 10 вражеских солдат, и взял в плен офицера; наводчик СУ-76М 1 самоходно-артиллерийского дивизиона 12 самоходно-артиллерийской бригады 69 А ст. сержант Иван Алексеевич Пантелеев, в составе экипажа СУ-76М подавивший 6 огневых точек врага и истребивший свыше 10 солдат противника. В бою у города Лакнаш разведчик 53 кп 15 кд 7 кк сержант Иосиф Борисович Маркин во главе разведгруппы уничтожил большое количество солдат и офицеров противника и 17 взял в плен, а у города Калиш остался прикрывать отход разведгруппы с захваченным «языком» и погиб.

К концу января – началу февраля в результате стремительного броска наши войска с боями продвинулись вперед на сотни километров, освободили огромную территорию Польши с её столицей Варшавой и вышли к Одеру, захватив несколько плацдармов. Далеко на запад, на Кюстринский плацдарм и к его окрестностям вышли войска 1-го Белорусского фронта. До Берлина оставалось не более 70 километров. В этих боях отличились: помощник к-ра взвода 172 сп 57 сд 8 гв. А старшина Павел Иванович Маскин, который, командуя взводом, отразил контратаку врага, уничтожил много гитлеровцев и 17 захватил в плен; к-р батальона 696 сп 383 сд 33 А майор Константин Васильевич Ложкин, который со своим батальоном захватил и удерживал плацдарм на Одере, отразил множество контратак, в одном из боёв заменил погибшего пулемётчика; к-р отделения разведки 940 ап 370 сд 69 А старшина Александр Яковлевич Княжев, один из первых форсировавший Одер и уничтоживший несколько вражеских солдат и офицера; к-р батальона 961 сп 274 сд 69 А майор Василий Ильич Кряжев; стрелок 101 сп 4 сд 69 А рядовой Григорий Фёдорович Овсянников, который во главе взвода форсировал Одер, ворвался в расположение противника и уничтожил станковый пулемёт и 10 гитлеровцев; к-р отделения 515 сп 134 сд 69 А ст. сержант Егор Яковлевич Пупов, вместе со своим отделением уничтоживший до взвода немецких солдат.

На юго-западе значительно продвинулись войска 1-го Украинского фронта, освободившие и сохранившие от разрушений важный промышленный район Силезию и старую столицу Польши Краков. При освобождении Штейнау отличились: к-р орудия 4 сп 6 сд 13 А сержант Пётр Алексеевич Земцов, по льду переправившийся через Одер и уничтоживший несколько танков, пулемётов и большое количество неприятельских солдат и офицеров; к-р пулемётного взвода мотострелкового батальона 29 мотострелковой бригады 10 тк 4 гв. ТА лейтенант Пётр Андреевич Родыгин, вместе со своим взводом уничтоживший около 60 неприятельских солдат и офицеров противника и автомашины с боеприпасами; к-р отделения стрелковой роты 340 сп 121 сд 102 ск 13 А мл. сержант Владимир Трофимович Кудрин, отразивший со своим отделением многократные контратаки немцев. При штурме Олау отличились: к-р орудия 235 истребительно-противотанкового ап 10 истребительно-

противотанковой артиллерийской бригады 5 гв. А ст. сержант Николай Алексеевич Рогожников, который вместе с расчётом одним из первых переправился через Одер и лично уничтожил несколько вражеских огневых точек; к-р роты 294 сп 97 сд 5 гв. А ст. лейтенант Алексей Андреевич Шестаков, который со своей ротой захватил господствующую высоту, отразил 8 контратак, уничтожил 2 роты гитлеровцев и захватил 20 пленных; пулемётчик 780 сп 214 сд 52 А рядовой Иван Алексеевич Скобелев, который заменил в бою погибшего командира роты, возглавив контратаку и лично уничтожив 20 солдат и офицеров противника. Катовице освобождал к-р роты 14 тбр 4 тк 5 гв. А ст. лейтенант Сергей Васильевич Храмцов, который со своей танковой ротой первый ворвался в город, уничтожив 14 орудий, 24 пулемёта, 8 миномётов и 30 автомашин, захватив эшелон и склады противника. Ратибор штурмовал к-р миномётного расчета 26 кп 7 кд 1 кк старшина Николай Андреевич Белкин, который со своим расчётом уничтожил 20 солдат противника, подбил БТР и 2 машины с боеприпасами, подавил несколько пулемётных точек. У города Козле отличились наводчик орудия 370 отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 286 сд 59 А ст. сержант Вячеслав Александрович Норсеев, который вместе с расчётом отразил 8 немецких контратак, уничтожил 9 танков и 100 вражеских солдат и офицеров, и к-р взвода 996 сп 286 сд 59 А лейтенант Степан Фёдорович Мозжерин, который со своим взводом в бою истребил около 10 солдат противника, но и сам получил смертельное ранение. В окрестностях города Ополе отличились: к-р взвода автоматчиков 385 тяжёлого самоходного ап 6 тк 3 гв. ТА старшина Сергей Георгиевич Пуртов, который обнаружил группу автоматчиков противника и уничтожил её, лично истребив 3 гитлеровцев; к-р взвода 76 исапб 16 исапбр мл. лейтенант Пётр Николаевич Жуковский, вплавь доставивший рамы моста и отразивший несколько контратак; к-р отделения разведки роты управления 54 тбр 7 тк 3 гв. ТА сержант Степан Иванович Удов, который с группой разведчиков захватил бронетранспортёр, совершил многокилометровый рейд по тылам противника, занял переправу через Одер и удержал её до подхода основных сил.

К дальнему рубежу на северо-западе – городу Винцборк продвинулся к-р пулемётного расчёта кэск 10 кп 3 кд 2 кк ст. сержант Андрей Дмитриевич Корчагин, истребивший около 25 солдат противника.

В результате проведённого исследования удалось более точно оценить вклад жителей выбранного региона в победу над врагом в одной из важнейших боевых операций РККА 1945 года. Десятки тысяч кировчан участвовали в Висло-Одерской операции. 37 из них совершили подвиги, отмеченные высшими наградами – 21 стали Героями Советского Союза и 16 полными кавалерами ордена Славы. Из более 500 кировчан – кавалеров двух орденов Славы, данные о награждении которых доступны на платформе «Подвиг народа», 88 отличились в Висло-Одерской операции: рядовой Матвей Варламович Алыпов 1902 г.р.; рядовой Сергей Андреевич Андреев 1923 г.р.; ст. сержант Фёдор Алексеевич Анцигин 1908 г.р.; рядовой Николай Данилович Балыбердин 1918 г.р.; рядовой Гаврил Гурьянович Банников 1911 г.р.; сержант Станислав Михайлович Белозеров 1912 г.р.; мл. сержант Александр Фёдорович Березин 1924 г.р.; рядовой Георгий Иванович Берляков 1920 г.р.; рядовой Николай Михайлович Бояринцев 1909 г.р.; мл. сержант Леонид Степанович Буторин 1926 г.р.; мл.

сержант Иван Георгиевич Бызов 1903 г.р.; рядовой Константин Иванович Вахменин 1922 г.р.; мл. сержант Илья Филиппович Вепрев 1921 г.р.; рядовой Сергей Алексеевич Волков 1907 г.р.; сержант Василий Николаевич Вохминцев 1920 г.р.; рядовой Алексей Лукьянович Гирев 1924 г.р.; сержант Валентин Викторович Гоголев 1924 г.р.; старшина Сергей Иванович Городилов 1916 г.р.; ефрейтор Михаил Иванович Гребенкин 1921 г.р.; ст. сержант Аркадий Андреевич Гулин 1923 г.р.; сержант Павел Александрович Дрожжачих 1916 г.р.; рядовой Дмитрий Андреевич Ефимов 1901 г.р.; рядовой Алексей Сергеевич Жвакин 1926 г.р.; ст. сержант Михаил Фёдорович Жилин 1925 г.р.; мл. сержант Дмитрий Степанович Жуйков 1911 г.р.; рядовой Валентин Михайлович Злобин 1922 г.р.; сержант Николай Ефимович Извергин 1917 г.р.; сержант Аркадий Петрович Исупов 1918 г.р.; сержант Фёдор Петрович Кабанов 1917 г.р.; сержант Александр Сергеевич Ковязин 1908 г.р.; сержант Геннадий Васильевич Коробейников 1924 г.р.; рядовой Василий Петрович Котельников 1913 г.р.; ефрейтор Фёдор Аркадьевич Красильников 1926 г.р.; рядовой Яков Иванович Кудрявцев 1906 г.р.; рядовой Владимир Александрович Лукасов 1924 г.р.; рядовой Павел Дмитриевич Макаров 1926 г.р.; ст. сержант Иван Григорьевич Мальцев 1907 г.р.; сержант Николай Иванович Мамаев 1906 г.р.; сержант Николай Сергеевич Меринов 1906 г.р.; ефрейтор Николай Петрович Меркучев 1913 г.р.; мл. сержант Николай Иванович Мохин 1923 г.р.; рядовой Иван Александрович Мусихин 1914 г.р.; ст. сержант Василий Григорьевич Новиков 1922 г.р.; ст. сержант Георгий Григорьевич Отыгов 1915 г.р.; рядовой Александр Георгиевич Петухов 1923 г.р.; ст. сержант Иван Андреевич Петухов 1908 г.р.; старшина Николай Иванович Петухов 1914 г.р.; ефрейтор Егор Егорович Половников 1919 г.р.; ефрейтор Сергей Алексеевич Пустохин 1900 г.р.; ст. сержант Иван Евдокимович Рогачев 1923 г.р.; ст. сержант Аркадий Алексеевич Рублев 1919 г.р.; мл. сержант Фёдор Александрович Рябов 1918 г.р.; ефрейтор Михаил Павлович Савиных 1924 г.р.; сержант Кабир Сабирович Садыков 1912 г.р.; сержант Фёдор Галактионович Сандаков 1906 г.р.; сержант Григорий Фёдорович Сафанеев 1904 г.р.; сержант Геннадий Фёдорович Селюнин 1923 г.р.; ефрейтор Григорий Кондратьевич Сидоров 1919 г.р.; сержант Иван Никифорович Смышляев 1916 г.р.; ст. сержант Дмитрий Константинович Созонов 1913 г.р.; мл. сержант Александр Григорьевич Соловьёв 1922 г.р.; мл. сержант Пётр Алексеевич Степанов 1921 г.р.; рядовой Георгий Иванович Суманев 1921 г.р.; рядовой Николай Тихонович Суслов 1921 г.р.; ст. сержант Александр Григорьевич Сухих 1923 г.р.; рядовой Алексей Климентьевич Сюзев 1926 г.р.; рядовой Михаил Иванович Тебеньков 1924 г.р.; ст. сержант Дмитрий Петрович Токмалаев 1918 г.р.; рядовой Алексей Прохорович Федянин 1925 г.р.; мл. сержант Николай Карпович Харин 1925 г.р.; ефрейтор Пётр Филиппович Хлупин 1922 г.р.; мл. сержант Никифор Андреевич Хохрин 1899 г.р.; мл. сержант Николай Степанович Чагаев 1925 г.р.; сержант Николай Егорович Чанков 1912 г.р.; рядовой Прокофий Егорович Чебаевский 1907 г.р.; сержант Сергей Афанасьевич Черменин 1906 г.р.; рядовой Клавдий Лукич Чурин 1926 г.р.; рядовой Егор Константинович Шайнов 1925 г.р.; сержант Василий Степанович Шелеметев 1911 г.р.; ефрейтор Василий Спиридонович Шихарев 1899 г.р.; ст. сержант Иван Васильевич Шишкин 1915 г.р.; ст. сержант Прокоп Тихонович Шумихин 1910 г.р.; мл. сержант Степан Максимович Шустов 1922 г.р.;

рядовой Иван Сергеевич Шушаков 1908 г.р.; ефрейтор Михаил Васильевич Щелчков 1920 г.р.; сержант Василий Петрович Юдин 1916 г.р.; сержант Аркадий Александрович Юферов 1925 г.р.; ефрейтор Александр Никитич Яночкин 1925 г.р. Описание подвигов этих героев по результатам данного исследования будет опубликовано отдельно.

По оценкам изученных данных, из 15 тысяч кировчан-кавалеров ордена Славы 3 степени не менее полутора тысяч человек получили эту награду за подвиги, совершённые в ходе Висло-Одерской операции.

Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне, о подвигах героев, имеет большое значение для воспитания молодёжи на примерах мужества, патриотизма и самопожертвования. Героизм на фронтах Великой Отечественной был массовым. О тысячах подвигов безвестных героев мы никогда не узнаем. Как поётся в песне на стихи Евгения Аграновича, «от героев былых времён не осталось порой имён»... Тем не менее, значительное количество героев было награждено орденами и медалями, описание их подвигов хранится в наградных документах. Одной из важных форм увековечивания памяти героев является присвоение их имён улицам и площадям населённых пунктов. Особенно важно закреплять имена героев в названиях улиц тех городов и посёлков, где они родились, жили учились и работали. Имена 33 из 89 кировчан-героев сорок пятого года сохранены в названиях улиц населённых пунктов Кировской области. 14 из 37 имён героев-кировчан, отличившихся в Висло-Одерской операции, сохранены в названиях улиц на родине героев – Кировской области [2, с. 3]. В Кирове и населённых пунктах области пока ещё нет улиц, названных в честь героев Висло-Одерской операции, погибших в 1945 году и похороненных в Польше и Германии: Героя Советского Союза сержанта Иосифа Борисовича Маркина; полных кавалеров ордена Славы: старшего сержанта Ивана Евстигнеевича Кудреватых, старшины Александра Яковлевича Княжева и старшего сержанта Егора Яковлевича Пупова. К сожалению, в последнее десятилетие деятельность по присвоению имён героев Великой Отечественной улицам населённых пунктов Кировской области практически прекратилась. Очевидно, что эту работу необходимо продолжить.

Закончить эту статью хочется замечательными словами кировского поэта Владимира Архангельского:

*Мы золотом напишем имена
От генерала и до рядового.
Припомним всех, и словно бы война
Ворвётся грозно в нашу память снова.
Чем меньше их осталось, ветеранов,
Тем бережнее помнить мы должны
И тех, кто не пришёл с войны...*

Сокращения

А – армия; ап – артиллерийский полк; гв. – гвардейский; исапб – инженерно-сапёрный батальон, инженерно-сапёрная бригада; кэск – кавалерийский эскадрон; кп – кавалерийский

полк; кд – кавалерийская дивизия; кк – кавалерийский корпус; к-р – командир; мл. – младший; НП – наблюдательный пункт; сп – стрелковый полк; сд – стрелковая дивизия; ск – стрелковый корпус; ст. – старший; ТА – танковая армия; тбр – танковая бригада; тк – танковый корпус; УА – ударная армия.

Литература

1. Герои страны: сайт. <https://clck.ru/3QukQx>.
2. Имена героев на карте Кировской области. Киров: Вятский издательский дом, 2014. 106 с.
3. Исаев А.В. 1945-й. Триумф в наступлении и в обороне: от Висло-Одерской до Балатона. М.: Вече, 2009. 145 с.
4. Конев И.С. Сорок пятый. М.: Воениздат, 1970. 288 с.
5. Общественный проект Приволжского федерального округа Герои Отечества: сайт. <https://clck.ru/3QukX9>.
6. Португальский Р.М., Рунов В.А. Победный 1945-й. Висло-Одерская наступательная операция. М.: Вече, 2017. 413 с.
7. Смирнов В.В. Адрес подвига-вятский: Книга о кировчанах, ставших Героями Советского Союза и Героями Российской Федерации. Киров: Вятка, 1995. 480 с.
8. Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»: сайт. <https://clck.ru/3Qukjw>.

© Зуйков Ю.А., 2026

УДК 622(09)

Карнов В.П.

д-р ист. наук

Тюменский индустриальный университет

г. Тюмень, Россия

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ВКЛАД ТЮМЕНСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА В ПОБЕДУ

Аннотация. Рассмотрены военные страницы биографий профессоров Тюменского индустриального института. Одни из них воевали на фронте, другие приближали победу в тылу. Несмотря на внимание исследователей к биографиям ветеранов университета, остаются вопросы, на которые пока нет ответа. Это касается, прежде всего, А.Н. Косухина, руководившего в 1942–1944 гг. крымским молодёжным подпольем, И.Д. Карягина, заместителя наркома нефтяной промышленности СССР в 1942–1945 гг., В.И. Муравленко, руководившего в военные годы нефтяниками на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Тюмень; индустриальный институт; профессора; ветераны; война.

Профессура Тюменского индустриального института (ТИИ, сегодня ТИУ – Тюменский индустриальный университет), немногочисленная во второй половине 1960-х гг., успела отличиться в годы Великой Отечественной войны, закончившейся на два десятка лет раньше создания нового нефтяного ВУЗа страны. Первыми докторами наук, пришедшими в ТИИ, были геологи И.В. Лебедев (1964 г.) и М.Я. Рудкевич (1965 г.), экономист И.Д. Карягин (1965 г.). Ректором ТИИ в 1964 г. (Постановление Правительства вышло в декабре 1963 г.) стал А.Н. Косухин.

Первый в ТИИ профессор Иван Викторович Лебедев (1909-2002) был призван в ряды Советской армии в мае 1942 г., но уже в августе откомандирован для работы в угольной промышленности, потому что хорошие геологи нужны были стране не меньше, чем солдаты. После победного 1945-го Лебедев занимался проблемами континентальных осадков, уточнением угленосных разрезов месторождений Кузбасса, защитил кандидатскую диссертацию, а в 1959 г. стал доктором геолого-минералогических наук. 1 августа 1964 г. он был назначен на должность заведующего кафедрой общей геологии, стал первым деканом геологоразведочного факультета ТИИ [12].

С 1965 г. читал лекции в ТИИ Максим Яковлевич Рудкевич (1920–1994), одновременно руководя отделом нефти и газа в Тюменском филиале Сибирского НИИ геологии, геофизики и минерального сырья (СНИИГГиМС, г. Новосибирск), впоследствии преобразованного в Западно-Сибирский институт проблем геологии нефти и газа (ЗапСибНИГНИ, г. Тюмень). Докторскую диссертацию по специальности «геолого-минералогические науки» Максим Яковлевич защитил в 1965-м, а звание профессора получил в 1967 г. [10]. Двадцать лет, начиная с сентября 1971 г., профессор Рудкевич заведовал кафедрой геологии, поисков и разведки нефтяных и газовых месторождений ТИИ.

Войну Максим Рудкевич встретил студентом Московского геологоразведочного института им. Серго Орджоникидзе, принимал участие в строительстве оборонительных линий Москвы. В армию он был призван после окончания института, потому что старшекурсники горных специальностей не призывались на службу до завершения учёбы.

После окончания школы младших авиаспециалистов в апреле 1944 г. Максим был направлен на фронт, где служил мотористом на аэродромах, обеспечивая техническое обслуживание самолётов. Авиатехником воевал и мой отец, сержант Пётр Алексеевич Карпов, поэтому работу авиамехаников представляю более-менее хорошо по рассказам отца. После победы над Германией сержант Рудкевич принял участие в войне против Японии на Дальнем Востоке, где продолжал службу авиамотористом, готовил самолёты для боевых вылетов. Профессор ТИИ, доктор геолого-минералогических наук, Заслуженный геолог РСФСР М.Я. Рудкевич награждён 10 медалями, в том числе «За победу над Германией» и «За победу над Японией», Орденом Отечественной войны II степени.

В 1980-е годы мне посчастливилось работать и общаться с Василием Константиновичем Ермаковым (1909–1992). Ермаков был назначен в 1964 г. исполняющим обязанности проректора по учебной и научной работе. Удивительно скромный человек. Обедал в институтской столовой на 18-20 копеек. Тарелка пшённой каши, салат из свежей капусты, стакан чая, кусок чёрного хлеба. Я видел, потому что обедали вместе. В столовой 1-го корпуса ТИИ. 1980-й год. Сентябрь.

В годы войны фронтом Василия Ермакова стал поиск золота в Средней Азии, и Ермаков его нашёл, став первооткрывателем крупных месторождений драгоценного металла. Свой геологический опыт Василий Константинович обобщил в докторской диссертации, которую защитил в 1969 г. Учёный стал одним из организаторов геолого-минералогического музея ТИИ, на базе которого в дальнейшем был создан уникальный для Западной Сибири музей горных пород, минералов, руд, нефти, конденсатов. Профессор награждён медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За трудовую доблесть», «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири».

Не только в ТИУ, но и в городе знают Анатолия Николаевича Косухина (1925–1988). В 1969 г. свердловский журнал «Уральский следопыт» опубликовал статью под названием «Гестапо ищет Косухина» [9]. Сегодня это уже не большая новость, а в 1969 году публикация стала сенсацией. В статье с фотоснимками и иллюстрациями говорилось о руководстве Косухиным молодежной подпольной организацией в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на активные поиски гестапо, 39 из более 50 участников подполья Симферополя остались в живых. Накануне 9 мая 2023 г. в музей Тюменского индустриального университета было передано личное дело подпольщика. В нём содержится докладная записка Анатолия Косухина о подвигах каждого члена подпольной группы [1].

В августе 1944 г., после освобождения Крыма, был подготовлен Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Анатолию Косухину звания Героя Советского Союза, но документ не был подписан. К 20-летию победы, в 1965 г. бывший подпольщик был награждён орденом Ленина, но звания «Герой Советского Союза» так и не получил. Ни тогда, ни позже. Причиной опалы Косухина в послевоенные годы стала книга И.А. Козлова «В крымском подполье» (1947 г.). Автор поставил под сомнение героическое прошлое подпольщика. В вину комсомольцу ставилось то, что семья Косухиных осталась в Симферополе, не покинув оккупированную территорию, что Анатолий закончил школу уже

при немцах, отмечалась якобы личная недисциплинированность Анатолия. По следам публикации в Крымском обкоме ВЛКСМ прошло специальное заседание (июнь 1947 г.) с участием секретаря обкома ВЛКСМ Г.В. Ивановского, писателя И.А. Козлова и группы бывших подпольщиков. В итоге было принято решение: молодёжную подпольную организацию, руководимую Косухиным, показывать так, как в книге И.А. Козлова, а, значит, и Косухина не считать героем [11, с. 30].

После публикации злополучной книги, имевшей широкий резонанс (автор получил за неё Сталинскую премию), прошло много лет и роль молодёжного подполья Крыма в борьбе с оккупантами давно пересмотрена. В 1984 г. А.Н. Косухину за боевое прошлое, мужество, проявленное в борьбе с немецкими оккупантами, было присвоено звание Почётного гражданина города Симферополь. К 95-летию А.Н. Косухина вышла статья Д. Падерина «Слово о Герое...» [11], где снова поднимается вопрос о присвоении Косухину звания Героя Советского Союза. Вскоре, в январе 2025 г. в ТИУ прошла презентация книги о первом ректоре, в которой представлены рассекреченные документы, восстанавливающие доброе имя руководителя симферопольского молодёжного подполья [5]. В Музее истории науки и техники Зауралья ТИУ хранятся личные вещи, фотографии и предметы, рассказывающие о первом ректоре, память о нём увековечена мемориальной доской на здании ТИУ по ул. Володарского, дом № 38 в городе Тюмень. Об этом историки ТИУ рассказали в статье 2023 года [2].

Большой вклад в победу над Германией внёс профессор ТИИ Иван Дмитриевич Карягин (1910–1994 гг.), руководивший кафедрой «Экономика, организация и планирование производства» ТИИ в 1967–1982 гг. Начало Великой Отечественной войны И.Д. Карягин встретил, работая начальником Планово-экономического отдела Наркомнефти СССР. Мне не пришлось общаться с ним. Он общался с Байбаковым, Берией, Вознесенским, Молотовым, Маленковым, Кагановичем, Сталиным. Но знаю теперь уже по документам центральных архивов, что свои ордена Карягин получил не зря. Я докладывал об этом на конференции в Университете нефти и газа им. И.М. Губкина (г. Москва, 18 мая 2025 г.).

Задачи плановиков в условиях войны были такими сложными, что об этом трудно рассказать коротко. Мобилизация кадров и автотранспорта на фронт, эвакуация предприятий, переключение машиностроительных заводов Свердловска, Челябинска, Ижевска, Тулы, Ленинграда и многих других городов на выпуск оборонной продукции, пуск предприятий, эвакуированных за Урал (почти 30 – только в Тюмень!), были архисложной задачей.

6 февраля 1942 г. вышел Указ Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями работников нефтяной промышленности – «за образцовое выполнение заданий Правительства по увеличению добычи нефти, производству оборонных нефтепродуктов и боеприпасов». Ордена Ленина был удостоен И.Д. Карягин. Это была его первая награда, а вскоре последовала и вторая – орден Трудового Красного Знамени. Точные обстоятельства ее получения пока неизвестны. По рассказам самого Ивана Дмитриевича своим тюменским коллегам, этот орден он получил за участие в грандиозной операции по эвакуации нефтепромыслов и заводов, поскольку, как начальник Планово-экономического отдела, он

входил в состав специальной комиссии по эвакуации при наркомате нефтепрома СССР, планировал и выделял ресурсы – финансовые, материально-технические, кадровые – демонтажа, переброски и возведения на новом месте эвакуируемых из западных и южных областей предприятий отрасли [7].

В сентябре 1942 г. И.Д. Карягин был назначен заместителем наркома нефтяной промышленности СССР по кадрам.

В мае 1987 г. И.Д. Карягин шёл по улице Минской в г. Тюмени в сторону общежития ТИИ. Я знал, что он заслуженный человек, и подумал: почему он живёт в общежитии? Бывший заместитель наркома, кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени (трижды), медали «За оборону Москвы»? После работы в столице, в центральном аппарате Наркомата нефтяной промышленности СССР, после руководства восстановлением нефтяной промышленности Румынской республики (поручение Правительства СССР, 3-й орден Трудового Красного Знамени)?

С моим московским товарищем-историком мы начали собирать материал об Иване Карягине, выяснять, почему он оказался в Тюмени, провинциальном зауральском городе, где в 1964 г. была всего одна гостиница «Заря» и деревянные тротуары. Нашли интересный документ, в котором И.Д. Карягин обвинялся в срыве правительственного задания [13]. Поручение было – ни много, ни мало – рассчитать показатели развития народного хозяйства СССР на следующие 5 лет. Этот документ мог стать причиной завершения столичного этапа карьеры, но он не зачеркивает всех предыдущих и последующих успехов в работе И.Д. Карягина, а так называемый «срыв задания» объясняется тем, что экономист-нефтяник попал не в свою среду, вынужден был заниматься делом не по профилю своей специальности [3, с. 35-36, 38]. Последующая работа в Тюмени, в НИПИ и ТИИ подтверждает такие выводы.

Помимо кадровой работы в ранге заместителя наркома И.Д. Карягин с 1943 г. являлся председателем Всесоюзного научного инженерно-технического общества нефтяников. В годы Великой Отечественной войны Общество продолжало свою деятельность, мобилизуя инженерную общественность на решение оборонных задач.

После войны И.Д. Карягин, одновременно с большой организаторской работой, занимался наукой и в 1945 г. успешно защитил кандидатскую, а в 1962 г. – докторскую диссертацию. Доктор экономических наук Карягин внес большой вклад в развитие отечественного нефтегазового комплекса. В 1960-е годы (и позже) Карягин оказался востребованным в Тюмени, потому что началась тюменская эпоха советской нефти и в новый регион потребовались экономисты самого высокого уровня. Здесь, в Тюмени Иван Дмитриевич работал над обоснованием очередности ввода открытых месторождений в разработку.

Самый известный из профессоров ТИИ – Виктор Иванович Муравленко (1912–1977). Мой отец, в мирное время работник опытного завода «Электрон» (в 1970-е годы завод был в системе Главтюменнефтегаза), слесарь 7 разряда, пришёл к начальнику Главтюменнефтегаза В.И. Муравленко с просьбой: нельзя ли приобрести автомобиль? Виктор Иванович думал и об этом. Хорошие работники должны жить хорошо, ездить на автомобилях. «Да, Пётр

Алексеевич, можно», и подписал распоряжение, по которому разрешалось купить «Жигули» – «пятерку» (ВАЗ 2105).

В 1940–1943 гг. перспективный инженер-нефтяник Муравленко работал начальником Армуданской нефтеразведки на Северном Сахалине, в 1943–1944 гг. – главным инженером Государственной союзной геологоразведочной конторы «Дальнефтеразведка», в 1945 г. – заместителем начальника отдела добычи и бурения объединения «Дальнефть» [14]. Муравленко внёс весомый вклад в развитие нефтяной промышленности Сахалина, компенсировавшего, наряду с Урало-Волжским районом, потерю нефтяного Баку, оказавшегося под угрозой оккупации [6]. В 1946 г. Виктор Иванович вернулся на Волгу, где до переезда в Тюмень руководил нефтяниками Куйбышева [4].

Выдающиеся организаторские способности талантливого инженера и учёного наиболее ярко раскрылись в Тюмени, где, возглавляя крупнейший главк СССР, Муравленко успевал читать лекции и руководить дипломниками по кафедре бурения в ТИИ.

В 1997 г. в Тюмени учреждён Фонд имени В.И. Муравленко, который сохраняет память как о великом нефтянике, так и о нефтегазовой Сибири в целом.

Профессора ТИИ сумели проявить свои лучшие качества как в годы Великой Отечественной войны, так и в послевоенное время. Решая непростые проблемы создания нового ВУЗа, вызванного к жизни открытием крупнейшей нефтегазоносной провинции мира, они действовали так же самоотверженно, организованно и находчиво, как на передовой и в глубоком тылу.

Очевидно, великая эпоха рождает великих людей. Тем более о них нужно помнить. Поэтому в Тюменском индустриальном университете проходят международные научные конференции, посвящённые истории Тюменской области, на которых ветераны ТИУ, представители органов власти и СМИ, музейные работники и специалисты архивов и библиотек, преподаватели учебных заведений и профессиональные историки рассказывают о самых разных аспектах истории региона и, конечно, о тех людях, которые его прославили [8].

Большая заслуга в организации и проведении этих конференций принадлежит их инициатору – кафедре Гуманитарных наук и технологий ТИУ, её заведующей – Ламаре Ленгизовне Мехришвили. Кафедру поддерживают на этих конференциях многие ВУЗы и академические институты страны, Тюменское отделение Российского исторического общества, органы власти. Обращение к историческому опыту позволяет лучше видеть перспективу развития региона, вклад в этот процесс, наряду с другими, личностного фактора.

Литература

1. Дело Анатолия Косухина: секретный документ передан в Музей ТИУ // Тюменский индустриальный университет. <https://clck.ru/3Qunq6>.
2. Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю., Голованова О.И. Тюменский музей истории науки и техники Зауралья: люди и коллекции // История и современное мировоззрение. 2022. Т. 4. № 3. С. 111-114.
3. Карпов В.П., Евдошенко Ю.В. Трудовая биография нефтяника И.Д. Карягина: малоизвестные страницы // Северный регион: наука, образование, культура. 2025. № 26(4). С. 27-39.
4. Карпов В.П., Курятников В.Н. Сибирский триумф Виктора Муравленко // Горные ведомости. 2012. № 12. С. 78-85.

5. Кропчев В.В., Близняков Р.А. Первый ректор индустриального. Тюмень: ИД «Титул», 2024. 386 с.
6. Лисицына Е.Н. Дальневосточный этап жизни «нефтяного маршала» (К биографии В.И. Муравленко) // Северный регион: наука, образование, культура. 2022. № 4(52). С. 25-30. <https://doi.org/10.34822/2312-377X-2022-4-25-30>.
7. Личный архив В.П. Карпова. Информация из интервью с В.В. Плёнкиной, работавшей в 1980-е гг. на кафедре экономики ТИИ вместе с И.Д. Карягиным. Интервью в марте 2025 г.
8. Мехришвили Л.Л., Карпов В.П. Тюменская область: история края, современные проблемы, контуры будущего // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 242–246. <https://clck.ru/3Quo2S>.
9. Мыльников Н. Гестапо ищет Косухина // Уральский следопыт. 1969. № 5. С. 65-70.
10. Оружейник бомбардировочного полка, сержант Максим Рудкевич // Тюменский индустриальный университет. <https://clck.ru/3QumeS>.
11. Падерин Д. Слово о Герое: жизнь Анатолия Косухина в цитатах и воспоминаниях // Территория опережающего развития (ТОР). 2020. № 1(17). С. 20-31.
12. Профессор ТИИ Иван Викторович Лебедев // Тюменский индустриальный университет. <https://clck.ru/3QumYw>.
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 236. Оп. 3. Д. 82. Л. 18-18 об.
14. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 18. Д. 22. Л. 18.

© Карпов В.П., 2026

ДОБРОВОЛЬНАЯ ПОМОЩЬ ФРОНТУ КАК РЕСУРС ДОСТИЖЕНИЯ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ Г. ТЮМЕНИ)

Аннотация. Исследован недостаточно изученный вопрос истории советского тыла. Конкретизированы и на реальных примерах разобраны формы оказания финансовой и материальной помощи фронту тюменцами. Сделан вывод об организационной роли партии и степени добровольности местного населения, участвовавшего в этой деятельности.

Ключевые слова: Фонд обороны; советский тыл; помощь фронту.

Введение

Обращение к роли советского тыла в обеспечении Победы над врагом в годы Великой Отечественной войны являлось неотъемлемой составляющей исторических трудов советских исследователей. Тема остается актуальной и для современной российской историографии. При этом ряд аспектов требует более пристального внимания. Так, вклад советских граждан в ресурсное обеспечение Победы рассмотрен на всесоюзном и всероссийском уровнях [4, с. 271-275; 10, с. 195-209], однако недостаточно раскрыт на региональных материалах.

Исходя из этого цель настоящей статьи – обобщить имеющийся материал об оказанной тюменцами материальной и финансовой помощи фронту и дополнить его новыми сведениями, выявить формы помощи и ее объем.

Несмотря на тяжелейшие условия жизни и падение уровня доходов в годы Великой Отечественной войны, население СССР, включая тюменцев, делало все для оказания всемерной финансовой и материальной помощи фронту.

Материалы и методы

Тема добровольной помощи тюменцев фронту освещена в региональной исследовательской литературе фрагментарно, в контексте изучения патриотического движения в крае [13, с. 200]. По-разному трактуется феномен массовой помощи тыловиков фронту. Историки советской историографической школы видели в столь широкой помощи проявление истинного патриотизма, единения фронта и тыла, «высоких моральных качеств советских людей, воспитанных в духе сотрудничества и взаимной помощи» [11, с. 129]. По мере изменения политического курса и постепенного открытия архивов фокус внимания историков смещался в сторону оценок роли советских и партийных органов в деле организации помощи фронту гражданским населением. Фиксировались случаи принуждения населения к пожертвованиям, морального давления на жителей тыла [30, с. 112].

Нетипичное объяснение предложила канадская исследовательница: из-за инфляции «советские граждане охотно избавлялись от больших накоплений, поскольку деньги значили мало», поэтому «большинство рабочих не сопротивлялись тому принуждению, которое сопровождало кампании по сбору средств на нужды фронта» [1, с. 215]. Вместе с тем, автор резонно замечает, что это не объясняет, почему люди отдавали больше, чем требовалось.

В статье рассматриваются следующие формы добровольной помощи тюменцев фронту: финансовая (отчисление средств в Фонд обороны и на строительство боевой техники, участие в государственных займах, денежно-вещевых лотереях) и материальная (сбор теплых вещей, отправка на фронт подарков и посылок).

В основу исследования положены материалы местной периодической печати – газет «Красное знамя» и «Тюменская правда», региональных архивов – Государственного архива социально-политического архива Тюменской области (ГАСПИТО), Государственного архива Омской области (ГАОО). В работе обобщен опыт предшественников – авторов общих и специальных работ о советском тыле, включая диссертационные исследования.

При подготовке статьи были востребованы две группы методов. К первой группе относятся первичные методы сбора информации, т. е. библиографический, архивный поиск, отбор и систематизация полученных материалов. Ко второй группе – методы анализа документов, основанные на логическом осмыслении содержания документов и их интерпретации.

Результаты

Важную роль в ресурсном обеспечении войны играли добровольные пожертвования советских граждан, начавшиеся с первых дней войны. Уже через месяц власти придали этому движению «организационные формы», создав 29 июля 1941 г. Фонд обороны [28, с. 1]. В регионах работу по созданию и руководству Фондом обороны вели областные и краевые комитеты партии. В ходе широкой разъяснительной работы среди населения рекомендовались следующие формы создания Фонда обороны: ежемесячные отчисления части заработной платы, сдача ценных вещей, денег, сельскохозяйственных продуктов, облигаций, средств, заработанных на массовых воскресниках и субботниках, выпуск сверхплановой продукции. Широкое распространение получили призывы, исходящие от жителей Тюмени, через городскую периодику, например, такие: «Я работаю фельдшерницей станции скорой помощи, получаю 265 руб. в месяц. Решила отчислять свой однодневный заработок в пользу РККА. Призываю всех медиков города к тому же» [12, с. 2].

Отчисления в Фонд обороны осуществлялись как в индивидуальном, так и в коллективном порядке. Во втором случае решение о внесении средств принималось коллективом предприятия или учреждения. Только в одной Тюмени за первые три военных года собрали 5 млн. 894 тыс. руб. (<https://clck.ru/3QxvCQ>). К 1 ноября 1942 от трудящихся Омской области в фонд обороны было перечислено 55 млн. руб. наличными деньгами, 1880 г. золота, 63 кг. серебра, 61 г. платины на 35 млн. руб. облигаций государственных займов [11, с. 122]. Всего же по стране за годы войны в Фонд обороны поступило более 16 млрд. руб., 13 кг платины, 131 кг золота, 9519 кг серебра, на 1,8 млрд. руб. драгоценностей, свыше 4,5 млрд. руб. облигаций государственных займов, свыше 0,5 млрд. руб. вкладов в сберегательные кассы. На эти средства построили более 2,5 тыс. боевых самолётов, несколько тысяч танков, 8 подводных лодок, 16 военных катеров и многое другое (<https://clck.ru/3QxvDg>).

Именно пожертвования на строительство боевой техники в военное время стали наиболее понятной и широко распространенной практикой среди населения советского тыла.

Только в Омской области на танковую колонну и авиаэскадрильи было собрано 73 928 тыс. руб., на бронепоезд – 2 192 тыс. руб., трудящиеся Тюмени собрали на постройку авиаэскадрильи «Тюменцы – фронту» 9 млн. руб. [11, с. 123].

Городская периодическая печать широко освещала ход сбора средств и публиковала сведения о размере, целевом назначении финансовых пожертвований горожан. Так, за первые три военных года удалось собрать: на строительство самолетов – 77 тыс. руб., на строительство бронепоезда им. МОПРа – 269 тыс. руб.; на танковую колонну «Боевые подруги» – 852 тыс. руб., на танковую колонну «Омский колхозник» – 2 450 тыс. руб. [19, с. 1]. Этот вклад был по достоинству оценен Советским правительством и лично Верховным Главнокомандующим вооруженными силами СССР – в 1943–1944 гг. Тюмень получила 11 благодарственных телеграмм от И.В. Сталина [24, с. 1; 25, с. 1; 26, с. 1].

Для привлечения дополнительных средств на ведение войны весной 1942 г. СНК СССР принял Постановление о выпуске государственного военного займа на 10 млрд. руб. (<https://clck.ru/3QxvEz>). Формально участие в подписке на заем носило добровольный характер, но на практике – нет, поскольку планы размещения военного займа распределялись исполкомами местных Советов по предприятиям и учреждениям, среди населения систематически проводилась работа по «разъяснению оборонного значения военного займа» [21, с. 307].

Справедливым представляется вывод, сделанный уральским исследователем Н.П. Палецких: «Подписка на государственный военный заем происходила по установившимся добровольно-принудительным канонам, под контролем партийных организаций» [14, с. 147]. При этом за 1942 г. граждане приобрели облигаций военного займа на 3 186 млн. руб. больше запланированной СНК СССР суммы подписки [21, с. 308], чего невозможно было достичь, используя только административные меры. В следующем, 1943 г., подводя итоги работы сберегательных касс, Омский облисполком отмечал снижение суммы подписки на Государственный заем по городу Омску на 700 тыс. и по г. Тюмени на 1100 тыс. руб., по сравнению с уровнем 1942 г. [5, л. 14]. Это обстоятельство объяснялось снижением массовой разъяснительной работы среди населения. Однако, как представляется, в реальности имело место снижение доходов людей и отсутствие накоплений, ведь они оказали существенную финансовую помощь государству в первый период войны. Как отмечают исследователи, в официальных справках по ходу подписки фиксировалось сопротивление ей, факты «недопустимого поведения» некоторых граждан, отказывавшихся от подписки на заем по мотивам необеспеченности одеждой, обувью, семенами и т.д. [14, с. 154].

Всего за годы войны было выпущено четыре военных займа на 72 млрд. руб., при этом общая подписка на них составила 89 702 млн. руб. [20, с. 185]. Очевидно, несмотря на тяжелейшие условия жизни, в этой деятельности добровольно участвовали широкие слои населения.

Еще одной формой участия населения в пополнении государственного бюджета стали денежно-вещевые лотереи. Соответствующее постановление принял СНК СССР 27 ноября 1941 г. (<https://clck.ru/3QxvJx>), в разгар кровопролитных боев под Москвой. Всего за 1941–

1944 г. было проведено четыре лотереи, принесшие на нужды фронта 1,2 млрд. руб. [29, с. 134]. Билеты денежно-вещевой лотереи распространялись через профсоюзные организации, которые должны были стремиться к тому, чтобы рабочие и служащие приобрели лотерейные билеты в среднем на сумму, составляющую 10% месячного заработка [30, с. 110]. Работу по организации и проведение этой деятельности осуществляли члены партии, они же несли ответственность за ее своевременность и высокие показатели.

Помощь тыла фронту носила не только финансовый, но и материальный характер, т. е. сбор и отправку в армию теплых вещей, подарков и т.д. Уже летом 1941 г. стало понятно, что ставка на ведение войны «малой кровью на чужой земле» не оправдалась. Приближение зимних холодов и затяжной характер войны поставили перед руководством СССР новую задачу – обеспечить Красную Армию теплыми вещами. Важная роль в этом отводилась населению тыловых районов. Накануне первой военной зимы ЦК ВКП(б), «идя навстречу многочисленным предложениям трудящихся», принял Постановление о сборе среди населения теплых вещей и белья для Красной Армии (<https://clck.ru/3QxvMX>). Примечательно, что, ссылаясь на инициативу гражданского населения, законодатель установил строгий порядок реализации постановления, особое внимание уделив статусу работы по сбору теплых вещей: «Работа [...] должна проводиться не в порядке благотворительности, а как важнейшее государственное дело» (<https://clck.ru/3QxvNt>).

В Омской области, по аналогии с другими регионами, были оперативно созданы областная и городские комиссии по сбору теплых вещей. Они обеспечивали хранение, учет и отправку собранных вещей в действующую армию [6, л. 23]. Свои комиссии, состоящие из представителей профсоюзов и партийного актива, работали при крупных предприятиях, учреждениях и организациях [3, с. 1]. Особая роль в сборе теплых вещей придавалась женской инициативе. Как подчеркивалось в городской периодической печати, «...женщина в любой семье без труда может найти ту или иную вещь, которая согреет бойца» [9, с. 1]. Это, конечно, было преувеличением, ведь многие жители города с трудом обеспечивали необходимой одеждой даже себя и свою семью. Тем не менее уже к 5 октября 1941 г. жители Тюмени собрали около 6 тыс. ед. теплых вещей [2, с. 1]. В реализации этой полезной деятельности имели место свои недостатки. Так, из указанного количества вещей более 1 тыс. ед. составляли шапки, в то время как городские власти через периодику настаивали на формировании цельных комплектов одежды [2, с. 1].

Очевидно, городское население, в большинстве своем искренне откликнувшееся на призыв, со временем исчерпало возможности по обеспечению армии теплой одеждой. При этом война требовала новых ресурсов и новых жертв, поэтому работа по сбору одежды продолжалась. Всего за годы войны населением Тюменского края было собрано и направлено в действующую армию 229 тыс. штук теплых вещей, более 100 тыс. подарков и посылок [28, с. 12].

В этой связи характерно, что реализация подобной политики в Германии подавалась в советской прессе как принудительное изъятие теплых вещей у населения [22, с. 4]. Как недостойная воюющей страны представлялась и проблема с обеспечением бельем в

румынской армии [23, с. 2]. Это одно из проявлений так называемой информационной войны, необходимой для мобилизации сил народа и укрепления в массовом сознании образа воина-освободителя, окруженного народной заботой.

Широко распространенным в военное время стало участие жителей тыловых районов, включая и Омскую область, в движении по сбору подарков для Красной Армии. Как правило, подарки приурочивались к государственным праздникам – Дню Красной Армии, Дню Октябрьской революции, Дню международной солидарности трудящихся, а также Новому году – и играли важную роль в укреплении боевого духа бойцов. Подарки представляли собой как незамысловатые, но крайне ценные предметы первой необходимости, – мыло, зубной порошок и спички – так и дефицитные продукты – колбасы, жареное свиное мясо, вино и проч. Направлялись и предметы для редких минут фронтового досуга – гармони, бумага и карандаши для писем, махорка и портсигары. Нередко в праздничные посылки вкладывались открытки и поздравительные письма [17, с. 1].

Интерес представляет продуктовый набор, собранный жителями Тюмени для бойцов Красной Армии в феврале 1944 г., в честь 26-й годовщины Красной Армии: он включал 1935 кг. колбасы, 1335 кг. пряников, 1750 кг. печенья, 2030 кг. сушки (сухарей), 1563 л. вина, свыше 3 тыс. кг. рыбы, 1581 банку консервов, 1000 кусков мыла, 281 кг. масла и многое другое [18, с. 1]. Всего за военное время тюменцы направили на фронт более 100 тыс. подарков и посылок [27, с. 12]. Учитывая, что сами тюменцы жили впроголодь, становится понятно, насколько дорогими являлись эти подарки. Всего за годы Великой Отечественной войны трудящиеся Омской области направили в армию 72 307 подарков на сумму 16 858 063 руб. [16, с. 135].

Самым крупным подарком тюменцев фронтовикам стал поезд-баня, построенный в 1942 г. Стоит отметить, что в годы Великой Отечественной войны передвижные бани получили широкое распространение, ведь бойцы подолгу находились на линии фронта без возможности помыться и отдохнуть. Всего за 1941–1945 гг. в СССР построили 72 банно-прачечных дезинфекционных поезда. Активное участие в этом принимали железнодорожники и жители тыловых регионов, собирая на постройку передвижных бань средства и работая в свободное время. На Свердловской железной дороге изготовили четыре поезда-бани, самым знаменитым из которых стал тюменский.

Инициатива отправить на фронт банно-прачечный дезинфекционный поезд принадлежала работникам вагонного участка ст. Тюмень, ее одобрили на заседании бюро горкома ВКП(б) [7, л. 368]. Подготовка завершилась в рекордные сроки – всего за 25 дней. Производство велось вагонниками в свободное от работы время; в обеспечении состава необходимым инвентарем активное участие приняли предприятия и учреждения города: деревообделочные комбинаты изготовили мебель, артели оборудовали парикмахерскую и сшили шторы, мясокомбинат обеспечил 1 т. мыла, музыкальная школа передала фортепиано [15, с. 2]. Не остались в стороне и жители города: школьники собрали 600 банных пакетов, работницы службы связи вышили шторы и салфетки, изготовили искусственные цветы для

оформления вагона-клуба. Всего на постройку и оборудование поезда тюменцы в сжатые сроки собрали 163 тыс. 275 руб. [15, с. 2].

Поезд состоял из десяти вагонов, включая парильню, душевую, раздевальню и вагон-клуб, где можно было поиграть на музыкальных инструментах, почитать книги и послушать пластинки [8, с. 4]. 14 февраля 1942 г. тюменский поезд-баню направили в подчинение Военно-санитарного управления Западного фронта, с марта по октябрь 1942 г. он маневрировал в прифронтовой полосе 16-й армии. В Тюмени сформировали и штат поезда, состоящий из 31 человека – парикмахеров, дезинфекторов, вагонных мастеров (<https://clck.ru/3QxvQr>).

Через тюменскую баню на колесах прошло около миллиона военнослужащих переднего края обороны, а также пополнения и военнопленных. Широко известен тот факт, что в его книге отзывов остались благодарности двух маршалов – К.К. Рокоссовского и Г.К. Жукова. В декабре 1942 г., после разгрома группировки Паулюса, К.К. Рокоссовский приехал «в баню» со своим штабом. А после, проявив акт милосердия, дал команду помыть и немецкого фельдмаршала с его генералами (<https://clck.ru/3Qxvuj>). Боевой путь тюменского поезда-бани включал важнейшие участки фронта: Москва, Сталинград, Минск, Прага, Варшава, Берлин. Вернулся в столицу СССР поезд только в ноябре 1945 г., там же был расформирован (<https://clck.ru/3QxvqZ>).

Заключение

В годы Великой Отечественной войны немаловажную роль в пополнении ресурсов государства играли различные формы помощи со стороны населения – как добровольные, так и организованные советскими и партийными органами. К основным видам поступлений относятся отчисления в Фонд Оборона, на строительство боевой техники и на военные займы, участие в денежно-вещевых лотереях, отправка теплых вещей и подарков в действующую армию.

Нам видится в оказании массовой, поистине всенародной помощи фронту не только большая организаторская роль партийных и государственных органов, но и искреннее желание подавляющего большинства населения СССР сделать все для приближения Победы. Тем более, что почти у каждой семьи на фронте был свой родной и близкий человек. Этим самым они значительно усиливали боевую мощь Красной Армии и способствовали подъему ее морального духа.

Литература

1. Айронсайд К. Деньги для победы: социальная динамика привлечения средств населения СССР в тылу // Советский тыл. Повседневная жизнь в годы войны. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 383 с.
2. Больше теплых вещей и белья для бойцов // Красное знамя. 8 октября 1941 г.
3. В горькоме ВКП(б) // Красное знамя. 12 сентября 1941 г.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.
5. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 437. Оп. 14. Д. 475.

6. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П-7. Оп. 1. Д. 583.
7. ГАСПИТО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 595.
8. Долгих З. Поезд-баня пойдет на фронт // Красное знамя. 6 февраля 1942 г.
9. Забота о воинах КА – долг советского гражданина // Красное знамя. 19 сентября 1941 г.
10. Зинич М.С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. М.: Центр гуманитарных наук, 2019. 347 с.
11. История Сибири с древнейших времен до наших дней / Гл. ред. А.П. Окладников. Т. 5. Л.: Наука, 1969. 464 с.
12. Лаптева. На оборону // Красное знамя. 6 августа 1941 г.
13. Очерки истории Тюменской области / под. ред. Кружинова В.М. Тюмень: Издательство «Тюмень», 1994. 272 с.
14. Палецких Н.П. Социальная политика советского государства на Урале в период Великой Отечественной войны: Дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 1996. 423 с.
15. Пацко С. Достойный подарок фронту – поезд-баня // Красное знамя. 6 февраля 1942 г.
16. Петрова Т.Н. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по укреплению связи тыла и фронта в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Социалистическое и коммунистическое строительство в Сибири. Томск: Издательство Томского университета, 1965. Вып. 3. С. 121–145.
17. Подарки фронтовикам к 25-й годовщине Красной Армии // Красное знамя. 31 января 1943 г.
18. Праздничные подарки тюменцев фронтовикам // Красное знамя. 4 февраля 1944 г.
19. Редакция. Тюменцы рапортуют // Красное знамя. 23 февраля 1943 г.
20. Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 1. Общие проблемы / под общ. ред. П.Н. Поспелова. М.: Мысль, 1974. 239 с.
21. Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны / ред. Г.А. Куманев. М.: Наука, 1988. 420 с.
22. ТАСС. Изъятие теплых вещей у населения Германии // Красное знамя. 1 января 1942 г.
23. ТАСС. Нехватка одежды в румынской армии // Красное знамя. 21 мая 1944 г.
24. Телеграмма И.В. Сталина // Красное знамя. 21 марта 1944 г.
25. Телеграмма И.В. Сталина // Красное знамя. 3 июня 1944 г.
26. Телеграмма И.В. Сталина // Красное знамя. 4 мая 1943 г.
27. Тюменцы – фронту. Сборник документов / отв. ред. В.П. Петрова. Изд. второе, дополненное. Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати», 2005. 352 с.
28. Фонд обороны – новое проявление советского патриотизма // Правда. 1 августа 1941 г.
29. Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) М.: Мысль, 1985. 494 с.
30. Черемных О.А. Материально-бытовое положение городского населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Новосибирской, Кемеровской и Томской областей): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2016. 256 с.

УДК 94(410)"1936/1952"

Крылов В.А.
соискатель

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
г. Саратов, Россия*

СЭМЮЭЛЬ ХОР КАК МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1937–1939): НА ПУТИ К «ВОЕННОМУ ГОСУДАРСТВУ»

Аннотация. Статья анализирует деятельность Сэмюэля Хора как министра внутренних дел Великобритании в 1937–1939 годах. Хор ускорил переход от политики умиротворения к мобилизации против нацистской Германии, инициировав социальные реформы и программы гражданской обороны. Под его руководством Министерство внутренних дел стало центральным штабом по защите тыла, что было важно для выживания в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова: Сэмюэль Хор; Министерство внутренних дел Великобритании; предвоенный период; гражданская оборона; мобилизация; Вторая мировая война; политика умиротворения.

Назначение Сэмюэля Хора на пост министра внутренних дел в мае 1937 года, вскоре после того как Невилл Чемберлен возглавил правительство, стало событием, выходящим за рамки рядовой кадровой ротации. Этот шаг ознаменовал важный стратегический поворот в политике британского кабинета: от курса на умиротворение агрессоров к практической и срочной подготовке страны к тотальному военному конфликту. Для самого Хора, чья карьера на посту министра иностранных дел трагически оборвалась из-за провала «Соглашения Хора – Лавалья» в 1935 году, это назначение означало радикальное преобразование его роли: из главного дипломата, работавшего на международной арене, он превращался в ключевого организатора обороны страны, ответственного за безопасность и выживание британского общества. Актуальность исследования деятельности Хора в этот период обусловлена необходимостью понимания механизмов трансформации либерального государства в мобилизационное в условиях экзистенциальной угрозы. Цель данной статьи – комплексный анализ административной, законодательной и организационной работы Сэмюэля Хора по подготовке гражданской инфраструктуры и общества Великобритании к войне. Задачи включают: оценку символического значения его назначения; изучение ключевых законодательных инициатив и их стратегического подтекста; анализ практической реализации планов гражданской обороны в условиях нарастания кризиса; и общую оценку эффективности его деятельности.

Назначение Хора на пост министра внутренних дел в 1937 году было глубоко символическим и продуманным шагом со стороны нового премьер-министра Невилла Чемберлена. Это решение нельзя рассматривать в отрыве от предшествующего провала Хора на дипломатическом поприще. Так называемое «Соглашение Хора – Лавалья» (декабрь 1935 года), предполагавшее раздел Эфиопии в угоду фашистской Италии, было воспринято как акт чудовищного предательства принципов Лиги Наций. Историк Мартин Гилберт характеризует

этот эпизод как «момент нравственного краха британской внешней политики», который со всей ясностью показал опасность и ограниченность политики уступок агрессорам [2, р. 157].

Именно поэтому новое высокое назначение Хора ярко свидетельствовало о высоком доверии со стороны Чемберлена. Премьер-министр, стремившийся установить жёсткий личный контроль над ключевыми направлениями политики, видел в Хоре не только единомышленника по курсу на умиротворение, но и расчётливого, опытного управленца, чьи недавние неудачи заставили его трезво оценивать нарастающую военную угрозу. Как отмечает биограф Чемберлена Дэвид Дилкс, премьер-министр сознательно формировал узкий круг самых надёжных министров, на которых можно было положиться в кризис [1, р. 48]. Таким образом, переход Хора на пост министра внутренних дел был не понижением, а переводом на другой, не менее критический участок работы. Если его прежней задачей было не допустить войну за столом переговоров, то новой, не менее сложной миссией стала подготовка страны к её неминуемому началу. Ему предстояло возглавить беспрецедентное преобразование британского государства – переход к «государству военного времени».

Деятельность Хора на посту министра внутренних дел в предвоенные годы представляла собой уникальный симбиоз социального реформирования и жёсткой мобилизационной подготовки. Его подход был прагматичным: чтобы создать устойчивое «военное государство», необходимо было обеспечить не только его техническую инфраструктуру, но и социальную сплочённость, и правовую основу.

Одной из первых значительных инициатив, в подготовке которой чувствовалось влияние общенациональных приоритетов, стало создание Министерства гражданской авиации в 1937 году. Хотя формально это ведомство не подчинялось Хору, его учреждение было прямым следствием осознания ключевой роли авиации в будущей войне. Новое министерство консолидировало управление авиаперевозками, развитием аэродромной сети и подготовкой кадров, превращая гражданский воздушный флот в стратегический резерв для Королевских ВВС.

Параллельно Хор активно вёл работу в социальной сфере, понимая, что внутренняя стабильность и лояльность населения являются фундаментом обороноспособности. Ярким примером этого курса стал Закон о фабриках 1937 года, который расширял положения предыдущего акта 1901 года, вводя жёсткие нормативы по максимальной продолжительности рабочей недели для женщин и молодёжи, а также улучшая требования к условиям труда. Хотя прямые цели были гуманитарными, этот закон имел глубокое стратегическое значение. В условиях надвигающейся войны, когда промышленность должна была работать на износ, предотвращение эксплуатации и поддержание здоровья рабочих становилось вопросом национальной безопасности. Повышая благосостояние трудящихся, правительство стремилось избежать социальных взрывов и обеспечить максимальную производительность труда [5, р. 91].

Важным элементом подготовки государства к функционированию в кризисных условиях стала правовая реформа, воплощённая в Законе об уголовном правосудии 1938 года. Этот масштабный законодательный акт был направлен на гуманизацию пенитенциарной системы:

он существенно ограничил применение телесных наказаний и ввёл новые, более прогрессивные методы исправления, такие как пробация. В условиях, когда государство готовилось к введению чрезвычайного положения и возможным ограничениям свобод, подобные шаги были призваны укрепить правовое государство и легитимность власти в глазах общества.

Период с 1938 по сентябрь 1939 года стал для Хора временем суровых испытаний, когда теоретические планы начали стремительно превращаться в безотлагательные меры. Мюнхенский кризис сентября 1938 года сыграл роль «генеральной репетиции», вскрыв как достижения, так и серьёзные недостатки в подготовке гражданской обороны [5, р. 155]. В течение нескольких тревожных дней были частично задействованы планы эвакуации, началось экстренное распределение противогазов и приведение в готовность убежищ. Этот стресс-тест показал, что инфраструктура ещё не была готова к полноценному функционированию, а население, охваченное паникой, не до конца понимало порядок действий [4, р. 88].

Горький опыт этого кризиса заставил Хора и его аппарат работать с удвоенной энергией. Именно после Мюнхена программа строительства общественных убежищ, в том числе знаменитых «убежищ Андерсона», получила мощнейший импульс. Параллельно ускорилось формирование и обучение Корпуса воздушных наблюдателей [8, р. 201].

Однако истинным вызовом стала социальная и психологическая сторона мобилизации. Министерство внутренних дел развернуло широкомасштабную пропагандистскую кампанию, выпуская памятки, плакаты и радиопередачи, которые разъясняли гражданам их права и обязанности в условиях воздушной войны [3, р. 72]. При этом Хору приходилось действовать в условиях острой политической полемики. Его прошлое как архитектора «умиротворения» делало его уязвимым для критики со стороны лейбористской оппозиции, которая обвиняла правительство в запоздалых мерах по защите беднейших слоёв [7, р. 119]. Внутриправительственные дискуссии были не менее напряжёнными; Хор вынужден был постоянно доказывать в кабинете министров необходимость увеличения ассигнований на гражданскую оборону, сталкиваясь с сопротивлением Казначейства [6, р. 234].

Апогеем деятельности Хора стали последние мирные дни августа 1939 года. После подписания пакта Молотова-Риббентропа и нападения Германии на Польшу планы, годами разрабатывавшиеся под его руководством, были приведены в действие. Первого сентября 1939 года началась операция «Пьед Пайпер» – крупнейшая в истории Великобритании организованная эвакуация населения, в ходе которой из городов было вывезено более трёх миллионов человек [9, р. 45]. Одновременно по всей стране было введено обязательное затемнение и начали работу подразделения гражданской обороны. Эти меры, осуществлённые относительно организованно, стали прямым результатом титанической работы, проделанной в предыдущие два года.

Деятельность Сэмюэля Хора на посту министра внутренних дел Великобритании в предвоенные годы представляет собой сложный и многогранный феномен. С одной стороны, его двухлетнее руководство ведомством стало периодом беспрецедентной организационной и

законодательной работы, заложившей фундамент для функционирования британского государства в условиях тотальной войны. С другой, его эффективность была ограничена политическими обстоятельствами, идеологическими установками правительства Чемберлена и объективными трудностями мобилизации в мирное время.

Безусловной заслугой Хора является то, что он, опираясь на свой горький дипломатический опыт, трезво осознавал неизбежность конфликта и понимал, что его театром станут и города метрополии. Социальные реформы, инициированные под его руководством, наряду с масштабными программами гражданской обороны, были направлены на укрепление социального мира и правопорядка, что являлось критически важным элементом национальной сплочённости. Организованное проведение эвакуации и введение мер гражданской обороны в сентябре 1939 года стали прямым следствием его усилий и, без сомнения, позволили избежать массовой паники и значительных человеческих потерь в начальный период войны.

В то же время, Хор был скорее эффективным администратором и прагматичным организатором, чем провидцем. Его работа проходила в рамках политики «умиротворения», что часто выливалось в торги с Казначейством и определённую медлительность. Многие проблемы, такие как недостаточная защищённость беднейших слоёв, проявились позднее, во время «Блица».

Таким образом, истинное наследие Сэмюэля Хора заключается не просто в административной реформе, а в фундаментальной трансформации роли государства в условиях тотальной войны. Под его руководством Министерство внутренних дел совершило качественный скачок, превратившись из классического органа контроля, учёта и сохранения порядка в центральный штаб жизни тыла – многогранный институт, координирующий всё, от противоздушной обороны и эвакуации до распределения продовольствия и поддержания морального духа. Созданный им механизм, при всей своей креативности и неизбежных шероховатостях, оказался поразительно жизнеспособным. Его историческая роль не сводится лишь к сохранению физической жизнеспособности нации; этот механизм стал каркасом гражданской стойкости, позволившим британскому обществу выстоять под бомбежками «Люфтваффе» и не впасть в уныние. Благодаря этой продуманной системе управления тылом, страна смогла не просто выжить, но и сохранить свою социальную ткань и волю к сопротивлению, что в конечном итоге стало одним из решающих, хоть и не всегда очевидных, факторов общей Победы.

Литература

1. Dilks D. Neville Chamberlain. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 618 p.
2. Gilbert M. The Roots of Appeasement. London: Weidenfeld and Nicolson, 1966. 254 p.
3. Mackay R. Half the Battle: Civilian Morale in Britain During the Second World War. Manchester: Manchester University Press, 2002. 341 p.
4. O'Brien T.H. Civil Defence. London: HMSO, 1955. 732 p.
5. Parker R.A. C. Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War. London: Macmillan, 1993. 388 p.
6. Peden G.C. British Rearmament and the Treasury: 1932-1939. Edinburgh: Scottish Academic Press, 1979. 227 p.

7. Stansky P. *The First Day of the Blitz: September 7, 1940*. New Haven: Yale University Press, 2007. 224 p.
8. Titmuss R.M. *Problems of Social Policy*. London: HMSO, 1950. 512 p.
9. Welshman J. *Churchill's Children: The Evacuee Experience in Wartime Britain*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 288 p.

© Крылов В.А., 2026

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ АЗЕРБАЙДЖАН В 2000-е – НАЧ. 2020-х гг.

Аннотация. В статье проанализированы процессы изменения исторической памяти, произошедшие в Азербайджанской Республике после распада СССР. Автор рассматривает официальную риторику властей и содержание учебной и научной литературы на территории государства. Сделан вывод о том, что память о войне формально сохраняется, но переосмыляется через призму армяно-азербайджанского конфликта и строительства национальной идентичности. Терминология и акценты смещаются в сторону современного национального нарратива, что ведёт к постепенному вытеснению советского прошлого из общественного сознания.

Ключевые слова: историческая память; Великая Отечественная война; Азербайджан.

Дезинтеграция Советского Союза привела к различным социально-экономическим, политическим и культурно-историческим последствиям для появившихся на карте мира государств. Привела она и, в частности, к поиску новых идентичностей в самостоятельных государствах. Этот процесс вызывал практически везде попытки нового прочтения собственной истории, особенно той ее части, которая соприкасалась с историей России, а значит, и СССР. Зачастую, каждое государство стремилось представить свое советское прошлое в негативном ключе. Выражалось это в разной степени и разными средствами на каждой территории.

Еще до распада СССР, во время перестройки, появились определенные попытки новых интерпретаций прежних событий. Однако нельзя сказать, что в это время в Азербайджане появились работы сколько-нибудь серьезно искажающие традиционный взгляд на победу Советского Союза во Второй мировой и Великой Отечественной войнах. Работы, «по-новому» взглянувшие на привычные события, касались событий армяно-азербайджанского конфликта. Тем не менее, возможно, именно этот «фундамент» послужил основой конструирования событий Великой Отечественной войны в последующие периоды.

По мнению отдельных исследователей, с момента укрепления у власти, сначала Г. Алиева, а с 2003 г. его сына – И. Алиева, правящая династия включилась в процесс формирования национальной идентичности через практики сохранения исторической памяти о подвиге азербайджанского народа и его вкладе в Великую Победу [4, с. 235]. На высшем уровне продвигается идея о том, что именно правящая династия имеет решающее значение для сохранения памяти об этих событиях.

Изучив ряд источников, таких как тексты официальных заявлений глав республики, их интервью, школьные и вузовские учебники для русскоязычного населения, а также новостные сводки интернет-порталов Азербайджана, можно сделать вывод о существовании в Азербайджане двух линий, связанных с трансформацией памяти о событиях периода Великой

Отечественной войны. Первая – связана с позицией властей, которую они декларируют в публичном поле, через официальные заявления, в том числе ежегодно на мероприятиях, посвященных празднованию Победы.

Неоднократно азербайджанские власти заявляли, что они решительно осуждают любые попытки искажения правды о событиях Великой Отечественной войны, попытки героизации фашизма и фашистских преступников. Так, в 2020 г. в интервью российской газете «Национальная оборона», И. Алиев выразил свое отношение к попыткам переписывания истории: «и у России, и у Азербайджана полностью идентичная позиция по этому вопросу. Мы решительно боремся с попытками извращения правды о Великой Отечественной войне, попытками переписывания истории и героизации фашизма и фашистов» [ona.az, <https://clck.ru/3PaPmz>]. Ежегодно, президент страны накануне праздника подписывает распоряжение о выделении ветеранам материальной помощи, сам участвует в мероприятиях по случаю празднования Дня Победы. Таким образом, мы видим, что на официальном уровне нет попыток отрицания значимости этих событий, отрицания важности этой войны, а также общего вклада всего населения Советского Союза в победу над фашизмом.

Однако важно сказать и о том, как сместились акценты в Азербайджане в представлениях об этой войне. На протяжении всей постсоветской эпохи в республике имеет место проведение параллелей между Великой Отечественной войной и армяно-азербайджанским конфликтом. Так, Г. Алиев еще в 2001 г. на церемонии, посвященной празднику Победы произнес речь, в которой обозначил «агрессию Армении против Азербайджана», «оккупацию 20% азербайджанских земель» и сравнил германских фашистов, Гитлера, с армянами, разрушившими все на оккупированных землях [1, с. 9-10].

Затем, в 2016 г. И. Алиев после обострения конфликта в Карабахе, в ходе празднования дня Победы 9 мая заявил, что этот день Победы отмечается «с особым душевным подъемом», поскольку в ходе «очередной вооруженной провокации Армении против Азербайджана наша армия провела успешную контрнаступательную операцию». В завершении речи президент поздравил «весь азербайджанский народ с этой исторической и блестящей победой» [9, с. 55].

Интересен также тот факт, что уже на протяжении нескольких лет президент Азербайджана не посещает Российскую Федерацию во время праздничных мероприятий, посвященных Дню Победы 9 мая, считая неприемлемым для себя находиться в этот день рядом с президентом Армении. 2025 год не стал исключением, однако, в этом году к позиции И. Алиева добавились новые аргументы, связанные уже с охлаждением российско-азербайджанских отношений.

В 2020 г. в связи с серьезным обострением конфликта с Арменией и случившейся 44-дневной Второй Карабахской войной, которая нашла очень яростный отклик в азербайджанском обществе, в публичном поле зазвучали наименования именно этой войны как «Отечественной» (<https://clck.ru/3PaPsD>). На сайте президента республики появилась даже отдельная вкладка с таким наименованием (<https://clck.ru/3PaPgE>) и описанием событий, связанных с армяно-азербайджанским конфликтом.

Сменой формулировок в общественном дискурсе дело не ограничилось и уже спустя некоторое время президент подписал распоряжение об учреждении Дня Победы в Отечественной войне, который теперь празднуется азербайджанским народом 8 ноября (<https://clck.ru/3PaPaN>). Что же касается Дня Победы, который десятилетиями отмечался в ознаменовании победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., официально в Азербайджане он именуется как «День победы над фашизмом», и празднуется по-прежнему 9 мая (<https://clck.ru/3PaPP6>).

Вторая линия, которую можно наблюдать в Азербайджанской республике в отношении событий Великой Отечественной войны, прослеживается отдельно в учебной и научной литературе.

Так, нами были рассмотрены школьные и вузовские учебники по истории Азербайджана, данные издания ориентированы на школьников, студентов, преподавателей и широкий круг читателей, интересующихся историей страны, как указано в самих источниках.

Прежде всего, говоря о событиях 1941–1945 гг. в процессе обучения школьников и студентов, не применяется термин «Великая Отечественная война». Авторы используют термин «Вторая мировая война» или «война с фашизмом», в качестве хронологических рамок используется период 1939–1945 гг. Азербайджан включился в эту войну, находясь в составе СССР. Таким образом, думается, что эти формулировки используются, чтобы продемонстрировать, что герои-азербайджанцы сражались не за отечество, а против фашизма, поскольку не считают, что Советский Союз был для них подлинным отечеством, родиной. Это подтверждается и рядом других формулировок, используемых в данных работах. Так, уже во вступлениях ко всем изданиям говорится о «советском оккупационном режиме», «зависимом положении» Азербайджана и т. п. С другой стороны, позиция, при которой республика была лишь «вовлечена» в эту войну, совершенно не вяжется с теми беспримерными подвигами, которые совершали азербайджанцы на фронтах войны и которые указаны в этих же учебниках.

Говоря о причинах войны, безусловно, во всех изданиях виновником является Германия. Однако в вузовском издании И. Мамедова сказано, что «...чудовищный план в отношении Азербайджана имелся также у советского руководства. Согласно данному плану, население Азербайджана должно было быть депортировано в Среднюю Азию и Казахстан. Причиной этого плана было недоверие советского руководства к азербайджанцам» [8, с. 555].

Тема недоверия и предвзятости к азербайджанцам со стороны советского руководства в годы войны звучит и в школьных учебниках. Так, говоря о героизме одного из участников войны Ази Асланове, авторы применяют следующую формулировку «Он был вторично представлен к званию Героя Советского Союза. Однако вражеские силы, упрятав документы пытались предотвратить его награждение высшей воинской наградой» [6, с. 133]. В авторстве И. Мамедова этот сюжет выглядит следующим образом: «... успехи азербайджанского полководца обеспокоили военное руководство СССР, особенно из числа армян» [8, с. 560], видимо, в силу этих причин, намекает автор, присвоение Героя СССР было отложено аж до 1991 г.

Авторы учебника не согласны и с количеством наград, присвоенных за годы войны жителям Азербайджана, они видят эту цифру явно заниженной, ввиду все той же предвзятости: «В результате планомерной политики, проводимой центром, героизм азербайджанского народа не нашёл своей достойной оценки» [6, с. 134].

В школьном учебнике также упоминается еще один сюжет, где авторы демонстрируют неудовлетворенность оценкой вклада Азербайджанской республики в дело победы, а именно тем, что городу Баку не было присвоено звание «Города-героя». Безусловно, нельзя умалять огромного экономического вклада бакинских тружеников, нефтяного обеспечения советской армии со стороны республики, однако существующий список городов, обладающих данным званием, позволяет сделать вывод о том, что здесь не было никакой предвзятости. Данную награду получали города, оборона которых определила победу Красной Армии на основных стратегических направлениях фронта. Кроме того, такой статус получали города, жители которых продолжали сражаться с врагом в оккупации (<https://clck.ru/3PaPW5>). Баку, со всеми его достоинствами и ресурсами, тем не менее, не был оккупирован и на его территории не велись боевые действия, а этого как раз удалось достичь благодаря тем городам, которые данное звание впоследствии получили.

Завершает этот блок «недооцененного» вклада Азербайджанской ССР во Вторую мировую войну дополнительное задание учащимся, которое сформулировано следующим образом «Обсудите предвзятую политику Советского руководства по отношению к Азербайджану» [6, с. 134].

Другой принципиально важный сюжет в истории Великой Отечественной и Второй мировой войн – сюжет о тех представителях Азербайджанской республики, которые участвовали в азербайджанском легионе вермахта. Стремлением к независимости Азербайджана, которую им обещали нацистские власти, оправдывают авторы убийство советских граждан, в том числе других азербайджанцев [3, с. 150]. В вузовском учебнике издания И. Мамедова 2020 г., кроме идеи о независимости в качестве причин, побудивших азербайджанцев сотрудничать с гитлеровцами, обосновывается идея безысходности военнопленных, которых Сталин объявил «врагами народа», и группа вынужденно объединилась в национальном легионе [8, с. 562].

Выпущенная в 2010 г. работа «Очерки по истории Азербайджана» Э.Р. Исмаилова фокусируется в описании данных событий на двух факторах, которые, по мнению автора, были ключевыми в принятии решения о переходе отдельных азербайджанцев на сторону врага. Во-первых, это внушение всем нерусским военнопленным, что целью их борьбы является освобождение их Родины от русско-коммунистического гнета. И многие, признает автор, в это поверили. А во-вторых, отмечает Э.Р. Исмаилов, это невыносимые условия содержания советских военнопленных, особенно мусульман, которых нередко путали с евреями [5, с. 257]. Никаких оценок деятельности легиона, лидерам азербайджанской эмиграции, поддерживающих отношения с немцами, автор, тем не менее, не дает. Однако необходимо отметить и то, что в школьных учебниках 2018 и 2024 гг. об этих событиях вообще ничего не упоминается, что можно, скорее, отнести к положительным тенденциям.

В целом, истории Великой Отечественной войны в учебной литературе уделено немного внимания. Так из 200–208 страниц учебников всего 4–5 отведено вышеназванным событиям, при этом в учебнике для 9 класса 1/3 страницы занимают фотографии военного времени. Кроме И.В. Сталина на страницах учебников не упоминается ни один из советских руководителей военно-политической сферой. За исключением, пожалуй, одной единственной фразы в учебнике для 11 класса: «“Бакинская нефть была полностью достаточна для защиты СССР и скорейшей победы над врагом”. Из записей маршала Г. Жукова» [6, с. 135]. Таким образом, нынешнее поколение школьников может просто не узнать о выдающихся деятелях некогда единого государства, если на уроках истории они вынуждены будут пользоваться только этой литературой.

Обобщая вышесказанное, можно прийти к выводу о том, что в Азербайджане в последние два десятилетия произошла определенная трансформация исторической памяти в отношении событий Великой Отечественной войны. Этот процесс шел двумя направлениями. Первое, связанное с официальным дискурсом власти, которая на протяжении практически всего постсоветского периода открыто заявляла о недопущении в стране фальсификации истории, героизации фашизма. Однако в риторике власти можно проследить актуализацию современных внешнеполитических проблем, а именно кризиса армяно-азербайджанских отношений, через события Великой Отечественной и Второй мировой войны. Проведение постоянных параллелей между армянами и фашистами, оккупацией Германии СССР и оккупацией Арменией части Азербайджана, обвинения в сотрудничестве армян с нацистами в годы Второй Мировой войны – все это является частью современной повестки дня для Азербайджана, и, как видится, более актуальным, чем события самой Великой Отечественной войны. Более того, за последние четыре года в республике произошли существенные изменения в терминологии освещаемых событий. Так, Вторая Карабахская война стала Отечественной, День Победы – 8 ноября – стал отмечаться в ознаменовании завершения именно этой войны.

Наличие в азербайджанском обществе ветеранов Великой Отечественной войны и проявление уважения к их подвигу, а также людей, живших в позднем Советском Союзе, не позволяет открыто заявлять о необходимости разрыва со всем советским прошлым и сосредоточиться исключительно на национальной истории. Безусловно, азербайджанской власти и обществу важна национальная история, но в ситуации, когда есть часть этого общества, хорошо помнящая события и Великой Отечественной войны, и, в целом, советской истории, политические деятели выбирают более избирательную, лавирующую политику, ориентированную на молодое поколение, и эти практики реализуются через второе направление, связанное с преподаванием истории в школах и научных учреждениях.

В школьных учебниках термин «Великая Отечественная война» заменен на термин «Вторая мировая война», вероятно, в ближайшем будущем в главах школьных учебников появится термин «Отечественная война», но уже применяться он будет для описания совершенно других событий. В контексте развития национальной истории такой ход событий и логика их представления понятна, но таким образом, естественно, происходит воспитание

молодежи уже на совершенно другом контексте, контексте национальном, выхолащивая память о некогда едином государстве, что, как минимум, противоречит принципу историзма, которым должны руководствоваться историки. Таким образом, можно согласиться с мнением отечественного исследователя А. Данилова о том, что события Великой Отечественной войны подаются в азербайджанских учебниках амбивалентно [2, с. 18], а азербайджанский исследователь Р. Карагёзов отмечает, что новые постсоветские школьные учебники по истории Азербайджана полны противоречий, которые мешают учащимся представить себе целостную историческую картину и, естественно, затрудняют для них ее усвоение [7, с. 66].

Таким образом, медленно, но верно, ориентируясь на молодое поколение, постепенно будет стираться память о Великой Отечественной войне, именно как память о едином союзном государстве, и все больший упор будет делаться на независимость и национальную, самостоятельную историю. На первый план будут выходить события недавнего прошлого, войны, о которых не просто знает, но и которые видит молодое поколение. Эти образы и будут вытеснять давно ушедшее советское прошлое, что для Азербайджана будет более актуальным в свете конструирования собственной идентичности.

Литература

1. Азербайджан в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг.: библиография / Сост.: Велиева М., Ширинова Л.; научн. ред. Тахиров К.; ред. Джафарова. М. Баку, 2020. 560 с.
2. Данилов А.А. Проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн в школьных учебниках на постсоветском пространстве // Преподаватель XXI век. 2010. № 2. С. 13-22.
3. Данилов А.А., Филиппов А.В. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств. М., 2009. 389 с.
4. Заяц П.В., Зинченко Я.Г. Политика памяти как определяющий фактор процессов ремоделирования национальной идентичности в постсоветском пространстве (на примере Азербайджанской Республики) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 234-239.
5. Исмаилов Э.Р. Очерки по истории Азербайджана. М.: Флинта, 2010. 424 с.
6. История Азербайджана: учебник для 11-го класса общеобразовательных школ / Агаларов П., Гулиев Н., Хатамов Р. и др. Баку, 2018. 208 с.
7. Карагёзов Р. Коллективная память и «политика памяти» в странах центрального Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 6(42). С. 57-69.
8. Мамедов И. История Азербайджана (с древнейших времен до наших дней). Баку: Ляман Нашрият Полиграфия, 2020. 684 с.
9. Плотников Д.С. Интерпретации прошлого в странах Евразийского союза в контексте интеграционных процессов // Центральная Евразия. 2020. № 1 (4). С. 51-63.

© Кузнецова А.А., 2026

УДК 930.2+355.01"1941/1945"

Лешукова Е.В.

канд. ист. наук

Сургутский государственный университет

г. Сургут, Россия

ТРУДНОСТИ С ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ХЛЕБОМ И СОЛЬЮ НАСЕЛЕНИЯ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943–1944 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. На основании анализа документальных источников из фондов П-17 и Р-437 Исторического архива Омской области показаны трудности обеспечения населения области, в состав которой до 14 августа 1944 года входили территории северных национальных округов – Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого, жизненно необходимыми видами продовольствия в переломный период Великой Отечественной войны и сделан вывод о имеющем место постоянном дефиците продуктов питания первой необходимости – хлеба и соли – в одном из важных тыловых районов СССР.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Омская область; Ханты-Мансийский национальный округ; снабжение продовольствием; тыл; хлеб; соль.

В период Великой Отечественной войны прочность хозяйственно-экономической сферы СССР подверглась испытанию в числе первых. Через неделю после нападения фашистской Германии был принят «первый план военного времени – «Мобилизационный народнохозяйственный план» на III квартал 1941 года» [5, с. 37], а 16 августа 1941 года утверждён «Военно-хозяйственный план» на IV квартал 1941 года и на 1942 год по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии» [5, с. 39]. Оба плана содержали комплекс мероприятий по мобилизации всех ресурсов советской экономики на обеспечение РККА военной продукцией. Не менее важной задачей перед руководством страны стала проблема снабжения действующей армии и населения тыловых районов продовольствием.

В послевоенный период, осмысливая советский хозяйственный опыт 1941–1945 гг., председатель Госплана СССР в 1938–1949 гг., заместитель председателя правительства СССР в 1939–1949 гг. Н.А. Вознесенский в работе «Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны» отметил успешное решение продовольственной проблемы, «несмотря на временное выпадение плодородной Украины и Северного Кавказа» [5, с. 91], «во-первых, благодаря колхозному строю, обеспечившему высокую товарность и валовой урожай хлеба, во-вторых, благодаря сосредоточению основной массы товарного хлеба в руках государства, организовавшего правильный учёт и распределение продовольствия, а в-третьих, в силу нового размещения производства хлеба в стране, увеличившего долю восточных районов СССР» [5, с. 91]. Однако, как в работе Н.А. Вознесенского, так и последующих публикациях других советских авторов о вкладе сибирских территорий и среднеазиатских республик в Победу над нацистской Германией и её союзниками вопросы снабжения и обеспечения продовольствием населения этих тыловых районов СССР оставались на периферии научных исследований. Приоритет отдавался освещению функционирования сельскохозяйственного производства и выпуску военной продукции. В постсоветской историографии Великой

Отечественной войны благодаря сохраняющемуся научному интересу к изучению мобилизационных процессов перестройки советской экономики вопросы продовольственной политики и решения продовольственной проблемы встречают более пристальное внимание со стороны исследователей, в том числе на примере отдельных территорий. В течение последних 15 лет данному аспекту посвящены публикации Г.В. Акименко [1], А.И. Архипова и А.А. Казанникова [2; 3], Е.Н. Бадмаевой [4], В.И. Федосеева [10], А.А. Шутькова [11] и др., в которых подчеркивается важность обеспечения потребностей Красной Армии и населения СССР в продуктах питания для успешного решения задач разгрома нацистской Германии, а также недостаток продовольствия и трудности с обеспечением тыловых районов.

Омская область вместе с входившими в её состав до 14 августа 1944 года территориями северных национальных округов Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким в 1941–1945 гг. была глубоким тылом. Снабжение хлебом городского населения Омской области, как и других тыловых районов [10, с. 73], осуществлялось по карточкам, в сельской местности по предельным нормам, в северные округа области снабжение продовольствием осуществлялось на основании планов завоза, утверждавшихся бюро обкома ВКП(б). Мука доставлялась в Ханты-Мансийский национальный округ пароходами «10-й Интернационал», «Жорес», «Коммунист» и баржей «Надым» [8, л. 120]. Хлеб производился с примесью картофельной муки. Судя по документальным источникам, приоритет в снабжении хлебом отдавался детским домам, северным округам и леспродторгу.

В 1943 году общее количество населения Омской области составляло 2,5 млн человек [7, л. 150], проживавших в 56-ти сельских районах, 3-х округах (Тобольском, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецким), 13 городах и рабочих посёлках [9, л. 6; л. 8; л. 12]. План завоза товаров в Ханты-Мансийский национальный округ в навигацию 1943 года включал 12 наименований продовольствия: мука, крупа, макароны, колбасные изделия, сахар, соль, растительное и животное масло, чай, кондитерские изделия и консервы. Больше всего по тоннажу планировалось завезти муки 12830 тонн, менее всего чая – 15 тонн (6 из которых – в Ханты-Мансийск и Самаровский район), 33 тонны растительного масла (из которых по 6 тонн – Самаровский и Березовский районы) и 52 тонны колбасных изделий (из которых по 10 тонн – Ханты-Мансийск, Берёзовский и Микояновский районы) [7, л. 27]. Однако знакомство с содержанием справки заместителя зав. отделом торговли обкома ВКП(б) Омской области Дороговой за февраль 1944 года секретарю Омского обкома ВКП(б) Румянцеву позволяет скептически относиться к выполнению этого плана в полном объёме.

Зимой 1944 года в Омской области сложилась напряженная ситуация со снабжением хлебом. Из городов и районов области поступали «многочисленные жалобы на срыв и перебои в снабжении хлебом, на снижение установленных дневных норм» [8, л. 11]. В феврале 1944 года общая потребность в хлебе населения Омской области составляла 10630 тонн, при этом «рыночный фонд муки для области на февраль месяц утвержден в количестве 9360 тонн и картофеля в муке 240» [8, л. 10], то есть, «чистая недодача хлеба, не перекрываемая ничем выражается в количестве 1030 тонн или 9,7%» [8, л. 10]. Фактически данные показатели были ещё ниже, поскольку «по состоянию на 14 февраля для снабжения области получено хлеба,

включая железную дорогу и крайний север, 4876 тонн или на 13 дней». В результате город Омск был обеспечен хлебом «по 14 февраля включительно», города Тюмень, Ишим, Тобольск, Ялуторовск, Тара «на 13 дней, до 13 февраля» [8, л. 11]. Положение со снабжением хлебом городов области усугублялось ещё и «тем, что запланированное количество картофеля в примесь хлеба не поступает» [8, л. 11]. Ещё хуже обстояло дело со снабжением населения сельской местности: в совхозах оставалось хлеба на 9,2 дня, в районах – на 7,6 дней [8, л. 11]. К тому же до 14 февраля в Омске хлеб отпускался 6 раз и «каждый раз с задержкой на несколько часов» [8, л. 11], что отрицательно сказывалось на работе хлебовыпекающих предприятий, «а значит, создавались перебои в снабжении хлебом населения города Омска» [8, л. 11].

Напряженной была ситуация и со снабжением продовольствием населения северных округов. Так в план завоза за первое полугодие 1944 года в Ханты-Мансийский национальный округ для отоваривания лесорубов по решению Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) было включено 11 наименований непродовольственных товаров и 10 наименований продовольствия: мука, крупа, овес, масло животное и растительное, сахар, рыба, мясо, соль, чай [8, л. 1]. Из 21 наименования запланированных товаров полностью завоз был выполнен только по 5-ти: из непродовольственных товаров было завезено 700 пар валенок и 6,8 тонн хозяйственного мыла, из продовольственных товаров в запланированном объёме были завезены рыба, соль и чай [8, л. 1]. Однако к осени 1944 года ситуация со снабжением мукой и крупой населения Ханты-Мансийского национального округа улучшилась: к 1 октября 1944 года из 14467 тонн северным округам было отгружено 10630 тонн муки и крупы, при этом Леспродторг получил запланированное количество муки и крупы в полном объёме 390 тонн [8, л. 120]. Из недогруженных 3837 тонн, основной объём 3097 тонн муки и крупы были предназначены Рыболовпотребсоюзу.

Помимо трудностей с обеспечением хлебом, не менее серьёзной проблемой было снабжение населения Омской области солью. Данный продукт использовался Облрыболовпотребсоюзом на засолку и консервацию рыбы в промышленных масштабах, ОРСами – для обеспечения солью столовых заводов, трестов и предприятий общественного питания, а также населением области – для заготовления овощей, полученных с индивидуальных огородов. Соль доставлялась в область с солепромыслов из Павлодара, а также Илецка, Березнякова и Аральского моря двумя видами транспорта – водным и железнодорожным. Причём, «в течение 1943 года из плана завоза по жел. дороге 12,3 тыс. тонн завезено только 4,4 тыс. тонн» [7, л. 150], то есть главным образом соль завозилась в область по воде, в том числе в северные округа – Тобольский, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий, в которых была сосредоточена основная часть рыбзаводов: 9 – в Ямало-Ненецком национальном округе, 6 – в Ханты-Мансийском национальном округе и 2 – в Тобольском округе [6, л. 1]. Как следует из Справки о состоянии торговли в Омской области от 27 декабря 1943 года, годовая потребность населения в соли составляла 30 тонн, тогда как рыночный фонд на 1943 год был утверждён в количестве 25400 тонн [7, л. 150]. Поскольку выполнение планов по переработке рыбы имело важное стратегическое значение, допустить

недополучение соли северными округами и срыв выпуска рыбной продукции партийное руководство области не могло, поэтому трудности с обеспечением солью испытывали западные районы Омской области.

В 1944 году ситуация с обеспечением солью ещё более ухудшилась. В Справке о состоянии торговли солью в районах Омской области председателя президиума Омского облпотребсоюза Гудкова отмечалось: «в течение июля и августа месяца соль по воде совершенно не отгружалась и вся отгрузка соли водой (2200 тонн) запланирована на сентябрь месяц» [8, л. 118], за эти же месяцы по железной дороге в Омскую область было доставлено 350 тонн, «что составляет по плану отгрузки 45,1%» [8, л. 118]. Как следует из справки зав. отделом торговли обкома ВКП(б) Омской области Дороговой секретарю Омского обкома ВКП(б) Румянцеву от 2 октября 1944 года, «всего по фондам III квартала водой и жел. дор. транспортом поступило 3500 тонн соли или 50% утверждённого фонда, остальная соль находится в пути и поступит в октябре» [8, л. 117], в «10 районах области запасы соли недостаточны и торговля солью населению для засолки овощей в этих районах не производилась» [8, л. 117]. К осени 1944 года соль в наличии отсутствовала в степных районах Омской области: Азовском, Одесском, Павлоградском, Полтавском, Русско-Полянском, Таврическом и Ульяновском [8, л. 118]. В самом г. Омске соль населению по карточкам для засолки овощей осенью 1944 года начали продавать только после 20 сентября.

Представленный анализ фактографического материала документальных источников Исторического архива Омской области позволяет сделать вывод о том, что население области в годы Великой Отечественной войны постоянно испытывало дефицит продуктов питания первой необходимости – хлеба и соли. Партийное руководство области было хорошо осведомлено о существующих проблемах с обеспечением продовольствием и предпринимало ряд мер для её решения, в том числе обращаясь за помощью в вышестоящие органы власти. Однако, в условиях войны с нацистской Германией и её союзниками окончательное решение проблемы дефицита продовольствия не представлялось возможным. Поэтому необходимо отдать дань уважение труженикам тыла Омской области, которые в условиях постоянной нехватки жизненно необходимых видов продовольствия выполняли и перевыполняли хозяйственные планы по обеспечению РККА сельскохозяйственной и военной продукцией.

Литература

1. Акименко Г.В. Продовольственное снабжение Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2019. № 3. С. 391-400.
2. Архипов А.И., Казанников А.А. Государственное снабжение как фактор решения продовольственной проблемы в годы Великой Отечественной войны: уроки истории // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 3. С. 27-41.
3. Архипов А.И., Казанников А.А. Продовольственная проблема в военной экономике // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 8. С. 5-10.
4. Бадмаева Е.Н. Реализация продовольственной политики советского государства в условиях военного времени (на примере Калмыцкой АССР) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 63-68.

5. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: ОГИЗ, 1948. 192 с.
6. Исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3378.
7. ГИАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3756.
8. ГИАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 4046.
9. ГИАОО. Ф. Р-437. Оп. 21. Д. 130
10. Федосеев В.И. Об особенностях государственно-правового регулирования продовольственного снабжения городов период Великой Отечественной войны (на примере Куйбышевской области) // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 1(15). С. 72-76.
11. Шутьков А.А. Продовольственная политика в годы Великой Отечественной войны: проблемы, решения (к 75-летию со дня Победы над фашисткой Германией) // Продовольственная политика и безопасность. 2020. Т. 7. № 1. С. 9-18.

© Лешукова Е.В., 2026

Лушников А.А.
канд. ист. наук
Сомкина А.Р.
студент

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Пензенский филиал
г. Пенза, Россия*

РАДИСТКА, СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА ИЗ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ П.И. СМИРНОВА: ПОДВИГ НАРОДА ЧЕРЕЗ ЗЕРКАЛО БИОГРАФИИ

Аннотация. Данная статья посвящена участнице Великой Отечественной войны, радистке Смирновой Прасковье Ивановне, которая внесла значительный вклад в победу своим мастерством и отвагой. В ней рассматриваются ключевые моменты её жизни до начала войны. Особое внимание уделяется также послевоенному периоду, где раскрываются её достижения и жизненный путь после завершения боевых действий. Жизненный путь с виду «простого человека» может быть насыщенным и нетривиальным, о чем и говорит данная биография.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; ветеран войны; Смирнова Прасковья Ивановна; радистка; Котел.

80 лет прошло со времени окончания Великой Отечественной войны. Это было страшное время. Много людей погибло на той войне. Нет в нашей стране ни одной семьи, из которой бы война не унесла чью-то жизнь или не искалечила кого-то пулями и осколками. Каждый девятый житель нашей страны не вернулся домой. А сколько пришлось пережить людям, которые оказались на земле, захваченной врагом: разрушенные дома, звуки выстрелов, разрывы бомб, голод, холод, смерть.

Победу ковали не только солдаты, воевавшие на фронте, но и мирные люди: старики, женщины, дети. А ведь это были наши прабабушки, прапрабабушки, прадедушки, прапрадедушки, тёти, дяди. Благодаря их мужеству, героизму, трудолюбию, мы можем просыпаться утром, учиться, ходить с родителями на природу.

В этой статье рассматривается жизнь Смирновой Прасковьи Ивановны (28.06.1923–31.07.2010 гг.) из села Котел Пензенской области – яркого примера поколения, пережившего важные исторические испытания. Ее биография отражает народный подвиг и помогает глубже понять значимость этих событий для истории и культуры страны.

Рис. 1. Смирнова Прасковья Ивановна [1]

Смирнова Прасковья Ивановна родилась 28 июня 1923 г. в селе Котел Вадинского района Пензенской области в крестьянской семье. Отец Смирнов Иван Петрович, мать – Смирнова Евдокия Максимовна. В семье были еще брат и 3 сестры.

В 1931 году Прасковья Ивановна поступила в Котельскую начальную школу. После продолжила обучение в Котельской неполной средней школе, которую окончила в 1938 году. Затем перешла в Вадинскую среднюю школу и окончила в ней 8 классов в 1939 году [1].

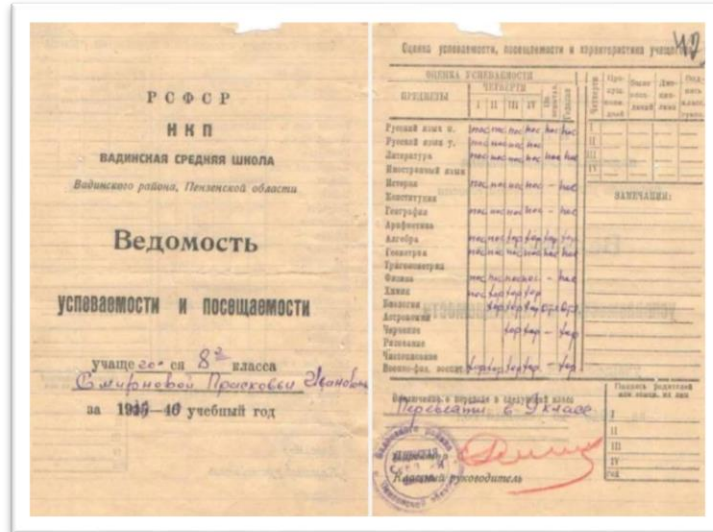

Рис. 2. Ведомость успеваемости и посещаемости учащегося 8а класса Смирновой П.И. 1939-40 учебный год [1]

После Прасковья Ивановна поступила на 9-месячные педагогические курсы при Нижне-Ломовском педагогическом училище. Обучалась до 1940 года, затем продолжила обучение в Вадинской средней школе [1].

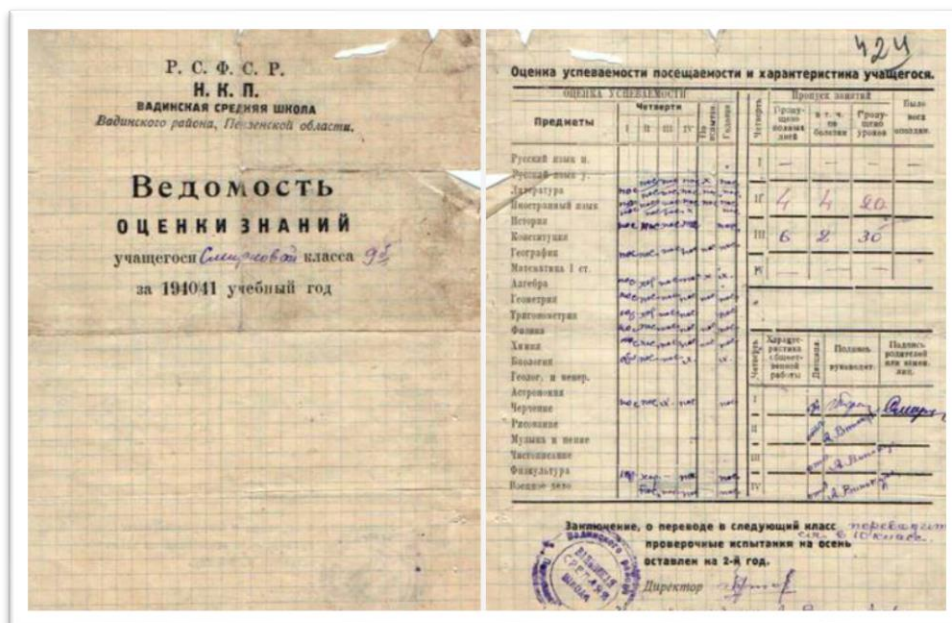

Рис. 3. Ведомость успеваемости и посещаемости учащегося 9б класса Смирновой П.И. 1940/41 учебный год [1]

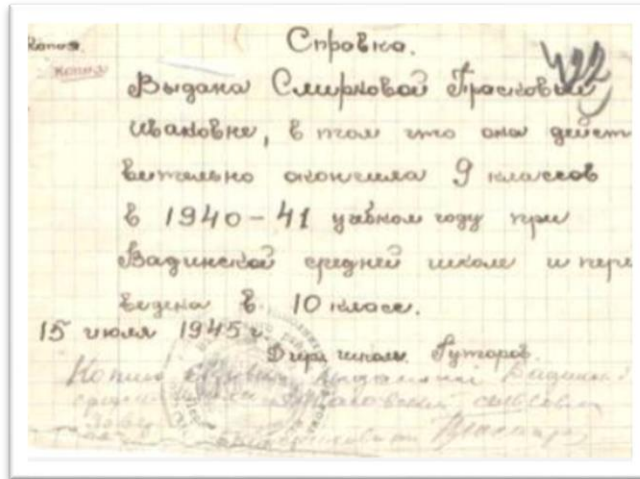

Рис. 4. Справка о переводе в 10 класс Смирновой П.И. [1]

В 1941 году была переведена в 10 класс и была призвана в РККА на службу в армию. Сначала она попала в учебную часть, прошла курсы радисток, показав высокие результаты, и после была откомандирована на фронт [1].

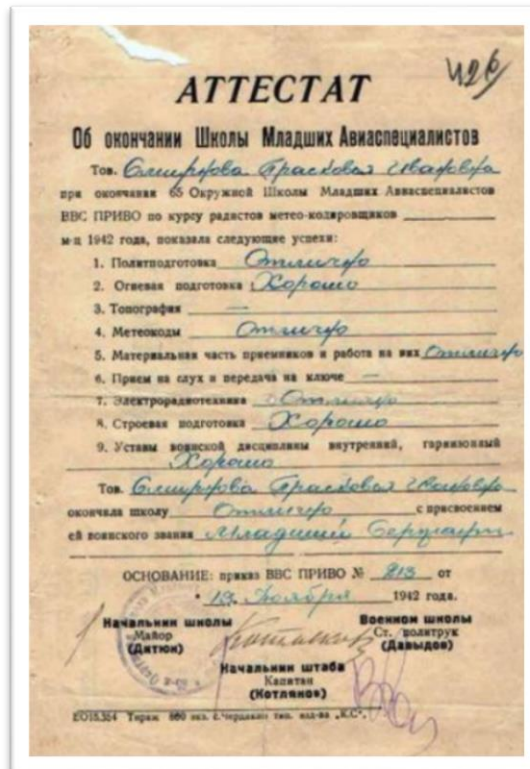

Рис. 5. Аттестат Смирновой П.И. об окончании Школы Младших Авиаспециалистов, выдан 19 ноября 1942 года [1]

В боевых действиях Прасковья Ивановна участвовала на Донском фронте и при обороне Сталинграда с 15.12.42 по 01.05.43. В этот ответственный период она играла ключевую роль, передавая актуальную информацию о погодных условиях советским военным летчикам. Благодаря её точным и своевременным сведениям, пилоты могли принимать обоснованные решения о том, когда лучше отправляться на боевые задания, а когда стоит воздержаться от полётов из-за неблагоприятных метеоусловий. Её профессионализм и внимательность к

деталюм значительно повышали безопасность и эффективность операций, помогая избежать ненужных рисков и обеспечивая максимально благоприятные условия для выполнения поставленных задач. Таким образом, её вклад был неотъемлемой частью успешной работы военной авиации в тот сложный период [3].

Рис. 6, 7. Страницы из красноармейской книжки Смирновой П.И.

Смирнова П.И. в 1943 году получила серьёзное ранение в область грудной клетки в ходе выполнения служебных обязанностей. После проведённого лечения и медицинского обследования было установлено, что повреждения не позволяют продолжать службу в прежнем режиме. В связи с этим, учитывая состояние здоровья и рекомендации врачей, Смирнова П.И. была официально комиссована из рядов вооружённых сил [3].

После выписки из госпиталя она вернулась в свое родное село Котел, где решила посвятить себя педагогической деятельности. Здесь она начала преподавать военное дело в местной школе, параллельно продолжая обучение в педагогическом училище [3].

В 1949 году Прасковья Ивановна вышла замуж за Сомкина Николая Львовича, но фамилию при этом не поменяла. У них было трое детей, которых она воспитывала с любовью и заботой (со слов дочери Антоновой Лидии Николаевны).

В 1950 году она успешно окончила Белинский педагогический колледж. По завершении обучения ее по распределению назначили директором и учителем начальных классов в начальную школу села Поляны, расположенного в Пачелмском районе Пензенской области. Эта должность требовала от нее большого профессионализма и ответственности, поскольку она отвечала не только за учебный процесс, но и за организацию работы всего учебного заведения (со слов дочери Антоновой Лидии Николаевны).

В течение многих лет, до 1984 года, она преданно трудилась в этой школе, уделяя огромное внимание воспитанию и образованию своих учеников. За это время она сумела

вырастить и обучить несколько поколений ребят, передавая им не только знания, но и важные жизненные ценности.

Рис. 8. Диплом Смирновой П.И. об окончании педагогического училища

Рис. 9. Смирнова П.И. с учениками [1]

Её педагогическая деятельность оставила глубокий след в судьбах многих детей, которые помнили её доброту, заботу, внимание. Она вдохновляла учеников раскрывать таланты и уверенно идти к знаниям. Одна из бывших учениц, Таня Акшинская, на тот момент училась в 10 классе и написала благодарность своей первой учительнице Смирновой П.И. После этого её письмо разместили в газете «Знамя Ленина» (2 стр., 1 января 1976 г.). Автор статьи «Сельская учительница» В. Александрова [2].

Рис. 10. Статья «Сельская учительница» В. Александровой в газете «Знамя Ленина»

Смирнова П.И. пользовалась уважением односельчан за доброту, трудолюбие и вклад в жизнь поселка. Благодаря активности и ответственности ее единогласно избрали депутатом Черкасского сельского совета в 1970 г., доверив представлять интересы жителей и участвовать в развитии их села. Она была депутатом 5 лет до 1975 г. (со слов дочери Антоновой Лидии Николаевны).

Рис. 11. Удостоверение депутата № 33 Смирновой П.И.

После выхода на пенсию в 60 лет в 1983 г. Смирнова П.И. стала заниматься домашним хозяйством, у нее были овцы, поросята, куры и корова. Со временем, из-за сокращения жителей села Поляны, семья переехала в Нижний Ломов.

Во время семейных праздников Смирнова Прасковья Ивановна всегда вспоминала одну и ту же военную историю: «Продвигаясь по линии фронта, её отряду приходилось часто менять место жительства, и они часто разбивали лагерь в лесу. Жили в землянках, а полевая кухня всегда была отдельно от их места жилья. Каждый день самолёты взлетали на задания. И один раз получилось так, что самолёт рано утром взлетел и в назначенное время не прилетел на станцию. Все стали беспокоиться. Но жизнь продолжалась, и, как обычно, все выполняли свои задания, также и повариха – как обычно, рано утром пошла на свою работу готовить еду для всех. Каждый день с ней ходил её семилетний сын и помогал ей, а в этот день он не пошёл, остался в землянке. Видно, он родился под счастливой звездой. Придя на своё место, повариха начала убираться и готовить завтрак. И в этот момент над лесом был сильный рев мотора самолёта, который приближался с огромной скоростью. Это был тот самолёт, который должен был прилететь раньше. Все выбежали из землянки и увидели горевший самолёт, который стремительно летел вниз и прямо на полевую кухню. Какие-то считанные секунды – и произошёл взрыв на глазах у всех. Они стояли и не могли ничего сделать. Лётчик и повариха погибли. Сын поварихи всё это видел и долго плакал. Он остался сиротой. После они не знали, куда его пристроить, но в итоге его взял к себе командир» (записано со слов Смирновой П.И. в 2003 году).

В 1985 году, в честь знаменательной даты – 40-летия Победы в Великой Отечественной войне, ей была торжественно вручена высокая государственная награда – орден Отечественной войны II степени. Эта награда стала символом признания её неоценимого вклада и самоотверженного труда во имя Родины в годы суровых испытаний. Получение ордена стало важным событием в её жизни, подчеркнувшим мужество, героизм и преданность делу защиты Отечества, которые она проявила в период войны [3].

Рис. 12. Орден Отечественной войны II степени Смирновой П.И. [3]

Умерла Смирнова П.И. 31.07.2010 г., когда ей было 87 лет.

Биография Смирновой Прасковьи Ивановны является ярким примером героизма и самоотверженности советских женщин в годы Великой Отечественной войны. Ее судьба отражает общую судьбу миллионов простых людей, чьи усилия на фронте и в тылу внесли решающий вклад в Победу. Несмотря на тяжёлое ранение, Смирнова П.И. продолжала служить своему народу, посвятив себя обучению молодого поколения. Ее жизнь и работа демонстрируют силу духа, патриотизм и ответственность перед обществом, ставшие характерными чертами целого поколения победителей. Награждение орденом Отечественной войны II степени подчеркивает значимость ее личного вклада в общее дело победы, символизируя уважение и признание государства и народа к таким героям, как Смирнова П.И.

Литература

1. «Никто не забыт, ничто не забыто». Всенародная Книга памяти Пензенской области. <https://clck.ru/3QxzHc>.
2. Александрова В. Сельская учительница // Газета «Знамя Ленина». 1 января 1976 года. С. 2.
3. Смирнова Прасковья Ивановна / Бессмертный полк: официальный сайт движения. <https://clck.ru/3QxzVJ>.

© Лушников А.А., Сомкина А.Р., 2026

ПОМОЩЬ ФРОНТУ КАК ПРАВСТВЕННАЯ ОСНОВА РОССИЙСКОГО НАРОДА: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В работе освещается помощь фронту со стороны гражданского населения Ларьякского района в годы Великой Отечественной войны. Показана многогранность поддержки. Приведены данные по сбору денежных средств и теплых вещей. Показана статистика убыли населения в связи с мобилизацией. Освещается отношение властей к эвакуированным семьям солдат и офицеров. Отмечается важность мер социальной поддержки в отношении семей военнослужащих. Автор считает взаимопомощь российского народа культурной традицией, формировавшейся на протяжении существования государственности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Специальная военная операция; Ларьякский район; социальная поддержка; нравственная основа.

«Для Родины своей ни сил, ни жизни не жалею» – в этих словах мудрость и взаимовыручка нашего народа. Под таким девизом были достигнуты успехи нашего Отечества в различных сферах жизни. Особенно остро проявлялась народная сплоченность в период максимальной угрозы для существования страны. Великая Отечественная война показала самоотверженность и самопожертвование нашего народа. Она проявлялась как на поле боя, так и в тылу, где люди, зачастую, отдавали последнее ради Победы.

Вся инициатива о помощи фронту, одобренная Центральным комитетом, возглавлялась местными партийными, профсоюзными, комсомольскими и другими организациями. Она выражалась в различной форме. Средства, собранные у народа, шли на строительство танковых колонн, авиаэскадрильи, а также в фонд помощи героическим защитникам Сталинграда и населению, пострадавшему от гитлеровской оккупации, и в другие фонды. Авангардом гражданских активистов выступали учителя и ученики. С самого начала войны учительские коллективы отчисляли однодневный заработок на танковые колонны «Народный учитель» и «Боевые подруги». Ученики на собранные деньги закупали валенки, теплые костюмы. Ханты-Мансийский округ взял шефство над освобожденными от немецкой оккупации районами Запорожской области (<https://clck.ru/3QyDqJ>).

Ларьякский район (с 1964 г. Нижевартовский район) помогал фронту, осуществляя денежные отчисления, отправлял теплые вещи и посылки. Район, один из самых малочисленных в Ханты-Мансийском округе, в фонд обороны страны за 1941 и 1942 г. перечислил 210367 тыс. рублей. В 1941 г. в Ларьякское отделение Госбанка поступило 80124 тыс., а в 1942 г. эта цифра выросла до 129730 тыс. рублей [6, Ф. П-96. Оп. 1. Д. 124. Л. 8]. Денежные средства в помощь фронту собирались регулярно. Вот сведения о поступлении средств на 28 января 1943 г. и 08 марта 1943 г. – 45,8 и 177,6 тыс. руб. соответственно. Учитывая доходы граждан, где средний заработок рыбака на ловле составлял 142 рубля, сумма, передаваемая в помощь фронту, была внушительной [10].

Население района собирало для Красной армии теплые вещи. Проблема снабжения Красной армии обмундированием, в особенности теплыми вещами, внушала тревогу. В одном г. Тернополе немцами захвачен состав из 134 вагонов с обмундированием. На оккупированной территории на складах Прибалтийского военного округа остается 100% вещевого имущества [5]. Разнарядка по сбору теплых вещей от 15 января 1942 г. обязывала Ларьякский район собрать следующее количество: 40 полушубков, 70 пар валенок, 5 меховых жилетов, 5 шапок, 5 ватных курток, 15 меховых рукавиц, 75 кг. носков, 35 ватных шарфов, 150 бинтов [6, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 747. Л. 36]. На 20 января 1942 г. удалось собрать 20 полушубков, 32 пары валенок, 10 шапок, 11 комплектов теплого белья, 13 пар носков [6, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 747. Л. 35]. Во втором полугодии 1942 г. район собрал: 50 полушубков, 195 пар валенок, 25 шапок, 110 комплектов теплого белья, 135 ватных курток, 15 шарфов [6, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 747. Л. 12]. Сбор вещей продолжался всю войну.

Слабый в производственном отношении Ларьякский район не справлялся с установленным планом по пошиву изделий для нужд фронта. Так, например, на 20 февраля 1944 г. всего удалось собрать 5 пар носков, 5 пар варежек, 3 шт. крема и 8 кассет для бритвы, 2 мыла, 10 носовых платков [6, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 744. Л. 23]. За личные вещи, сдаваемые в помощь фронту, согласно постановлению областной комиссии по сбору теплых вещей от 29 июля 1943 г., можно было получить плату, расчет производился из районных средств по утвержденным ценам. Например, за тулуп можно было получить от 100 до 150 р., валенки – 25–35, ватную куртку – 10–15, одеяло – 10–30, простынь – 5–7, шерсть (1 кг) – 5–10 рублей [6, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 744. Л. 116]. Район отправлял посылки в подшефный госпиталь Тюмени № 3344, эвакуированный из Харькова и прибывший в Тюмень в октябре 1941 года. Посылки отправлялись и на фронт. Например, к 24-ой годовщине РККА Ларьякский район отправил 13 посылок весом 130 килограммов [6, Ф. П-107. Оп. 1. Д. 744. Л. 55].

Учитывая незначительную численность населения Ларьякского района выделяемый объем помощи был колоссальным (см. табл.).

Таблица

Численность населения Ларьякского района в годы Великой Отечественной войны [1]

Год	1941	1942	1943	1944	1945
Численность населения	5680	5139	5260	5271	5880

Весь груз тыловой работы во время Великой Отечественной войны ложился преимущественно на плечи женщин и подростков. Перед войной в районе наблюдалась демографическое равновесие мужского и женского полов. На 1945 г. в Нижневартовском сельсовете числилось 1049 лиц женского пола и 610 мужского. Мужчин в возрасте 30-39 лет на январь 1949 г. в структуре населения района было в два раза меньше, чем женщин. На 444 женщины приходилось 227 мужчин. В районе насчитывалось 167 семей погибших воинов [7].

Алексеева Л.В. приводит следующие данные убыли населения Ханты-Мансийского округа, в связи с призывом в Красную Армию и трудовую армию. Они составили 23064 чел., или 23% населения округа; из них погибло в боях за Родину – 9600 человек [3].

Серазетдинов Б.У. приводит данные о количестве ушедших на фронт (17890) в том числе женщин (176) и представителей коренных национальностей округа (4219) [9, с. 161].

В сложных природно-климатических и тяжелых материально-бытовых условиях приходилось трудиться на благо Победы. В Ханты-Мансийском округе в 1940 г. работало 6 рыбозаводов, в том числе Ларьякский. Сибирский Север стал одной из важных рыбодобывающих территорий в СССР, осуществлявшей поставки рыбной продукции не только на фронт, но и для питания населения, отмечает Л.В. Алексеева [2]. Советские ученые во главе с Ю.П. Прибыльским рассказывают о вкладе, который внесли в победу труженики сибирского тыла. Особое место сыграла рыбная промышленность [8, с. 98]. «Рыболовство в истории России неоднократно выступало как серьёзный экономический резерв государства, который в эпоху важнейших общественных потрясений помогал найти дополнительные ресурсы для выхода из тяжёлой ситуации», – отмечают уральские ученые [4].

В годы войны самое пристальное внимание уделялось эвакуированным семьям начальствовавшего состава и семей мобилизованных в Красную армию, для которых определялись повышенные нормы обеспечения. За их выполнением осуществлялся тщательный контроль и вызывал самую строгую реакцию со стороны областного комитета ВКП(б), если поступали сигналы о нарушениях. Согласно разъяснительной записке от 17 марта 1942 г. № ОС – 31/105 за подписью секретаря Омского обкома ВКП(б) Кудинова и Председателя исполкома Областного Совета депутатов трудящихся Евстигнеева указывалось, что «ненадлежащее отношение к эвакуированным ведет к нездоровому настроению и недовольству». Далее в записке пояснялось, «дабы исключить недовольство и создать условия крепкого морального состояния семей военнослужащих, необходимо разъяснить колхозникам, что их долг окружить повседневной заботой и вниманием эвакуированные семьи» [6, Ф. П–107. Оп. 1. Д. 655. Л. 25, 26]. За издевательское отношение к семьям военнослужащих было осуждено в 1942 г. по 1 человеку в Ларьякском и Самаровском районах [6, Ф. П–107. Оп. 1. Д. 727. Л. 7].

Значительное внимание со стороны государственных органов уделяется семьям участников СВО. Меры социальной поддержки таким семьям представлены широким перечнем, как в денежном выражении, так и льготной квоте, например, при поступлении в ссузы и вузы. Защитник Отечества должен чувствовать, что его семья не одинока, что за ним надежный тыл.

С первых дней Специальной военной операции нижневартковцы выразили гражданскую ответственность. Создаются благотворительные организации, волонтерские и добровольческие движения, доставляющие гуманитарную помощь жителям Донбасса и защитникам Отечества. Одним из добровольцев является житель г. Нижневартковска Пинигин Михаил Анатольевич, помогающий жителям ДНР с 2014 года. Михаил регулярно на протяжении одиннадцати лет организывает сбор и отправку гуманитарной помощи (<https://clck.ru/3QuE3C>). Объединение предпринимателей города помогает военнослужащим, участникам Специальной военной операции. Фонд собирает средства на адресные заявки защитников, например, на FPV-дроны, приобретение которых является важной задачей в

условиях современных боевых действий. Сестры милосердия при Нижневартовском Храме Рождества Христова организывают сбор лекарственных средств для военнослужащих. Нижневартовцы разных профессий присоединились к гуманитарной миссии, выполняя многочисленные задачи. Создаются проекты, такие как «Доброслужащий», призванные помогать на местах. Помощь неравнодушных людей заключается в доставке продуктовых наборов, приготовлении горячего питания в пострадавших районах, уходе за ранеными в госпиталях (<https://clck.ru/3QuE6v>).

Во время Великой Отечественной войны Ханты-Мансийский округ взял шефство над освобожденными от фашистской оккупации районами Запорожской области, а сегодня округ помогает освобожденному г. Макеевка в Донецкой Народной Республике. Действует соглашение о сотрудничестве, в рамках которого предусмотрено восстановление экономики и инфраструктуры города, предоставление гуманитарной помощи (<https://clck.ru/3QuEA8>).

Государственная власть обращалась к своим гражданам с призывом помочь Красной армии, понимая, что без поддержки тыла будет сложно. Создавались специальные комиссии под председательством секретарей обкомов. Выпускались инструкции по приему теплых вещей. Несмотря на тяжелые условия, район активно участвовал в мобилизационной и тыловой поддержке фронта: собирал денежные средства, теплые вещи, продукты, отправлял посылки и посильную помощь в госпитали и на фронт.

Вклад населения, особенно женщин и подростков, был колоссальным, что свидетельствует о высокой гражданской ответственности и патриотизме. Несмотря на слабую экономику и трудности природных условий, хозяйство Ларьякского района демонстрировало устойчивость и мобилизационную способность, что позволяло обеспечивать фронт необходимыми ресурсами.

Огромные людские потери во время Великой Отечественной войны, а также потенциальные потери изменили привычный уклад жизни огромной страны. Героический труд и самоотверженность жителей района в годы войны стали важной частью общей победы советского народа, подтверждая, что в трудные времена именно единство и вера в победу помогают преодолеть любые испытания. Такое же единение, всенародная помощь и сострадание проявляются в настоящее время.

Литература

1. Алексеева Л.В., Миронычев С.В. Население Ларьякского района Ханты-Мансийского национального округа в 1939-1945 гг.: Демографический аспект // Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы. Вып. 1(8). Нижневартовск, 2018. С. 147-157.
2. Алексеева Л.В. Об объемах вылова рыбы на Сибирском Севере в годы Великой Отечественной войны // Северный регион: наука, образование, культура. 2024. Т. 25. № 4. С. 88-100. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-4-9>.
3. Алексеева Л.В. О результатах работы по установлению численности населения Ханты-Мансийского округа (1939–1945 гг.) // Мы ковали Победу: материалы Сибирского исторического форума (г. Красноярск, 31 марта – 2 апреля 2025 г.). Красноярск, 2025. С. 14-18.
4. Бахтияров Р.С., Фёдорова А.В. Рыболовство в СССР в годы Великой Отечественной войны // Известия ОГАУ. 2018. №2. С. 241-243.

5. Жукова О.Г. Обеспечение фронта тёплым обмундированием как вызов великой отечественной войны и важный фактор социокультурной политики государства // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2022. № 2. С. 83-97. <https://doi.org/10.17805/trudy.2022.2.11>.
6. Казенное учреждение «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области» (КУ «ГАСПИТО»)
7. Миронычев С.В. Население Ларьякского района в 1939–1945 гг.: демографический аспект // МНСК-2018: История: Материалы 56-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 2018. С. 179-180.
8. Прибыльский Ю.П., Федорченко В.И. Рыбное хозяйство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1988. 160 с.
9. Серазетдинов Б.У. Югра в годы войны. 1941–1945. Екатеринбург: Издательский дом «ПАКРУС», 2005. 224 с.
10. Серазетдинов Б.У., Иванов А.С. Спецпоселенцы-Калмыки Омской и Тюменской областей в годы Великой Отечественной войны (1944-1945): особенности использования принудительного труда в рыбной промышленности // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 41(179). История. Вып. 38. С. 68-72.

© Миронычев С.В., 2026

УДК 94"1920"

Некрасов И.Б.
аспирант

Российский государственный социальный университет
г. Москва, Россия

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ АРМИИ ВРАНГЕЛЯ В АПРЕЛЕ–НОЯБРЕ 1920 г.

Аннотация. Рассматриваются ключевые моменты боевых действий армии Врангеля. Особое внимание уделяется деятельности Врангеля по укреплению боеспособности Русской армии, а также применению новых методов ведения войны с использованием различных родов войск и современных вооружений. Показаны различия в оценках исследователей успешности проведенных Врангелем военных реформ и отдельных боевых действий.

Ключевые слова: П.Н. Врангель; Русская армия; военные реформы; боеспособность; политический и военный лидер; эвакуация; Крымское государство.

5 апреля 1920 года П.Н. Врангель стал главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР). Врангель сменил на этом посту А.И. Деникина. Такая замена выглядела логичной, поскольку последнего преследовали неудачи, тогда как Врангель практически не знал поражений, успел проявить себя успешным полководцем. К тому же он отличался еще честолюбием и харизматичностью [5, с. 71]. Эти качества делали Врангеля практически безальтернативной кандидатурой на замену Деникину, который в этот критический момент не мог выступать в качестве морального лидера для Белой армии, боевой дух которой был значительно подорван чередой поражений [7, с. 488]. Назначение Врангеля на должность главнокомандующего ВСЮР вкуче с помощью иностранных союзников в виде направления флота в Черное море и поставки вооружений давали надежду Белому движению на перелом в боевых действиях.

Ситуация была непростой, но благодаря прибытию разрозненных боевых частей из Новороссийска, Врангель смог собрать около 25 тысяч человек. Однако, моральный дух солдат оставлял желать лучшего [13, с. 79]. Войска, которые прибыли в Крым, были далеки от идеала армии и больше напоминали банду. Люди боялись покинуть пароход и ожидали падения Крыма каждую минуту, что сильно ухудшало ситуацию.

В этой ситуации Врангель проявил умение не только полководца, но и лидера, который чувствует запросы общества. Требовалась идея, которая бы объединила различные слои общества, поддерживавшие Белое движение. Врангель предложил переименовать армию в Русскую армию. Тем самым делалась попытка представить Русскую армию преемницей традиций и идей дореволюционной армии. Это должно было напомнить сочувствующим слоям общества о времени, когда в стране была стабильность, и когда накануне войны Россия развивалась огромными темпами [9, с. 28].

С помощью жестких карательных мер, таких как военно-полевые суды над паникерами и дезертирами, была восстановлена дисциплина в войсках в короткие сроки. В летний период 1920 года Русская армия осознавала ограниченность ресурсов Крымского полуострова и предприняла попытку прорыва в плодородную северную Таврию.

Однако прорыв в северную Таврию оказался трудным заданием из-за технических и организационных проблем. Русская армия столкнулась с противодействием сил противника и с недостатком припасов. Осложняло ситуацию и постоянное давление со стороны Красной армии, выразившееся в преследовании отступающих частей. В условиях отсутствия подготовленных позиций и необходимости находиться на марше проявились преимущества конных армий Южного фронта, которым командовал М.В. Фрунзе [15, с. 255]. 1-я Конная армия наступала на юг Крыма. Ее основной путь пролегал через Джанкой и Симферополь. В качестве конечного пункта ставилась задача занять Севастополь. 2-я Конная армия наступала на восток Крыма. Целью было занятие Феодосии и Керчи. Стратегическая задача, которая была поставлена перед Красной армией, подразумевала нанесение максимального урона войскам Русской армии и предотвращение ее эвакуации из Крыма [14, с. 55].

Англия и Франция, которые были союзниками Белого движения, сыграли свою роль в наступлении на северную Таврию. Они планировали прекратить всяческую поддержку врангелевских сил и дали понять Врангелю, что он должен показать силу своей армии, прежде чем надеяться на какую-либо помощь. Это стало дополнительным стимулом для белых войск, чтобы продемонстрировать свою силу и боевой дух. Русская армия смогла прорваться на территорию северной Таврии и установить контроль над несколькими населенными районами. Врангель, рассчитывая на поддержку от других стран, обратился к правительствам Англии и Франции в поисках помощи, надеясь на военную и техническую поддержку. Однако на его запрос был получен отказ, что стало для Врангеля тяжелым ударом. Он остался один на один со своими проблемами, и судьба России вновь оказалась в неопределенности.

Поддержка со стороны Англии и Франции была временной и ограниченной, и вскоре белые войска оказались в очень тяжелом положении. Несмотря на отчаянные попытки Русской армии противостоять Красной армии, она постепенно начала терять контроль над территорией.

Кроме того, численный перевес Красной армии был четырехкратным, что серьезно повлияло на ход боевых действий. Фронт белых войск был растянут на несколько сот километров, в то время как численность Русской армии едва достигала 40 тысяч человек. 3 ноября 1920 года белые войска начали отступление в Крым, успев за четыре дня организованно отвести все оставшиеся боеспособные части. 7 ноября 1920 года началась Перекопско-Чонгарская операция Красной армии. Она стала решающим этапом в Гражданской войне. Красная армия смогла быстро войти на территорию Крыма. Белые войска были вынуждены отступить. Это стало окончательным концом Белого движения и Гражданской войны в России.

Отступление Русской армии по всей линии фронта началось 11 ноября 1920 года. Приказ Врангеля предписывал войскам начать планомерный отход. План отхода был составлен заранее, и каждое подразделение знало о конечном пункте, ему предназначенном. Отступление велось постепенно, чтобы дать возможность организовать эвакуацию из Крыма, которая началась уже 12 ноября 1920 года.

Последними боевыми действиями, после которых стало очевидно критическое положение Русской армии, стал захват Красной армией укрепленных позиций у Ишуня. Этому способствовало введение Красной армией дополнительных свежих сил. Результаты этого сражения ставили под угрозу эвакуацию из Крыма. Времени на ее подготовку и осуществление почти не оставалось. Врангель предпринял срочные меры по сохранению армии и организации эвакуации. В частности, он приказал войскам не вступать в бой, а срочно отступать и собираться в портах для последующей эвакуации. Судам предписывалось собраться в портах Крыма и быть готовым к погрузке войск и гражданского населения. В соответствии с ранее разработанным планом армейские корпуса должны были отступать в Евпаторию и Севастополь. Терско-Астраханская бригада отступала в сторону Керчи, а кавалерийский корпус должен был двигаться на Феодосию. С целью избежания больших потерь Врангель приказал не брать с собой тяжелое вооружение. Пехота должна была разместиться на повозках. Конные части навязывали бой Красной армии и прикрывали отход основных войск.

Одними из последних крупных сражений Русской армии с Красной армией стали бои у станции Джанкой и станции Курман-Кемельчи 12 ноября 1920 года. В этих боях были разбиты и взяты в плен остатки Марковской дивизии. Однако Красная армия также понесла большие потери. К тому же ее части были измотаны непрерывными боями. Были и опасения о проведении Русской армией операции по заманиванию частей Красной армии в свой тыл с целью последующего окружения и уничтожения. Дополнительной проблемой стало предательство повстанческой армии С.Н. Каретникова, которая вместо участия в боевых действиях занималась грабежом местного населения. Все это стало причиной того, что Красная армия не стала преследовать отступающие части Русской армии, позволив им отступить в порты Крыма и приступить к эвакуации.

Передовые части, состоящие из наиболее стойких и боеспособных дроздовцев и марковцев, были назначены для прикрытия отступающих частей и обеспечения безопасной эвакуации. В целом, командующие армейскими и корпусными частями были готовы к эвакуации и предпринимали все необходимые меры для обеспечения ее безопасности и эффективности [2, с. 149].

Далее мы попытаемся определить ключевые факторы, позволившие Русской армии продержаться достаточно долго против превосходящей в четыре раза Красной армии в условиях ограниченных ресурсов, будучи зажатой на маленькой территории, а также сформулировать основные причины поражения. Стоит особо подчеркнуть, что многими исследователями одни и те же действия генерала Врангеля и Русской армии оцениваются с противоположных позиций.

Прежде всего, необходимо отметить роль П.Н. Врангеля. Как отмечалось выше, Врангель проявил себя настоящим лидером, сумевшим повести за собой морально дезорганизованные к тому моменту войска белых [17]. Многими исследователями делается вывод об успешности действий Врангеля по повышению боеспособности армии [3, с. 95]. В первую очередь отмечается, что при относительно небольшом количестве войск создание и

укрепление регулярной армии позволило контролировать достаточно большую территорию Крыма.

Успехи Врангеля можно назвать впечатляющими. Удалось собрать разрозненные части в единую армию, которая стала называться Русской армией. Большое внимание уделялось снабжению армии, в том числе современным вооружением. Применялись новые методы ведения боевых действий, основанные на одновременном использовании различных родов войск. Как следствие, были достигнуты успехи в боевых действиях в Северной Таврии» [2, с. 172].

Изначально Врангель ставил перед собой задачу создания армии, которая бы позволила в течение долгого времени контролировать Крым. Эта стратегия также предусматривала возможное участие армии в случае необходимости в организации и обеспечении эвакуации.

Противоречивые оценки даются уровню обеспеченности армии Врангеля военной техникой. В некоторых работах, в основном советского периода, утверждалось, что Красная армия была вынуждена воевать с армией Врангеля, которая снабжалась иностранными союзниками лучшими образцами военной техники [6, с. 3]. Более поздние исследования на основе новых архивных данных рисуют совсем другую картину. Приводятся конкретные данные о поставках аэропланов. Например, за весь 1920 год были поставлены всего лишь семь аэропланов. Причем отмечается, что два из них были устаревшими моделями, а остальные – учебными машинами [16].

Одним из факторов успеха явилось применение Врангелем новых видов вооружений. Помимо упомянутых аэропланов использовались танки и бронев автомобили. Тем самым Врангель пытался противостоять превосходящей по численности Красной армии. Врангель придавал этому большое значение, так как это было вызвано численным превосходством Красной армии. Известны примеры успешных боевых действий Русской армии, когда аэропланы применялись против конницы Красной армии. И даже наличие ограниченного количества самолетов при условии их грамотного применения приводило к успеху [8, с. 44].

Также Врангель не только хорошо понимал преимущества новых видов боевой техники, но и увеличивал боевые возможности существующих родов войск за счет комбинированного применения традиционных войск с новыми их видами. Например, он впервые применил танки и бронемашину вместе с конницей [12, с. 47]. Врангель развил успех такого подхода, включая в боевые действия авиацию и традиционную пехоту. Сложность такого комбинированного применения различных видов войск заключалась в необходимости координации их взаимодействия. Но и с этой задачей Врангель справился успешно. Командиры Красной армии признавали за противником успешность такого подхода.

Особое внимание Врангель уделял укреплению флота. Со своей стороны, командование флота поддержало кандидатуру Врангеля при назначении его главнокомандующим ВСЮР. Надеяться на флот союзников было нельзя, так как они требовали начать переговоры с большевиками. Также Врангель понимал, что, несмотря на ведение боевых действий на суше, вооружение кораблей могло оказать им существенную поддержку [4, с. 18-19].

При этом у Врангеля были как просчеты, так и ошибочная оценка текущей ситуации. Так, например, отмечается, что Врангель и его окружение переоценили готовность казачества выступить против большевиков. Это привело к провалу десанта на Кривой косе и десанта генерала С.Г. Улагая. Провалу способствовала и утечка информации, о подготовке десанта стало известно командованию Красной армии [11, с. 185].

Еще одной возможной причиной поражения Врангеля стало отсутствие у него уверенности в победе. В поддержку этого утверждения работает тот факт, что Врангель начал разрабатывать планы эвакуации сразу после занятия поста главнокомандующего ВСЮР. Анализ текущей обстановки и соотношения сил привел его к выводу, что эвакуация, возможно, будет единственным выходом. Хотя это решение было очень сложным для него [1].

Обобщающий вывод о возможности успешной реализации планов Врангеля сделан в работе Р.А. Медведева. Утверждается, что планы Деникина и Врангеля были обречены на провал. Деникин мечтал о восстановлении Великой, Единой и Неделимой России. Врангель был более реалистичен в своих целях. Его амбиции ограничивались созданием государства «Остров Крым». Отмечается, что на коротком отрезке времени эта задача могла быть успешно выполнена. Для этого Врангелю надо было укрепиться в Крыму. Но в перспективе Врангель не смог бы удержаться в Крыму. И в итоге его в любом случае ожидало поражение [10, с. 50].

Таким образом, среди аспектов, оцениваемых по-разному исследователями, можно выделить обеспечение армии Врангеля лучшими видами вооружений в необходимом количестве. Несмотря на наличие архивных данных, их трактовка зачастую противоположна.

Можно также отметить различные оценки успешности проведенных Врангелем военных реформ и боевых операций. В основном в работах исследователей подробно рассматриваются успехи в проведении боевых операций и реформ. И только немногочисленные работы оценивают негативно деятельность Врангеля. Следовательно, требуется взвешенный детальный анализ боевых операций и военных реформ Врангеля, который бы показывал как их успехи, так и неудачи с указанием возможным причин. И, наконец, требуется обосновать или опровергнуть утверждение некоторых исследователей, наиболее категорично представленное в работе Р.А. Медведева, о невозможности создания Врангелем «Острова Крым».

Литература

1. Акулов М.Р, Петров В.П. 16 ноября 1920 г.: Освобождение Красной армией Крыма. М.: Молодая гвардия, 1989. 235 с.
2. Бондаренко В.В. Легенды Белого дела. М.: Молодая гвардия, 2017. 360 с.
3. Гагкуев Р.Г. Белый Крым: попытка военной реформы в 1920 г. // Известия лаборатории древних технологий. 2014. №1 (10). С. 85-99.
4. Гурьев Е.П. Черноморский флот и врангелевская эпопея // Russian Colonial Studies. 2020. № 2(6). С. 17–22.
5. Иоффе Г.З. Генерал Врангель: «Умирали одиночные огни родного берега» // Наука и жизнь. 2008. №2. С. 70–73.
6. Коротков И.С. Разгром Врангеля. М.: Военное Издательство Министерства Обороны СССР, 1955. 327 с.

7. Краснов В.Г. Врангель. Трагический триумф барона: Документы. Мнения. Размышления. М.: Олма-Пресс, 2006. 654 с.
8. Кушер Ю.Л. Русская армия генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля // Военно-исторический журнал. 2006. № 1. С. 44-48.
9. Лобанов Б.В. Генерал П.Н. Врангель в Крыму // Russian Colonial Studies. 2020. № 2(6). С. 26-28.
10. Медведев Р.А. Почему проиграли белые? // Russian Colonial Studies. 2020. № 2(6). С. 49-50.
11. Пученков А.С. 1920 год: агония белого Крыма // Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век: Сб. статей. СПб.: Лема, 2018. С. 175-203.
12. Семенов В.В. Врангелиада как целостный феномен внутри Белого движения // Russian Colonial Studies. 2020. № 2(6). С. 45-48.
13. Слащев-Крымский Я.А. Белый Крым 1920 г. Мемуары и документы. М.: Наука, 1990. 292 с.
14. Фрунзе М.В. Избранные произведения. М.: Воениздат, 1951. 587 с.
15. Фрунзе М.В. Неизвестное и забытое: публицистика, мемуары, документы, письма / Сост. М.А. Жохов. М.: Наука, 1991. 272 с.
16. Хайрулин М.А., Кондратьев В.И. Военлеты погибшей Империи: авиация в Гражданской войне. М.: Эксмо. Яуза, 2008. 432 с.
17. Черкасов-Георгиевский В.Г. Генерал Петр Николаевич Врангель. Последний рыцарь Российской империи. М.: Центрполиграф, 2004. 509 с.

© Некрасов И.Б., 2026

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОИСКА ВЛАДЕЛЬЦА БОЕВОЙ МЕДАЛИ ПО ЕЁ НОМЕРУ

Аннотация. В статье рассматривается процесс установления личности владельца медали «За отвагу» периода Великой Отечественной войны, обнаруженной без сопроводительных документов в фондах школьного музея. Исследование базируется на анализе архивных источников, включая данные Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. В ходе работы идентифицирован ефрейтор Анатолий Антонович Новосельский, установлены обстоятельства его подвига и этапы боевого пути. Практическим результатом исследования стала организация проектной деятельности, направленной на сохранение исторической памяти и вовлечение учащихся в поисково-исследовательскую работу.

Ключевые слова: война; память; медаль; поиск; фалеристика; наградные документы; проект.

Сохранение исторической памяти о событиях и героях Великой Отечественной войны является важной задачей научного сообщества, государства и общества в целом. В последние годы особое внимание уделяется историческому просвещению [5]. Были приняты соответствующие документы на государственном уровне, среди которых особое место занимает Указ Президента России от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [7]. Необходимость исторического просвещения подчеркивал президент В.В. Путин неоднократно. Калущкая Е.К. и Французова О.А. справедливо считают, что «история жизни и подвигов героев разных эпох также может быть частью исторического просвещения» [4, с. 4]. Большое место принадлежит персонализированным исследованиям, направленным на изучение конкретных судеб участников войны.

Особую ценность приобретают поисковые проекты, связанные с идентификацией владельцев военных наград, поскольку каждая из них представляет собой не только символ признания, но и свидетельство личного подвига. В современной педагогической литературе проекты занимают важное место как способ активного обучения истории на уроках, а также и в занятиях внеурочной деятельностью [6]. Подчеркивается их роль при работе с материалами, формирующими гражданскую идентичность и чувство гордости за подвиги предков.

Значимую роль в этом процессе играют школьные и студенческие музеи, где нередко хранятся награды, поступившие без сопроводительных документов. Такие находки становятся не просто музейными экспонатами, а своеобразными историческими загадками, требующими решения. В условиях ограниченных ресурсов образовательного учреждения особенно важно выработать алгоритм атрибуции подобных артефактов, который можно воспроизводить в рамках исследовательской и проектной деятельности.

Целью данного исследования стало установление личности владельца медали «За отвагу» № 142071 и восстановление обстоятельств его подвига на основе архивных источников. Для достижения поставленной цели последовательно решались задачи:

1. Осуществить фалеристический анализ медали для установления времени и места ее изготовления.
2. Реконструировать алгоритм поиска информации в государственных и ведомственных структурах (военкомат, Минобороны, монетные дворы, архив).
3. На основе данных ЦА МО РФ установить биографические данные и боевой путь ефрейтора А.А. Новосельского.
4. Проанализировать потенциал подобных исследований в рамках проектной деятельности школьников.

Медаль «За отвагу» учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1938 года и стала одной из первых советских боевых наград, предназначенных для поощрения личного мужества и отваги в боевых условиях [8]. За годы войны награда претерпела ряд технологических изменений, что позволяет с высокой степенью точности датировать её выпуск. Анализ особенностей медали №142071 показал, что она относится к раннему типу, характерному для периода 1942–1943 годов: с прямоугольной серебряной или посеребренной колодочкой размером 14x25 мм, покрытой красной муаровой лентой шириной 26 мм [2, с. 30]. Эти данные позволили сузить временные рамки поиска.

Медаль была обнаружена в фондах школьного музея МБОУ «Средняя школа №40» города Нижневартовска. Отсутствие документов требовало обращения в различные учреждения. Первоначально запрос был направлен в военкомат, однако данных о владельце не оказалось. Далее последовали обращения в Министерство обороны Российской Федерации и на монетные дворы Москвы и Санкт-Петербурга. В ходе консультаций специалисты Монетного двора Санкт-Петербурга подтвердили, что награда относится к числу их ранних выпусков и рекомендовали обратиться в Центральный архив Министерства обороны РФ, где хранятся наградные документы.

Рис. 1. Аверс и реверс медали «За отвагу» № 142071

Совместно с научным руководителем Алексеевой Любовью Васильевной был подготовлен официальный запрос в архив. Через несколько недель был получен ответ, согласно которому медаль «За отвагу» № 142071 вручена ефрейтору Новосельскому Анатолию Антоновичу, 1919 года рождения, уроженцу рудника Карбонит Попаснянского района Ворошиловградской области. На момент награждения он командовал орудием 151-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона 86-й дивизии ПВО [9, с. 2].

В наградном листе подробно описан его подвиг: в августе 1942 года при отражении вражеской атаки на подступах к реке Кубань расчёт под его командованием уничтожил наблюдательный пункт, пулемётную точку и до батальона пехоты противника, сорвав попытку переправы. Позднее, 10 августа, огнём расчёта были уничтожены четыре автомашины врага [1, с. 4].

Рис. 2. Владелец медали «За отвагу» № 142071 ефрейтор А.А. Новосельский и его наградной лист [1]

В дальнейшем Новосельский был награждён медалью «За боевые заслуги», медалью «За оборону Кавказа» и юбилейным орденом Отечественной войны II степени. Демобилизован он был 20 марта 1946 года.

Проведенная работа показала, что даже при отсутствии сопроводительных документов можно установить личность награждённого, если использовать комплексный подход: фалеристический анализ, архивные запросы, консультации со специалистами и взаимодействие с государственными структурами.

Критический анализ визуальных и вещественных исторических источников развивает умения и обогащает опыт анализа источников, а также позволяет школьникам на доступном уровне уяснить сущность базовых процедур научного исторического познания, на конкретных примерах обнаружить и обсудить с учителем и одноклассниками сложные проблемы методологического характера, над которыми задумываются современные историки [3, с. 172].

Таким образом, исследование подтвердило, что организация проектной деятельности на материале реальных поисковых задач способствует формированию у студентов и школьников исследовательских компетенций, умению работать с историческими источниками и осознанному отношению к прошлому страны. Реализация подобных проектов становится важным инструментом сохранения исторической памяти и эффективной формой гражданско-патриотического воспитания молодёжи.

В заключение следует отметить, что на примере медали «За отвагу» №142071 доказана эффективность многоэтапного алгоритма поиска, сочетающего фалеристический и архивный анализ. Несмотря на фрагментарность электронных баз данных, документы Центрального архива Министерства обороны РФ сохраняются в полном объёме и позволяют с высокой точностью восстанавливать биографии участников войны. Включение подобных исследований в проектную деятельность образовательных учреждений открывает возможности для системной работы по увековечению памяти защитников Отечества и популяризации исторического наследия среди молодого поколения.

Литература

1. Альбом участника Великой Отечественной войны: Новосельский Анатолий Антонович // Память народа: сайт. <https://clck.ru/3Qywjе>
2. Володин Н.А., Мерлай Н.М. Медали СССР. СПб.: Печатный двор, 1997. 304 с. <https://clck.ru/3Qywos>.
3. Зверев В.А., Хлытина О.М. Историческое образование школьников в современной России: актуальные вопросы теории и практики. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2025. 255 с.
4. Калущкая Е.К., Французова О.А. Организация мероприятий по историческому просвещению в основной и средней школе // Преподавание истории в школе. 2024. №10. С. 3-8.
5. Павлов В.С. Роль исторического просвещения в государственной идеологии России // Российское право онлайн. 2025. № 1. С. 27-32.
6. Стрелова О.Ю., Вяземский Е.Е. История в проектах. Педагогическое сопровождение. М.: Русское слово, 2021. 200 с.
7. Указ Президента России от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». <https://clck.ru/3Qywua>.
8. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1938 г. «Об учреждении медали "За отвагу"». <https://clck.ru/3Qyx2q>.
9. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ответ № 2/4/5389 от 15.03.2024. 2 с.

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЕРМАХТОМ ПРИБЫВАЮЩИХ ИЗ ЕВРОПЫ РЕЗЕРВОВ ДЛЯ НАСТУПЛЕНИЙ И КОНТРУДАРОВ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ

Аннотация. В статье уделено внимание ситуациям, когда прибывающие из Европы немецкие резервы не были вовремя вскрыты советской разведкой, и как это в итоге отразилось на оперативно-тактической обстановке на советско-германском фронте. Также разобрана ситуация, при которой ввод в бой немецких резервов уже не был неожиданным для советской стороны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; резервы; танковые дивизии; танковые корпуса; разведка; планы противника; оборона.

В период Второй Мировой войны любое командование старалось иметь резервы, которые в решающий момент можно было бы бросить на чашу весов сражения или кампании и склонить военную удачу в свою пользу. Но как это часто бывает, любое даже самое сильное соединение эффективно и опасно будучи развернутым в боевые порядки. На этапе следования к линии фронта или в момент выгрузки в точке прибытия самые опытные части очень уязвимы, и если у противника есть «длинная рука» в виде авиации, дальнобойной артиллерии (ракет) или диверсионных групп, способных пустить под откос эшелон с личным составом и техникой, то не факт, что задуманное наступление или контрудар будут реализованы – резервы просто не доедут, будучи уничтоженными в пути, или придут уже в негодном виде. Но для того, чтобы резервы противника можно было «поймать в неудобном положении на путях следования» нужно, чтобы разведка работала очень качественно и своевременно передавала соответствующие данные. К сожалению, за годы Великой Отечественной войны советская разведка крайне редко вскрывала факт прибытия на тот или иной участок фронта крупных танковых резервов немцев, что приводило порой к тяжелейшим для Красной армии последствиям.

Данная проблема была рассмотрена в ряде работ советских и современных исследователей. Так внимание действиям немецких резервов, переброшенных из Европы, было уделено уже в 12-томнике по истории второй мировой войны [5-11]. Действия советской разведки были рассмотрены в фундаментальной работе И.И. Ландера [12], а также в частных исследованиях о разведывательном обеспечении тех или иных операций советского командования в Великой Отечественной войне [13, с. 16-20], а также в работах А.В. Исаева [4]. Среди крупных зарубежных исследователей действий немецких танковых соединений и объединений необходимо отметить Вильгельма Тике [20] и Камена Невенкина [19]. Однако, ни одна из работ не носила обобщающего, прикладного характера, что позволяло бы сделать соответствующие выводы для понимания подобных действий противника в будущих вооруженных конфликтах.

Источниками для раскрытия темы послужили мемуары военачальников Второй Мировой войны П.И. Батова [1], Гейнца Гудериана [3], Эриха фон Манштейна [14], А.М. Василевского [2]. Кроме того, были привлечены и иностранные источники – материалы из Бундесархива (ФРГ, г. Фрайбург) о потерях немецких танковых армии на советско-германском фронте [17, 18].

В том, что именно танковые дивизии немцев играли первую скрипку во всех стратегически важных событиях, происходящих на Советско-Германском фронте, напрямую указывал генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн в своих мемуарах:

«Нельзя было бы также успешно руководить этой зимней кампанией, если бы не наши танковые дивизии, которые сражались с невероятной маневренностью, нанося удары сегодня здесь, а завтра там, и тем самым умножали эффект своих действий [14, с. 498]. .... Гитлер всегда в принципе был за упорное удержание захваченного, в то время как мы видели средство к достижению победы в маневренном ведении операций, так как в этом отношении противник уступал нашему командованию и нашим войскам [14, с. 438]» и т. п.

В этих нескольких строках немецкого генерал-фельдмаршала видна вся суть немецкого подхода к танковой войне на Восточном фронте. Быстрые маневры немецких танковых дивизий и их удары в разных местах можно было парировать только такими же оперативными действиями достаточных по силе и мобильности советских танковых и механизированных соединений, но для того, чтобы парирование этих ударов было эффективным нужна была четкая работа разведки, вовремя вскрывающей прибытие немецких танковых резервов.

За период Великой Отечественной войны немцы неоднократно перебрасывали танковые резервы из Европы для того, чтобы использовать их в предстоящих наступлениях или нанести контрудары. Несмотря на ореол таинственности вокруг спецслужб, созданный такими исследователями деятельности советской разведки, как А.Б. Мартиросян и А.И. Колпакиди, а также официальной пропагандой [11, с. 289], ни разу переброска немецких соединений и даже объединений не была вскрыта нашей разведкой или успешно парирована войсками, при чем если «туман войны» на начальном этапе еще можно было списать на «внезапное нападение» 1941 года, то дальше вопрос стоит о наличии реальной советской агентуры в немецких штабах, которой видимо просто не было.

В данной работе мы рассмотрим случаи как единичных (частных) «приездов» немецких танковых дивизий из Европы, так и переброску целых танковых объединений уровня корпус-армия, которые создавали кризисы на фронте и порой срывали замыслы советского командования.

В качестве первого общего примера рассмотрим события января 1942 г. на Северо-Западном фронте. 7 января 1942 г. началась Демянская наступательная операция, проводимая силами фронта генерал-лейтенанта П.А. Курочкина с целью окружить части II-го армейского корпуса в районе Демянска. 8 февраля цель была достигнута и немецкие 12-я, 30-я, 32-я, 123-я, 290-я пехотные дивизии и 3-я моторизованная дивизия СС «Мертвая голова» попали в окружение. Немцы с данным положением дел не смирились и начали готовить деблокирующий удар. 21 марта в наступление перешла боевая группа «Зейдлиц-Курцбах»,

состоявшая из трех дивизий, переброшенных из Европы – 5-й и 8-й легкопехотных дивизий, а также 329-й пехотной дивизии, усиленных танками 203-го отдельного танкового полка (все в основном прибыли на фронт в феврале 1942 г.). В итоге 21 апреля боевая группа «Зейдлиц-Курцбах» пробила так называемый «Рамушевский коридор», а 5 мая блокада немецкой демянской группировки была снята окончательно [5, с. 316]. В результате образования «Рамушевского коридора» бои с немцами затянулись до февраля-марта 1943 г., а Северо-Западный фронт только за 1942 г. потерял 184 263 чел. безвозвратно и 374 845 чел. составили потери санитарные.

Следующий, уже частный пример – переброска из Франции 6-й танковой дивизии на Сталинградское направление и ее участие в деблокирующем ударе генерал-фельдмаршала фон Манштейна (операция «Зимняя гроза»), который тот нанес 12 декабря 1942 г., дабы спасти армию Паулюса, окруженную в Сталинграде [6, с. 64]. О том, что прибыло свежее полнокровное танковое соединение советские части узнали от захваченных пленных из состава 6-й танковой дивизии [4, с. 350]. В результате удара оборона 51-й армии генерал-майора Н.И. Труфанова был прорвана – немцы не дошли до окруженной 6-й армии всего 35-40 км. Чтобы парировать этот удар, пришлось задействовать 2-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского, которую взяли из состава войск фронта генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского, что затянуло проведение, а также ход операции «Кольцо».

Вторым общим примером является прибытие танкового корпуса СС под Харьков в феврале-марте 1943 г. [6, с. 129-131], куда помимо трех панцергренадерских дивизий СС была переброшена еще и 7-я танковая дивизия, о которой в источниках упоминают как бы вскользь. В своих мемуарах маршал А.В. Василевский констатирует, что немецкие резервы были выявлены лишь когда вступили в бой на реке Оскол:

«Правда, нам было известно, что враг в спешном порядке перебрасывает сюда значительные силы. В частности, из Западной Европы в район Харькова прибывал 2-й танковый корпус СС (танковые дивизии «Рейх», «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова»). Передовые части корпуса были уже зафиксированы на реке Оскол. Это обстоятельство, безусловно, обязывало нас спешить с развитием наступления на Курск и Харьков» [2, с. 309].

В итоге вместо того, чтобы подтянуть тылы и сесть в оборону, встретив противника на подготовленных позициях за минными полями, советские части «спешили с развитием наступления на Курск и Харьков». Как результат – 4 свежих ударных соединения коренным образом изменили обстановку на Харьковском направлении, что привело к поражению частей 6-й армии генерал-лейтенанта Ф.М. Харитонова и 3-й танковой армии генерал-лейтенанта танковых войск П.С. Рыбалко, а затем и к потере Харькова и Белгорода. Наши части с 13 января по 25 марта 1943 г. потеряли безвозвратно 100 694 чел., а санитарные потери составили 139 336 чел.

«Свежий» корпус СС в этих боях потерял около 12 000 чел., в основном активных штыков из состава линейных батальонов мотопехоты, также 26 февраля 1943 г. погиб командир 3-й панцергренадерской дивизии СС «Мертвая голова» обергруппенфюрер СС Теодор Эйке.

Еще одним примером внезапного появления противника является переброска 1-й танковой дивизии (на 1 октября 1943 г. – 16 820 чел. [19, с. 91]), 25-й танковой дивизии (на 1 октября 1943 г. – 14 531 чел. [19, с. 567]) и 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» (на 1 октября 1943 г. – 22 190 чел. [19, с. 797]) в состав немецкого 48-го танкового корпуса на Киевское направление в ноябре 1943 года [7, с. 261]. В результате внезапного немецкого удара части 60-й армии генерал-лейтенанта И.Д. Черняховского попали в окружение, а Житомир с Брусиловым пришлось оставить, в целом же советские части были отброшены на 30-40 км. Потери 1-го Украинского фронта в Киевской оборонительной операции составили 26 443 чел. безвозвратно и 61 030 чел. санитарных потерь. Особого кризиса в этот раз не случилась, но тенденция с «необнаружением» немецких резервов продолжалась. Потери вновь прибывших немецких дивизий за ноябрь 1943 г. были значительными, особенно в бронетехнике, и составили:

– 1-я танковая дивизия – 236 чел. убито, 944 чел. ранено и 22 чел. пропали без вести. Из 178 танков Pz.IV и «Пантера», которые дивизия ввела в бой, уничтожено 63 и еще 29 были подбиты и на конец ноября находились в ремонте [19, с. 91];

– 25-я танковая дивизия – 280 чел. убито, 790 чел. ранено и 290 чел. пропало без вести. Из 101 танка Pz.IV, которые дивизия ввела в бой, уничтожено 60 и еще 14 были подбиты и на конец ноября находились в ремонте [19, с. 567];

– 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» – 363 чел. убито, 1 289 чел. ранено и 33 чел. пропали без вести. В их числе был и погибший 20 ноября 1943 г. командир 1-го танкового полка СС оберштурмбанфюрер СС Георг Шенбергер. Из 200 танков Pz.IV и «Пантера», которые дивизия ввела в бой, уничтожено 63 и еще 98 были подбиты и на конец ноября находились в ремонте. Также дивизия использовала 27 тяжелых танков «Тигр». Из них за ноябрь 11 было уничтожено и 14 подбито и находилось в ремонте [19, с. 797].

В середине декабря 1943 г. против фронта генерала армии К.К. Рокоссовского, который к этому времени уже сражался на земле Белоруссии, была перебросена из Европы 16-я танковая дивизия (на 15 декабря 1943 г. – 15 041 чел., 98 танков Pz.IV [19, с. 401]), восстановившаяся после сталинградского разгрома. Советская разведка это не вскрыла, а командование 65-й армии в лице генерал-лейтенанта П.И. Батова явно не ожидало появления здесь полнокровного танкового соединения. 20 декабря 16-я танковая дивизия ударила под Раконичами и Дуброва (южнее населенного пункта Паричи), 22-24 декабря вела бои под Осопна и Поганцы, а 26/27 декабря атаковала под Кишином [19, с. 384]. Все это привело к тому, что советские части в некоторых местах были отброшены на 25–30 километров [1, с. 254]. Кризисная ситуация в полосе группы армий «Юг» из-за начавшейся 24 декабря Житомир-Бердичевской операции вынудила немцев перебросить 16-ю танковую дивизию на юг, и кризис в полосе Белорусского фронта миновал. Потери 16-й танковой дивизии в этих боях составили 216 чел. убитыми, 730 чел. ранеными и 30 чел. пропали без вести. Из 98 танков Pz.IV было уничтожено 30 и еще 26 подбито и находилось в ремонте [19, с. 401].

Аналогичная ситуация, но с меньшим для немцев эффектом произошла в это же время в полосе 33-й армии генерал-полковника В.И. Гордова на Западном фронте генерала армии

В.Д. Соколовского. 23 декабря 1943 г. армия Гордова перешла в наступление с целью освободить город Орша, а уже 25 декабря против нее была введена в бой прибывшая из Европы панцергренадерская дивизия «Фельдхернхалле». Разведка также не вскрыла переброску танковых резервов, но в отличие от Белорусского фронта в полосе 33-й армии «свежим немцам» было навязано встречное сражение, что привело к потере дивизией «Фельдхернхалле» почти 4 000 человек и практически к уничтожению ее танкового батальона, насчитывавшего до начала боев около 90 танков и штурмовых орудий [16, с. 187].

Весной 1944 г. при проведении Проскуровско-Черновицкой наступательной операции 1-й Украинский фронт стремился разгромить части немецких 1-й и 4-й танковых армий и ему это почти удалось, но советская разведка опять проглядела прибывший из Европы II-й танковый корпус СС в районе Тарнополя [8, с. 90]. 26 марта 1944 г. корпус был поднят по тревоге во Франции и вскоре первые части 10-й танковой дивизии «Фрунсберг» (на 5 апреля 1944 г. – 18 257 чел., 40 танков Pz.IV и 42 штурмовых орудия StuG.III [19, с. 899]) атаковали советские соединения в районе города Бучач, а части 9-й танковой дивизии СС «Гогенштауфен» (на 1 апреля 1944 г. – 18 601 чел., 49 танков Pz.IV и 44 штурмовых орудия StuG.III [19, с. 880]) атаковали в районе населенного пункта Злотники. В итоге немецкая деблокирующая группировка пробилась вдоль левого берега Днестра и 6 апреля соединилась с войсками, наносившими контрудар из района окружения, прорвав оборону 18-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора И.М. Афолина. Попытка советских войск преследовать противника и разбить ослабленные прорывом войска не увенчалась успехом: немцы сумели навязать тяжёлое 10-дневное сражение в районе Бучача и остановить советское наступление. При этом дивизии СС тоже понесли ощутимые потери:

– 9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен» потеряла с 1 по 30 апреля: 797 чел. убитыми, 1 610 чел. ранеными и 46 чел. пропали без вести [17, с. 120, 18, с. 148-150];

– 10-я танковая дивизия СС «Фрунсберг» с 5 по 20 апреля потеряла: 577 чел. убитыми, 1 462 чел. ранеными [17, с. 120] и 68 чел. пропавшими без вести [20, с. 626].

Успешное летнее наступление в Белоруссии хотя и привело к разгрому пехотных соединений группы армий «Центр», но отнюдь не сломало волю немцев к сопротивлению, и здесь также неожиданное появление немецких резервов сыграло свою негативную роль. Прибытие парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг» (на 1 августа 1944 года – 15 981 чел., 64 танка Pz.IV и 31 истребитель танков Jg.Pz.IV [19, с. 715]) и 19-й танковой дивизии (81 танк Pz.IV, 93 танка «Пантера» и 21 истребитель танков Jg.Pz.IV [19, с. 455]) под Варшаву летом 1944 г. [9, с. 63] сильно осложнило положение вырвавшихся вперед к Праге танкистов 2-й танковой армии. Ввиду тяжелого ранения командующего 2-й танковой армией генерал-лейтенанта танковых войск С.И. Богданова временно командовал армией начальник штаба генерал-майор А.И. Радзиевский. В результате тяжелых боев против 4-й, 19-й танковых дивизий, 3-й танковой дивизии СС «Мертвая Голова» и 5-й танковой дивизии «Викинг», а также частей парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг» особенно пострадали танковые бригады 3-го танкового корпуса 2-й танковой армии – пропал без вести командир 50-й танковой бригады майор И.Н. Фундованный, погиб командир 51-й танковой бригады герой

Советского Союза полковник С.Н. Мирвода [15, с. 469]. Бои на вислинском рубеже затянулись до января 1945 года.

Потери «прибывших» также оказались значительными:

– парашютно-танковая дивизия «Герман Геринг» за август потеряла: 481 чел. убит, 1 851 чел. ранен и 382 чел. пропали без вести, 27 танков Pz.IV и 13 истребитель танков Jg.Pz.IV в боях были уничтожены, еще 9 танков и 4 истребителя танков находились в ремонте с боевыми повреждениями [19, с. 715];

– 19-я танковая дивизия за август потеряла: 481 чел. убит, 2 012 чел. ранено, 164 чел. пропало без вести, 19 танков Pz.IV и 40 танков «Пантера» в боях были уничтожены, еще 37 танков Pz.IV, 12 танков «Пантера» и 3 истребителя танков находились в ремонте с боевыми повреждениями [19, с. 455].

Не меньше неприятностей немецкие резервы доставили нашему командованию и в Венгрии. Скрытно прибывший под Будапешт IV-й танковый корпус СС [10, с. 166] в составе 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» (на 1 января 1945 г. – 20 663 чел., 34 танка Pz.IV, 27 танков «Пантера» и 11 танков «Тигр», а также 32 штурмовых орудия StuG.III и 20 истребителей танков Jg.Pz.IV [19, с. 838–839]) и 5-й танковой дивизии СС «Викинг» (на 1 января 1945 года – 19 745 чел., 10 танков Pz.IV, 24 танка «Пантера», а также 5 штурмовых орудий StuG.III [19, с. 860–861]) создал огромные проблемы советским частям в полосе 4-й гвардейской армии генерала армии Г.Ф. Захарова.

1 января 1945 г. немцы начали операцию «Конрад I» – IV-й танковый корпус СС нанес неожиданный удар по обороне 31-го гвардейского стрелкового корпуса Героя Советского союза генерал-майора С.А. Бобрука и прорвал ее, но кризис был вскоре купирован подошедшими резервами, 9 января началась операция «Конрад II» (в этот раз у СС-овцев была вспомогательная роль), а 18 января они повели операцию «Конрад III» и прорвали оборону 135-го стрелкового корпуса генерал-майора П.В. Гнедина, что в итоге привело к прорыву всей обороны 4-й гвардейской армии генерала и снятию резервов из полосы 2-го Украинского фронта для исправления ситуации. Уничтожение гарнизона Будапешта затянулось до 13 февраля 1945 года.

Потери немецких дивизий за январь 1945 г. составили:

– 3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова» – 737 чел. убито, 2 623 чел. ранено и 206 чел. пропало без вести. В их числе был и командир 1-го танкового батальона 3-го танкового полка СС штурмбанфюрер СС Эрвин Мейердресс. 26 января погиб уже командир всего 3-го танкового полка СС штурмбанфюрер СС Адольф Питчеллис. Потери в бронетехнике за январь были следующими: сгорело 18 танков Pz.IV, 13 танков «Пантера», 17 штурмовых орудий StuG.III и 11 истребителей танков Jg.Pz.IV. К концу января находилось в ремонте в виду боевых повреждений 11 танков Pz.IV, 11 танков «Пантера», 11 танков «Тигр», 8 штурмовых орудий StuG.III и 6 истребителей танков Jg.Pz.IV [19, с. 838–839].

– 5-я танковая дивизия СС «Викинг» – 542 чел. убито, 2 051 чел. ранено и 194 чел. пропало без вести. Потери в бронетехнике за январь были следующими: сгорело 5 танков Pz.IV

и 8 танков «Пантера». К концу января находилось в ремонте в виду боевых повреждений 2 танка Pz.IV, 11 танков «Пантера» и все 5 штурмовых орудий StuG.III [19, с. 860-861].

Самый интересный и спорный случай – это прибытие 6-й танковой армии СС в Венгрию после неудачного наступления в Арденнах. Согласно советской историографии в конце января 1945 г. советская военная разведка (ГРУ) установила начало переброски из Арденн на Восточный фронт соединений 6-й танковой армии СС, при этом начальник ГРУ генерал И.И. Ильичёв сделал вывод, что не исключено появление перед советскими войсками и всей этой армии [13, с. 16–20].

Но дело в том, что уже 16 февраля 1945 г. 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» и 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» из состава 6-й танковой армии СС начали операцию «Южный ветер» и нанесли удар по советскому плацдарму на западном берегу реки Грон и к 24 февраля уничтожили его [19, с. 788]. А 21 февраля И.И. Ильичёв доложил И.В. Сталину, что 6-я танковая армия СС в полном составе направляется в Венгрию [13, с. 16-20]. То есть разведка доложила И.В. Сталину о переброске в Венгрию с большим опозданием.

В итоге для отражения немецкого мартовского контрудара были проведены подготовительные мероприятия по опыту Курской битвы: построена многоэшелонная противотанковая оборона, для чего на 83-километровом участке от Ганта до оз. Балатон было создано 66 противотанковых районов и сосредоточено 65% всей артиллерии фронта. На наиболее опасных направлениях плотность артиллерии доходила до 60–70 орудий и миномётов на один километр фронта. Глубина обороны на отдельных участках достигала 25–30 км. На направлении предполагаемого главного удара войска фронта были построены в два эшелона. В первом эшелоне оборонялись две армии: 4-я гвардейская на участке Гант – Шерегейеш и 26-я на участке Шерегейеш – восточная оконечность озера Балатон. 27-я армия находилась во втором эшелоне фронта. На второстепенном направлении от западной оконечности озера Балатон до Коньи-Етвеш занимала оборону 57-я армия. На левом крыле фронта оборонялась 1-я болгарская армия. Слева к 3-му Украинскому фронту примыкала 3-я югославская армия. В резерве фронта находились 18-й и 23-й танковые, 1-й гвардейский механизированный и 5-й гвардейский кавалерийский корпуса, а также несколько артиллерийских частей и соединений.

Чтобы прорвать оборону советских войск на 1 марта противник собрал немалые танковые силы:

– 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» имела около 17 700 чел., 30 танков Pz.IV, 28 танков «Пантера», 20 истребителей танков Jg.Pz.IV, 3 штурмовых орудия StuG.III, а также 33 танка «Тигр» [19, с. 789];

– 2-я танковая дивизия СС «Дас Райх» имела 17 211 чел., 28 танков Pz.IV, 39 танков «Пантера» и истребителей танков «Ягдпантера», 21 истребителей танков Jg.Pz.IV, 29 штурмовых орудий StuG.III [19, с. 819–820];

– 9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен» имела 23 танка Pz.IV, 40 танков «Пантера», 24 истребителей танков Jg.Pz.IV, 10 истребителей танков «Ягдпантера», 26 штурмовых орудий StuG.III [19, с. 872];

– 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» имела около 18 955 чел., 39 танков Pz.IV, 30 танков «Пантера», 52 истребителя танков Jg.Pz.IV [19, с. 917-918].

Немцы атаковали 6 марта, начав операцию «Весеннее пробуждение», и в течение 10 дней не смогли добиться ничего существенного – продвижение составило от 8 до 30 км, успехом это было назвать сложно. А уже 16 марта советские части начали Венскую наступательную операцию и немецкий фронт практически рухнул.

Г. Гудериан, занимавший в тот момент должность начальника Генерального штаба сухопутных войск, писал: *«Наконец, исчезли все шансы на крупный успех. Был утрачен сохранявшийся до сих пор высокий боевой дух эсэсовских дивизий. Под прикрытием упорно сражающихся танкистов вопреки приказу отступали целые соединения»* [3, с. 579].

Чтобы остановить наши части, противник бросил в бой старых знакомых из состава IV-го танкового корпуса СС:

– 3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова» имела на 1 марта 19 155 чел., 18 танков Pz.IV, 14 танков «Пантера», 7 танков «Тигр», 5 истребителей танков Jg.Pz.IV, 15 штурмовых орудий StuG.III [19, с. 838].

– 5-я танковая дивизия СС «Викинг» имела на 1 марта 19 964 чел., 4 танка Pz.IV, 15 танков «Пантера», 5 штурмовых орудий StuG.III [19, с. 860].

Но ничего не вышло – все СС-овские дивизии в этом последнем сражении понесли большие потери. Установить их размер сложно, так как многие отчеты конца войны утрачены в пылу отступления или уничтожены при разгроме дивизий. В марте 1945 г. наши войска уже ждали немцев, и положительный результат при отражении наступления не заставил себя ждать.

По одному из бытующих мнений, именно И.В. Сталин в беседе с американским послом Гарриманом высказался о том, что «Вторая Мировая война – это война моторов». Моторизация в период войны была с первых дней поставлена на максимально высокий уровень – немецкая теория «Молниеносной войны» стояла на фундаменте максимальной моторизации ударных соединений, способных наносить мощные стремительные удары и крушить оборону врага, развивая успех в глубину вражеской обороны. Как видим, немецкое командование умело оперировало танковыми соединениями и было опасным противником до конца войны, что и подтверждается наглядными примерами из опыта сражений на советско-германском фронте.

Литература

1. Батов П.И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1962. 407 с.
2. Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Вече, 214. 608 с.
3. Гудериан Г. Воспоминания солдата: Пер. с нем. Смоленск: Русич, 1998. 653 с.
4. Исаев А.В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М.: Яуза: Эксмо, 2018. 541 с.
5. История второй мировой войны 1939–1945. Т. 4: Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «молниеносной войны» / под ред. Н.Г. Андронникова. М.: Воениздат, 1975. 535 с.

6. История второй мировой войны 1939–1945. Т. 6: Коренной перелом в войне / под ред. И.В. Паротькина и Г.Т. Хорошилова. М.: Воениздат, 1976. 513 с.
7. История второй мировой войны 1939–1945 Т. 7: Завершение коренного перелома в войне / под ред. Б.Г. Соловьева. М.: Воениздат, 1976. 559 с.
8. История второй мировой войны 1939–1945 Т. 8: Крушение оборонительной стратегии фашистского блока / под ред. Е.П. Егорова. М.: Воениздат, 1977. 526 с.
9. История второй мировой войны 1939–1945 Т. 9: Освобождение территории СССР и Европейских стран. Война на Тихом океане и в Азии. М.: Воениздат, 1978. 565 с.
10. История второй мировой войны 1939–1945 Т. 10: Завершение разгрома фашистской Германии / под ред. Н.И. Шеховцов. М.: Воениздат, 1979. 535 с.
11. История второй мировой войны 1939–1945 Т. 12: Итоги и уроки Второй Мировой войны / под ред. С.А. Тюшкевич. М.: Воениздат, 1982. 488 с.
12. Ландер И.И. Негласные войн. История специальных служб 1919-1945 в трех томах. Одесса: «Друк», 2007.
13. Лота В.И. Разведывательное обеспечение Балатонской оборонительной операции Красной Армии в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2006. № 5. С. 16–20.
14. Манштейн Э. Утерянные победы. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 896 с.
15. Небольсин И. Вторая гвардейская танковая армия. Документальная монография. М.: ФУТУРИС, 2012. 824 с.
16. Полищук А.А. Генерал Гордов против «Белого медведя»... Витебская операция зимы 1943/44. М.: Перо, 2025. 193 с.
17. Barch, RW 6-573, Bl. 120. Gesamtzahl der Verluste des Pz.A.O.K.1.
18. Barch, RW 6-576, Bl. 148-150. Gesamtzahl der Verluste des Pz.A.O.K.4.
19. Nevenkin Kamen. Fire brigades. The Panzer Divisions 1943-1945. J.J. Fedorowicz Publishing.Inc. Copyright, 2008. 940 S.
20. Tieke Wilhelm. Im Feuersturm letzter Kriegsjahre. II.SS-Panzerkorps mit 9. und 10. SS-Division «Hohenstaufen» und «Frunsborg». Munin verlag gmbh osnabruck. 1975. 638 S.

© Полищук А.А., 2026

ОБЪЯСНЕНИЕ ПРИЧИН И ХОДА ВОЙНЫ ПО ТЕМЕ «КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ 1524–1525 гг.» В 7 КЛАССЕ

Аннотация. На основе анализа методической литературы и практического опыта представлены сложности в преподавании военной истории, в том числе со стороны обучающихся. В работе рассмотрена роль объяснения как основного словесного метода при работе с хронологией и причинно-следственными связями в рамках тем военной истории в общеобразовательной школе.

Ключевые слова: военная история; словесные методы; объяснение.

История как учебный предмет включает в себя множество блоков, но основная часть материала в программе представлена политической и военной историей [9]. Многие ключевые события русской и зарубежной истории выражены именно через военные конфликты, изучение которых не только дает представление о различных аспектах в исторической науке (международные отношения, национальная история, роль личности в истории), но и способствует формированию патриотических ценностей.

Преподавание подобных тем имеет множество сложностей от подбора материалов для изучения на уроке до содержания регионального компонента в учебниках по данным темам, что вызывает интерес исследователей и дискуссии среди ученых. Об изучении военной истории на уроках и поиске новых методических приемов пишут М.В. Короткова и И.Ю. Синельников, затрагивает дискуссионные вопросы в рамках подбора материала для урока С.В. Агафонов, анализируют содержание школьных учебников по военной тематике Л.В. Алексева, П.В. Тетерин и В.Ж. Цветков [1; 2; 6-8; 10].

Мы уже упоминали о том, что военная история включает в себя множество аспектов, которые полностью невозможно рассмотреть на уроке ввиду ограниченного количества времени и сжатого учебного плана. Каждый учитель самостоятельно определяет, на чем именно акцентировать внимание учащихся во время изучения темы, но общие вопросы в рассмотрении всех военных конфликтов есть: хронологические рамки столкновения, его причины, стороны, основные события и итоги.

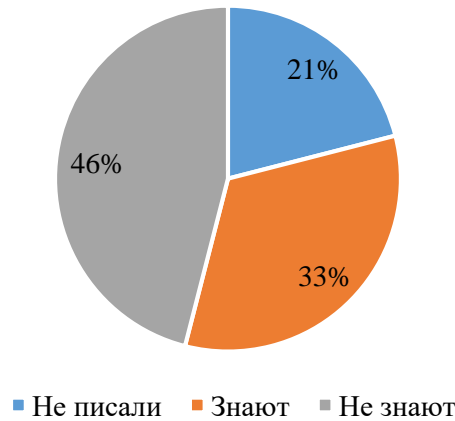
Рассмотрим причины и основные события в рамках преподавания военной истории. Причины раскрывают связи между разрозненными историческими процессами и явлениями, изучаемыми в рамках разных тем (развитие экономики и общества, взаимоотношения между различными государствами, особенности развития отдельных стран), основные события в свою очередь дают учащемуся представление о ходе военных действий в разные эпохи, дополняя «картинку» о данном времени в головах у детей. Исторические события относятся к фактографическому материалу, и их усвоение идет чаще всего на репродуктивном уровне – запоминание дат и последовательности битв и сражений. Причины же являются совокупностью теоретического материала – теории, закономерности, понятийный аппарат.

Соответственно, изучение хронологии войн является более простым для учащихся в отличие от усвоения причинно-следственных связей в рамках военного конфликта. Именно для лучшего усвоения учащимися сложных тем и создания прочного представления о событиях прошлого, дополнения системы знаний учащихся новым материалом подходят словесные методы, в частности, объяснение.

Словесные методы наиболее часто применяются в преподавании истории, имеют большое значение и остаются актуальным для изучения в методической науке. Слово учителя позволяет установить близкий контакт с классом. Эффективность воздействия на ученика словесными методами отмечали многие исследователи: А.А. Вагин, П.В. Гора, Н.Г. Дайри, все они сходились на том, что живое слово учителя помогает закрепить в сознании ученика яркий образ исторического события, факта, явления [3-5]. Метод объяснения является одним из важнейших при формировании знаний об исторических закономерностях, сущностях явлений и понятий. Он относится к методам устного изложения по классификации А.А. Вагина. Главной целью данного метода является раскрытие сущности изучаемых процессов, явлений, их причин, механизмов действий, что прекрасно подходит для раскрытия причинно-следственных связей в военных конфликтах. Метод объяснения дает большие возможности педагогу в донесении информации до учащихся, он раскрывает системность в обучении, так как учитель при объяснении связывает материал урока с уже пройденными темами и «прокидывает мостик» в современность, говоря о данном явлении или процессе в наше время. При применении объяснения у учащихся формируются научные взгляды на развитие общества, с помощью него учащимся объясняются наиболее сложные процессы и явления в истории. С помощью объяснения учитель не только раскрывает суть процессов, понятий и явлений, но и через эти знания помогает учащимся создавать собственную картину мира, понимать, что происходит в социуме и как с ним взаимодействовать.

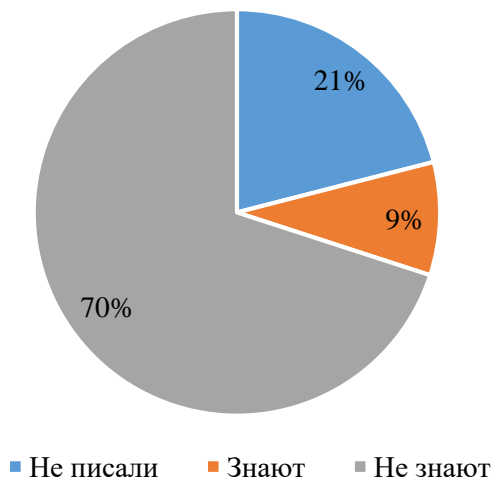
Рассмотрим, как применение словесных методов при изучении военной истории выглядит на практике. Крестьянская война в Германии 1524–1525 гг. изучается в 7 классе в рамках раздела «Реформация и контрреформация», на который дается 2 урока. Само столкновение рассматривается на втором уроке раздела, на котором дети усваивают изменения в Европе после начала процесса реформации. Во время разбора причин Крестьянской войны используется метод объяснения с раскрытием каждого пункта (усиление феодального гнёта, рост денежных поборов, разрушение общинных прав, дробление и деспотизм княжеской власти, влияние реформации) на примерах конкретных ситуаций, например, разъяснение мыслей германского крестьянина после начала реформации. Хронология событий рассматривалась с применением метода рассказа и использованием карты, на уроке были рассмотрены только основные события, оказавшие влияние на развитие всего конфликта: начало крестьянской войны, бунт крестьян города Форхейма (6 мая 1524 г.), составление программы восставших «Двенадцать статей» (март 1525 г.), битва при Франкенхаузене (15 мая 1525 г.), разгром восстания (осень 1525 г.). Для закрепления новой информации дети выполняли задания – отмечали события на ленте времени и распределяли итоги и причины из смешанного списка. Урок был проведен 19 сентября 2025 г. на параллели

7 классов МБОУ «Средняя школа № 15 имени сержанта И.А. Василенко», на следующем уроке 22 сентября 2025 г. был проведен тест по разделу для выявления уровня усвоения материала у учащихся. Из 147 учащихся на параллели тест писали 116 учеников. В тесте знание хронологии проверялось с помощью выбора события, произошедшего позже или раньше всех в зависимости от варианта. Правильно ответили на данный вопрос 48 учеников, неправильно – 68.

Рис. 1. Уровень усвоения учениками 7 классов основных событий Крестьянской войны в Германии 1524–1525 гг. [составлено автором]

Понимание причин Крестьянской войны проверялось с помощью задания на выявление причин или итогов из смешанного списка в зависимости от варианта, усвоили информацию 12 учеников, не смогли разобраться в причинах и итогах 104 ученика.

Рис. 2. Уровень усвоения учениками 7 классов основных причин Крестьянской войны в Германии 1524-1525 гг. [составлено автором]

Результаты теста подтверждают, что для учащихся причины являются наиболее сложным элементом в изучении военных конфликтов, так как затрагивают многие элементы исторического знания и требуют выстроенной системы в головах школьников.

Литература

1. Агафонов С.В. Как совместить «героический» и «критический» подходы к преподаванию военной истории в школе? // Преподавание военной истории в России и за рубежом: Сб. ст. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 274-285.

2. Алексеева Л.В. К дискуссии о формировании знаний по истории (прошлое и современность) // Актуальные проблемы преподавания истории и обществознания в различных типах образовательных организаций. Вып. 11. Уфа: Аэтерна, 2024. 268 с.
3. Вагин А.А. Методика преподавания истории в средней школе. М.: Просвещение, 1968. 431 с.
4. Гора П.В. Повышение эффективности обучения истории в средней школе. М.: Просвещение, 1988. 207, [1] с.: ил.; 22 см.
5. Дайри Н.Г. Как подготовить урок истории. М.: Просвещение, 1969. 128 с.
6. Короткова М.В. Методические аспекты изучения материала по военной истории на уроках в школе: истоки и современная практика // Преподавание истории в школе. 2019. №8. С. 10-15.
7. Синельников И.Ю. Поиск новых методов и подходов к преподаванию военной проблематики в рамках школьного предмета «история»: проблемы, риски, решения // Преподавание истории в школе. 2019. №8. С. 16-23.
8. Тетерин П.В. Анализ военной истории в российских учебниках (на примере освещения темы «холодной войны») // Преподавание военной истории в России и за рубежом: Сб. ст. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 274-285.
9. Федеральная рабочая программа основного общего образования «История» (для 5-9 классов образовательных организаций). М.: ФГБНУ ИСРО, 2022. 224 с.
10. Цветков В.Ж. Отражение причин и последствий Гражданской войны в России в советских и современных российских учебниках истории (к вопросу о принципиальных различиях) // Преподавание военной истории в России и за рубежом: Сб. ст. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 191-200.

© Прохорова Е.Д., 2026

О ПРЕПОДАВАНИИ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ ШКОЛЬНИКАМ В ФОРМАТЕ ДИАЛОГА

Аннотация. В статье рассматривается методика организации диалога на основе исследовательской литературы и преподавательского опыта автора. В центре внимания – понятие «учебный диалог», классификация способов организации диалога и диалоговых ситуаций в обучении военной истории учащихся 8 классов. Методические примеры представлены на материалах тем: «Семилетняя война (1756–1753 гг.)», «Отечественная война 1812 г.».

Ключевые слова: история; диалог; ситуация; коммуникация; образовательный процесс; метод.

В образовательном процессе первой четверти XXI века ведущую роль играет коммуникация, в которой ключевым элементом рассматривается учебный диалог. В ходе учебного диалога (далее – УД) происходит не только обмен мнениями и информацией между участниками, а возникает заинтересованность темой урока. Кроме того, в обновлённом федеральном государственном образовательном стандарте продемонстрированы метапредметные результаты в которых выделяются коммуникативные универсальные учебные действия [8]. Они включают в себя: умение слушать собеседника и вступать в диалог, коллективное и групповое обсуждение проблемного вопроса, а также развитие коммуникации всех участников обучения.

Специфика УД определяется целями его участников, условиями и обстоятельствами их коммуникации. Отсюда организация уроков, где будут включены диалог и диалоговая ситуация, становится проблематичной, однако стоит напомнить, что диалог возникает в результате интереса учащихся, который в свою очередь обусловлен пониманием темы. На трудности организации диалога на уроках истории, его частой подмены в образовательном процессе вопросно-ответной формой обучения нами обращалось внимание ранее [2, с. 41].

Для осмысления сути УД как одного из методов обучения стоит обратить внимание на понятийный аппарат. Понятие «учебный диалог» М.С. Каган [6, с. 294-296], Е.А. Зайцева и Е.В. Коротаева [5, с. 166-170] рассматривают как сотрудничество между учениками в контексте учебного занятия, основой которого выступает интеллектуальное общение.

Напомним, что весомый вклад в развитие речи, в том числе и диалога, внесли идеи Л.С. Выготского ещё в 1930-х гг. Он подчеркивал, что речь изменяет суть мыслительной деятельности детей и писал на этот счет: «диалог – это речь, состоящая из реплик, это цепь реакций... диалог почти всегда включает в себе возможность недосказывания, неполного высказывания, ненужности мобилизации тех слов, которые должны бы были быть мобилизованы для обнаружения мыслимого комплекса в условиях монологической речи» [4, с. 299-300].

Учебный диалог как метод и как технология находят отражение в современных публикациях. Так, по мнению признанного в профессиональном сообществе учёного – Л.Н. Алексахкиной, занятие, выстроенное в диалоге, существенно будет отличаться от обычного традиционного урока [1]. П.А. Степанов и О.П. Сухаринова более широко рассматривают возможности диалога, считая, что учебно-воспитательное пространство – это место пересечения всех участников диалогической речи [7, с. 341-353]. Интерес к изучению диалога в дидактике не ослабевает, так как с ним связывают эффективное обучение.

Опыт показывает, что дети участвуют в диалоге с историей на уроке в разных видах образовательного процесса. Классификация по видам имела место ещё в советской дидактике. Наиболее распространенным видом деятельности является работа с историческими источниками, включающая в себя анализ труда, опирающийся на принцип историзма, оценку субъективности и объективности создателя документа к описываемым событиям, а также выстраивание учащимися своей собственной позиции по отношению к изучаемому источнику.

Также, одним из основных способов диалогового обучения является моделирование исторических ситуаций, представленных разными видами: путешествие в историю, различные ролевые игры и дискуссии. Кроме того, на уроках истории большую роль играет оценочная деятельность учащихся, которая не сводится к разделению позиций «хорошо» и «плохо», а подразумевает анализ исторических событий под разным углом и аргументацию своей позиции с точки зрения исторической логики, что тоже делает диалог востребованным.

Ниже представлены примеры способов организации диалога на уроках истории в 8 классах из собственного педагогического опыта автора.

I. Работа с историческими источниками

При работе с историческим источником по курсу Истории России в 8 классе, в частности с отрывком из воспоминаний М.М. Муромцева, участника войны 1812 г. [3, с. 368-370], учащимся даются, во-первых, вопросы, направленные на атрибуцию документа (1, 2), а во-вторых, вопросы, цель которых создать условия для вступления учеников в диалог (3, 4, 5).

Примерные вопросы:

1. Кто автор документа? 2. Когда он создан? 3. Каково социальное положение М.М. Муромцева? 4. Какова его причастность к описываемым событиям? 5. Каково отношение автора документа к описываемым событиям?

Данные вопросы помогают ученикам не только более подробно изучить исторический источник, но и рассмотреть мельчайшие детали описываемого исторического события со стороны участника данных событий.

II. Моделирование исторических ситуаций

При моделировании исторических ситуаций в 8 классе в ходе изучения темы «Семилетняя война» использовался метод «погружение в историю», позволяющий учащимся быть не наблюдателем исторических событий, а выступать в качестве их участника. Этапы «погружения в историю» в себя включают:

1. Подготовительный этап.

Учитель предлагает ученикам разделиться на группы, где они должны будут выбрать лидера, который будет представлять ту или иную страну времён Семилетней войны (Россия, Пруссия, Франция, Австрия, Швеция, Великобритания). Каждой группе даётся определённая легенда, в которой есть роли: глава государства – лидер группы и государственные деятели (советники) в экономической, социальной, политической и военной сферах – участники группы.

2. Знакомство учеников с раздаточным материалом.

Каждый ученик выбирает себе роль, которая даёт ему почувствовать себя в качестве действующего лица описываемых в легенде событий. В легенде каждого участника расписаны реплики исторических деятелей и их краткая характеристика, включающая личностные качества персонажей, а также социальные факторы и ход событий. Стоит отметить, что часть легенды к каждому государству могут составлять сами обучающиеся.

3. Выступление группы.

Каждая группа вместе со своим лидером отыгрывает описываемые в легенде события, акцентируя внимание на значимых явлениях, которые повлияли на ход истории каждого государства. При этом участник – государственный деятель, будет помогать лидеру – главе государства в решении возникших вопросов, опираясь на последовательность исторических событий.

4. Альтернативная история.

Здесь ученики представляют возможные альтернативные варианты развития событий, которые помогут им взглянуть на историю по-другому. Лидер и участники группы будут демонстрировать разные способы решения вопросов их государства, принимая во внимание собственную точку зрения. Стоит подчеркнуть, что альтернативные варианты будут раскрываться учащимися с учётом реалий того времени.

Цель данной диалоговой ситуации заключается в развитии навыков командной работы. Учащиеся будут осознавать, как принимались судьбоносные решения для истории всего мира, а также «прочувствуют» тяжёлый выбор исторического деятеля при решении важных вопросов для каждой страны.

III. Оценочная деятельность

При оценочной деятельности ученикам предлагается также работа в группах. Им даётся задание поделиться на три группы и ознакомиться с готовым материалом, в котором представлены критерии оценки боеспособности сторон Отечественной войны 1812 г. (см. табл.) и ход военных действий: задача первой группы состоит в том, что они должны оценить боевые действия российской армии в 1812 г. Вторая группа будет оценивать деятельность французской армии. Третьей группе даётся задание на оценку деятельности российских партизан.

Ознакомившись с раздаточным материалом, каждая группа представляет свою оценку деятельности участников войны 1812 г., указывая на их положительные стороны и недостатки, а также делая вывод о том, какие шаги могла бы предпринять та или иная сторона для эффективного использования своего потенциала. Таким образом ученики не только

познакомятся более подробно с деятельностью каждой из сторон войны 1812 года, но и рассмотрят, как развивались исторические процессы того времени поэтапно.

Таблица

Критерии оценки сторон (составлено автором)

Критерий	Армия России	Армия Наполеона	Партизаны
Численность			
Боевая подготовка			
Снабжение			
Вооружение			

Обозначенные в работе приёмы по организации учебных диалоговых ситуаций на уроках истории помогут учащимся научиться критически анализировать текст, выявлять его основную мысль, а также поспособствуют обучению детей – вести беседу или дискуссию с учителем и другими учениками в рамках образовательного процесса, используя аргументы и факты из истории.

Отсюда можно сделать вывод, что диалог – это средство общения на уроке, позволяющее выстроить учебный процесс динамичнее и эффективнее. Как интерактивный метод он позволяет ученикам взглянуть на исторические факты, явления и исторических деятелей под разным углом.

Литература

1. Алексашкина Л.Н. О ресурсах диалога при изучении школьниками истории // Преподавание истории и обществознания в школе. 2022. № 6. С. 29-38.
2. Алексеева Л.В., Салиндер Д.В. Способы организации диалога на уроках истории // Педагогика: актуальные вопросы теории и практики: материалы VIII Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 5 марта 2025 года). Пенза, 2025. С. 41-43.
3. Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцова // Русский архив. 1890. № 3. С. 366-394. <https://clck.ru/3Q47Bs>.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь: психологические исследования. М.; СПб.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 324 с.
5. Зайцева Е.А., Коротаева Е.В. Возможности учебного диалога в обучении и развитии младшего школьника // Педагогическое образование в России. 2014. №12. С. 166-170.
6. Каган М.С. Философия культуры. СПб: Петрополис, 1996. 353 с. <https://clck.ru/3Q44mD>.
7. Степанов П.А., Сухаринова О.П. Образовательный диалог как условие развития субъекта образования // Научный диалог. 2016. № 3(51) С. 341-353.
8. Требования к результатам освоения программы основного общего образования // Приказ Минпросвещения России от 31.05.2021 N 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». <https://clck.ru/3Q44w3>.

© Салиндер Д.В., 2026

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ «РУССКОЙ» СИБИРИ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVIII ВВ. В ИССЛЕДОВАНИЯХ Н.Н. ОГЛОБЛИНА

Аннотация. Н.Н. Оглоблин – видный отечественный сибиревед рубежа XIX – XX вв. – обнаружил и изучил разнообразные документы (отписки, грамоты, памяти, наказы, наказные памяти, челобитные дела, городовые списки и дозорные книги), находящиеся в фонде Сибирского приказа Московского архива Министерства юстиции, и пришел к выводам о том, что служилые люди в Сибири конца XVI – начала XVIII столетий составляли значительную часть местных военных формирований, участвовали в боевых действиях и исполняли другие, в том числе попутные обязанности, необходимые для осуществления оборонительных и наступательных функций, обеспечения безопасности региона.

Ключевые слова: Н.Н. Оглоблин; Сибирь; XVII в.; сибирские гарнизоны; служилые люди.

Известным отечественным исследователем конца XIX – начала XX столетий Н.Н. Оглоблиным одним из первых были изучены, в частности, такие аспекты военной организации Азиатской России со времени ее образования, как состав, источники и пути пополнения сибирских гарнизонов, виды и историческая роль деятельности служилых людей. Для раскрытия данных вопросов Н.Н. Оглоблин обратился к громадному архиву Сибирского приказа Московского архива Министерства юстиции.

Наблюдения Н.Н. Оглоблина относительно военной деятельности сибиряков в военно-оборонительной деятельности привлекли внимание ряда других историков, например, Н.И. Никитина [2], В.Д. Пузанова [9; 10], Д.Я. Резуна [12], И.Р. Соколовского [13; 14] и Г.Ю. Колевой [1]. Так, В.Д. Пузанов – видный исследователь военной истории Сибири XVII–XVIII столетий – согласился с выводом Н.Н. Оглоблина о том, что крестьяне и ссыльные наряду с другими жителями верстались на военную службу в Сибири [11, с. 60].

Н.Н. Оглоблиным, прежде всего в широко известном «Обзрении столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.)» в четырех частях (далее – ОСК) – были выявлены факты присутствия в военных отрядах казаков и стрельцов. Н.Н. Оглоблин отметил, что помимо военных функций служилым доводилось выполнять и административные, дипломатические и фискальные обязанности. Верстание в ряды зауральских гарнизонов периодически происходило посредством переводов из многих городов Азиатской России, русского Севера, Среднего Поволжья.

Видному ученому встретились многочисленные случаи поступления в военную службу и ссыльных, к примеру, «литовских людей».

Трудности военной службы в Сибири, отмеченные Н.Н. Оглоблиным, подтвердил и Н.И. Никитин – современный историк из Москвы [2, с. 73].

В ОСК Н.Н. Оглоблина была приведена роспись, составленная служилыми Енисейска, где перечислены сотники, атаманы, стрельцы, и упомянуто об их отправке в Москву, Томск, в остроги (Братский, Маковский) и на реки (Тунгуска, Ишим, Лена) [5, с. 239].

Ученый указал на относительную малочисленность гарнизона Енисейска в 1627/28 г. Об этом видно по документам с сопутствующими пометами воеводе князю П.И. Пронскому с сослуживцами, показавших в какой мере необходимо увеличить численность ратных в Енисейском крае [5, с. 237].

Степень вовлеченности сибирских гарнизонов в боевые действия с коренным населением Н.Н. Оглоблин констатировал, рассмотрев многочисленные документы Сибирского приказа, а также рисунки («знамена») «иноземцев», обычно отражающие их повседневность и бытовой уклад. Ученый заметил луки, стрелы, сабли, чеканы, остроги и копья (обозначающие ратные принадлежности и оружие охотников) в многих изображениях, оставленных березовскими остяками, красноярскими и туринскими татарами. Жители Березова внесли подписи на документы следующим образом: «знамя Абоково» и «знамя Асиково» [7, с. 5-7].

Документами, подтверждающими конфликты с аборигенами, по свидетельству Н.Н. Оглоблина, являлись указная грамота 1701 г., наказ тобольским и тюменским воеводам относительно действий служилых людей при набегах «иноземцев», и указные грамоты тобольских воевод за 1687/88, 1701, 1703 гг. с признанием ревностного служения [6, с. 30--31].

Взятие военнопленных было отмечено Н.Н. Оглоблиным как результат боевых действий сибирских служилых людей. Так, в записках мореплавателя В. Соловьева значатся, по свидетельству Н.Н. Оглоблина, захваченные в плен алеуты [8, с. 189-190].

Сведения о походах в Даурскую землю Н.Н. Оглоблин обнаружил во многих архивных документах. К примеру, в деле 1663/64 г. отряду под началом тюменского служилого Л. Евсева и томского ратного И. Поршенникова (детей боярских) отправили наказную память и оружие для боевых действий.

Н.Н. Оглоблин рассмотрел ряд архивных дел об Албазинском походе 1684/85–1685/86 гг., когда китайцы осадили и взяли Албазин. В одном из документов сохранились сведения об отходе отряда воеводы А.Л. Толбузина и сына боярского А.И. Бейтона к Нерчинску, а также о том, что поход на Албазин повторился, но город вновь был захвачен китайцами [5, с. 45].

Н.Н. Оглоблин изучил еще одно дело об «Албазинской войне», рассказывающее о трудной ситуации, в которую попали албазинцы перед нападением «богдойских» войск в 1684/85 г. Любопытным показалось Н.Н. Оглоблину то обстоятельство, что дело включало переведенные документы с китайского, латинского, «тангуцкого» языков, а также расспросы енисейских воевод и албазинского казака, попавшего в плен к китайцам. Одна из отписок, по свидетельству Н.Н. Оглоблина, сохранила сведения о пленниках, которые будучи в плену, тайно измеряли Китайскую стену.

Данные о численности китайского и русского отрядов, о наличии у них оружия, дипломатических связей воеводы А. Толбузина с представителями китайской стороны, о голоде среди ратных людей, перечни изменников, сведения о прибытии русских к разоренному китайцами Албазину, о возведении русскими нового города на давнем месте также были рассмотрены Н.Н. Оглоблиным по делу за 1684–1685 гг. [5, с. 269-271].

Среди многочисленных архивных материалов Н.Н. Оглоблиным были обнаружены дела о походе в 1614/15–1615/16 гг. томских ратных людей в Киргизскую землю, а также о «болгарской» экспедиции ратных людей.

По определению Н.Н. Оглоблина, до нас дошли именные списки этих служилых, а также данные об отступлении части отряда, отправленного в Киргизскую землю [5, с. 45].

Как показал Н.Н. Оглоблин, в Тобольске в 1660/61 г. в период воеводства стольника П.И. Годунова формировались рейтарские и солдатские отряды [5, с. 135]. Ученый отметил, что включавших их военнослужащих селили в Тобольском, Тюменском и Верхотурском уездах.

Деятельность сибирских ратных людей была разнообразна. Как указывал Н.Н. Оглоблин, им предписывалось осуществлять посольские миссии, доставку «мягкой рухляди» государю и жалования, сопровождение ссыльных, заниматься присоединением новых территорий и сбором налогов с местных жителей.

Засечно-оборонительные линии, как свидетельствовал видный историк-сибиревед, были зафиксированы в строельной книге Енисейского уезда, где отмечалось их устройство (длиною в 500 сажений) в 1666/67 г. В том же уезде, по свидетельству Н.Н. Оглоблина, с участием служилых людей была сооружена и вторая оборонительная линия протяженностью в 5 сажений (возле деревень Усть-Тунгусской, Родюковской, Маклоковской, Верхней и в близлежащих к деревням болотистых местах, озерах, речках) [3, с. 39].

Н.Н. Оглоблин отметил, что засечные линии выполняли оборонные функции, а о набегах неприятеля свидетельствовали данные об убитых на ней людях в 1661/62 г. и участниках боев тюменских ясачных людях [3, с. 108].

С целью обеспечения безопасности края было велено возвести и другую засечно-оборонительную линию (от Кетанского острога до реки Тобола), а также вал, как показал по архивным документам Н.Н. Оглоблин [4, с. 136].

Сибирские гарнизоны, по его свидетельству, пополнялись также за счет жителей Переславского, Ярославского, Вологодского и других уездов (согласно документам за 1639/40 г.) [5, с. 86].

На основании дела 1660-х г. Н.Н. Оглоблин рассмотрел перевод «московских людей» в Сибирь (54 рейтар с семьями), причем исследователь подчекнул, что перевод был под руководством полковника И. Эграта.

Выбылые казачьи места, как показал Н.Н. Оглоблин, спустя девятнадцать лет заинтересовали несколько десятков казаков, включая их семьи, которые переехали добровольно в Якутск из другого сибирского города. Одновременно произошел внутрисибирский переезд 20 казаков из Илимска.

Переводы полков на новые места, а именно новоприборных казаков, рейтар, драгун и целых отрядов, как указал автор ОСК, происходили и в Верхотурском уезде [5, с. 33-34].

Изучив дела 1670/71–1695/96 гг. об устройстве в Азиатской России рейтар, драгун и беломестных казаков, ученый констатировал, что в Исецкой и Ялуторовской слободах, в

Таржанском и Исецком острогах служили тобольские рейтары (под началом майора Л. Горчакова), солдатские капитаны, тарские, тюменские рейтары и драгуны [5, с. 266-267].

Н.Н. Оглоблин при изучении архивных документов Сибирского приказа обратил внимание и на вооружение сибирских гарнизонов. Так, он отметил, следуя соответствующему делу, отправку в Азиатскую Россию в 1629/30 г. артиллерийского и пушечного снаряжения. Десятки документов относительно отправляемого «наряда» для сибирских ратных людей в адрес тобольских администраторов подтверждали его доставку в Тобольск.

Дело конца XVII в., изученное Н.Н. Оглоблиным, также сохранило данные об отправке туда ста пушек, изготовленных на тульском, каширском и алексинском «железных» заводах, об испытаниях орудий. Наказная память об отправке этого снаряжения была вручена тобольскому атаману П. Баландину и его сослуживцам.

О «посылке» в Томск пицалей и денежного жалованья тобольским новоприборным казакам Н.Н. Оглоблин писал, привлекая дело за 1628/29 г. Исследователь отметил повторную отправку пицалей туда же спустя два года.

С целью защиты от набегов калмыков сибирским пашенным крестьянам и посадским были направлены самопалы, изготовленные московскими мастерами ствольного дела, как сообщается в заинтересовавшем Н.Н. Оглоблина деле 1634/35 г.

Намного позднее (в 1677/78 г.) в Сибирь были отправлены пицали и холодное оружие, в том числе бердыши [5, с. 45-47].

Таким образом, рассмотренные Н.Н. Оглоблиным документы, касающиеся устройства гарнизонов Сибири, раскрывают функции и ратных людей, и местных администраторов XVII в., отражая активную военную деятельность, начиная с тех пор, когда сибирские территории стали частью России.

Финансовое обеспечение сибиряков, организация военных экспедиций и дипломатических миссий, основание крепостей и засечно-оборонительных сооружений, переводы и назначения на должности, отправка снаряжения для гарнизонов – таковы те аспекты в сфере военной деятельности в Сибири, на которые, зачастую впервые, обратил внимание Н.Н. Оглоблин.

Этот ученый и архивист, интересовавшийся прошлым Сибири конца XVI – начала XVIII вв., проанализировал многие стороны процесса становления Азиатской России. При изучении материалов по военной организации Сибири того времени Н.Н. Оглоблин обращался и к другим проблемам сибирской истории. В результате им, в частности, был классифицирован обширный материал и опубликовано ОСК в четырех частях [3-6]. Этот обширный труд содержит обильные данные об источниках пополнения гарнизонов ратными людьми, их структуре, вкладе служилых людей в обеспечение безопасности бескрайнего региона от набегов отрядов из порубежных стран, о подавлении волнений коренного населения в сибирских уездах.

Отличительной особенностью творческого наследия Н.Н. Оглоблина было стремление не только опираться на источники с достоверными фактами, но и систематизировать их.

Многие документы, рассмотренные Н.Н. Оглоблиным, были им и обнаружены, и впервые опубликованы, введены в научный оборот. К тому же этим ученым определены причины кризисных явлений («бунтов» населения), к примеру, в Томске, Красноярске, на усмирение которых направлялись казаки, стрельцы и другие ратные.

В творческих изысканиях Н.Н. Оглоблина представлены разнообразные функции состоявших в рядах гарнизонов на востоке России служивых людей.

Благодаря описанной Н.Н. Оглоблиным сфере обязанностей сибирских ратных людей в XVII в., известной по разнообразным источникам порядку назначений и переводов на военные должности, возможно объективно проследить складывание сибирских гарнизонов.

Поскольку служивых людей, помимо вооруженных действий, отправляли для выполнения дипломатических миссий, попутно Н.Н. Оглоблиным были проанализированы и взаимоотношения Сибири с соседними государствами и показана история таких переговоров (к примеру, с властями Монголии и Китая).

Все события военного прошлого Сибири, представленные в работах Н.Н. Оглоблина, классифицированы им его ОСК, представлены в фактографическом русле, позволяя раскрыть военную историю Сибири как часть военной истории Московского государства конца XVI – начала XVIII столетий.

Основной функцией гарнизонов Сибири того периода была оборонительная. Ратные люди обеспечивали безопасность «русской» Сибири, прибывшего туда, после ее присоединения населения и защиту новых границ Российского государства. Полученное отрядами вооружение помогало предотвратить или остановить нападения и защитить целостность территории страны. Уже само наличие вооруженных формирований в Сибири, их сосредоточение, пополнение новыми отрядами, верстание в них людей из разных регионов являлись сдерживающим фактором для внешних агрессоров, обеспечивало надежность региона, а не только защиту.

Литература

1. Колева Г.Ю. Иноземный контингент в составе служивых людей Сибири: казаки «литовского списка» // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4(31). С. 118-127.
2. Никитин Н.И. Военные факторы колонизации Сибири XVII века как объект специального изучения // Российская история. 2014. № 3. С. 72-90.
3. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Сост. Н.Н. Оглоблин. М., 1895. Ч. 1. Документы воеводского управления. 421 с.
4. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Сост. Н.Н. Оглоблин. Ч. 2. Документы таможенного управления. Б.м., б.г. 159 с.
5. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Сост. Н.Н. Оглоблин. М., 1900. Ч. 3. Документы по сношениям местного управления с центральным. 389 с.
6. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Сост. Н.Н. Оглоблин. Б.м., 1901. Ч. 4. Документы центрального управления. 287 с.
7. Оглоблин Н.Н. Знамена сибирских инородцев XVII века // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1892. Т. XIII. Вып. 1. С. 1-8.

8. Оглоблин Н.Н. Путевые заметки морехода И.М. Соловьева // Русская старина. 1892. № 10. С. 184-214.
9. Пузанов В.Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири в историографии XVIII – начала XX вв. // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Новосибирск, 2014. Ч. 9. С. 201-224.
10. Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири: конец XVI–XVII вв. СПб., 2010. 432 с.
11. Пузанов В.Д. Служилые люди города Тобольска // Северный регион: наука, образование, культура. 2010. № 1(21). С. 55-68.
12. Резун Д.Я. Роль государства в присоединении и освоении Сибири в XVII в. Внутривосточный аспект // Государство и общество Сибири XVII–XX веков. Новосибирск, 2008. С. 48-51.
13. Соколовский И.Р. Русские воеводы Сибири и выходцы из Великого княжества Литовского в первой трети XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 5-8.
14. Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск, 2004. 212 с.

© Силаева И.А., 2026

СОВЕТСКАЯ НАГРАДНАЯ СИСТЕМА В МЕМУАРНОМ ДИСКУРСЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье автор рассматривает советскую наградную систему 1941–1945 гг. в качестве одного из главных инструментов формирования коллективной памяти о Великой Отечественной войне и мотивации фронтовой практики. Опираясь на корпус мемуарного наследия и современной историографии, автор анализирует особенности наградных процедур во фронтовой среде Красной армии. Дается попытка показать амбивалентность наград от легитимизации командования в глазах солдат до хаотичных условий бюрократической наградной среды. Делается вывод о двойственной природе наградной системы.

Ключевые слова: наградная система СССР; мемуары; политработники; историческая память; коммеморация.

Память и история Великой Отечественной войны остаются одним из ключевых элементов современной российской идентичности и культурного самосознания. В современных условиях историческая наука все чаще поднимает вопрос механизма формирования и сохранения исторической памяти событий 1941–1945 гг. Сегодня советская наградная система остается важнейшим символом в бытовом и научном поле, которая актуализируется ежегодно в рамках празднования Дня Победы, юбилейных, памятных дат. Актуальность исследования обусловлена необходимостью историко-культурного осмысления советской наградной системы как важного инструмента формирования коллективной памяти о Великой Отечественной войне, используя «эго-источники».

Мемуары в этом контексте представляют особую ценность для исследователя в связи с тем, что на современном этапе развития исторической науки происходит сдвиг от изучения истории процессов к истории в ее персональном характере. Чаще исследования обращаются к жизненной истории отдельных персоналий, ментального отражения военных событий в представлении солдатского корпуса Красной армии. Анализ подобных источников, хоть и связан с большим количеством предвзятости в научном дискурсе, носит огромный исторический потенциал, который позволяет проследить отношения, закономерности и особенности наградной системы СССР времен 1941–1945 гг. в воспоминаниях ветеранов Великой Отечественной войны.

Историография вопроса также говорит о наличии научной дискуссии. Во второй половине прошлого столетия появляются первые работы, которые выходили бы за рамки строгого справочного описания наград и медалей времен Великой Отечественной войны. Работы В.Г. Буркова соотносят периоды развития наградной системы с отражением важнейших вех в истории советского государства [8], В.В. Веревкин также провел колоссальную работу над осмыслением мотивационного характера наград Советского Союза [10]. Однако полноправные попытки ввести в исторический дискурс воспоминания ветеранов в контексте наградной системы СССР принадлежат современным работам Д.В. Шунякова [21; 22]. Автор крайне точно уловил идеи реформ советского государства в этой сфере, сопоставил

их с воспоминаниями солдат и составил хронологию модернизации наград в военный период. Однако до сих пор имеются пробелы в контексте анализа мемуарных работ ветеранов по отдельным явлениям: типология «ритуалов» награждения; идеологическая роль политработников и «партийная ответственность»; анализ социальной несправедливости на фронте; «солдатская иерархия» наград Великой Отечественной войны; формы поощрения солдатского корпуса.

Сейчас невозможно отрицать, что награды в действительности оказывали значительное мотивационное влияние на военнослужащих. Понимание этого приходит командному составу Красной армии уже в первые месяцы войны, наполненные неудачами на фронте. Подобный эпизод можно проследить в мемуарах маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна, который рассказал о разговоре начальника политуправления фронта и начальника штаба фронта: «Вот и ты тоже заладил: некогда, дескать, сейчас заниматься пустяками...мы упускаем возможность отметить их подвиг, влить в людей новые силы...Вот уже почти четыре месяца идет война, и наши люди сражаются героически. Не их вина, что подчас обстановка складывается не в нашу пользу и нам приходится отходить...» [3, с. 167].

Один из партизан Красной Армии в своих воспоминаниях утверждал, что вера в командиров была безгранична и приказы выполнялись без колебаний, так как во многом именно «магическое действие» [19, с. 39] на бойцов оказывали ордена на груди солдата. Видимость орденов и медалей, их символический капитал и связанные с ними ритуалы признания укрепляли авторитет командующего состава, повышали доверие к руководству и сплачивали военные подразделения, поддерживая готовность к самоотверженным действиям даже в проигрышных для фронта условиях.

Однако уже к концу существования Советского Союза появился ряд работ, раскрывавших негативную коннотацию в рамках наградной системы СССР военных лет: случаи несправедливости, сомнительных «полевых практик» в оценочных суждениях воевавших. Эффективность наград зависела от своевременности и справедливости их присуждения. Недооценка подвигов или бюрократические задержки снижали интерес к отдельным наградам, создавая условия, в которых появлялись отдельные «солдатские» награды – как материальные, так и более эфемерные (открытки, благодарности, ужины и т. д.)

Особое внимание в мемуарах уделяется явлению политработников, которых, по мнению П.А. Михина, часто незаслуженно поощряли: «... в первую очередь награждали орденами и присваивали звания Героев. Хотя находились они не на самой передовой и особо в боях-то не участвовали» [18, с. 245]. Автор подчеркивает несправедливость именно в создании мифа о «комиссарском героизме», в которой роль партработников целенаправленно преувеличивалась. Система, которая в теории должна была стать краеугольным камнем военных усилий, призванная поднять боевой дух и сформировать единую героическую основу, выглядела в глазах солдат как политическая манипуляция. Это, в свою очередь, могло приводить к глубокому разрыву между ее официальной целью и реальным восприятием на страницах воспоминаний ветеранов.

Со своей стороны отметим, что взгляды П.А. Михина редко находят подтверждение в мемуарной литературе по нескольким причинам: политработники были одними из самых активных слоев армии, успевших поработать со многими подразделениями и оставивших наибольшее количество материалов по итогам войны; генералы, командиры и солдаты редко негативно отзываются о политработниках, чаще всего выделяя «командиров, солдат, политработников» в одну категорию в своих рассказах, ввиду их активной работы в том числе и на поле боя, а в случаях же неопытности выделявшихся своими другими качествами: «...когда на политработу в армию направлялись люди, не получившие специальной подготовки, то и тогда партия посылала на этот участок работы своих лучших сынов» [4, с. 18]; стремление не подвести собственный партийный аппарат: «...стремятся туда, где труднее. Коммунисты, партийный долг зовет...» [1, с. 489].

Учитывая тот фактор, что на начальных этапах войны в политработники записывали даже солдат – партийных кандидатов из-за текучки кадров на фронте, рассматривать их работу только в однополярном взгляде (герой/манипулятор) будет недальновидно. Политработник был крайне многослойным образом, и его заслуги, опыт будут сильно варьироваться от человека к человеку.

Развивая этот контекст, можно взглянуть на официальную статистику. Мы не можем с уверенностью утверждать, что подобная политическая чрезмерная репрезентация является исключительно политическим фаворитизмом советского государства. В первую очередь, совокупные данные показывают, что в целом больше всего наград получили лица, не являющиеся членами партии (49,52%), несмотря на то что цифры по высшей награде – званию Героя Советского Союза говорят о другом:

Таблица

Соотношение наград Великой Отечественной войны к партийным членам [23, с. 47]

Партийная принадлежность	Процент всех наград	Процент награды «Герой Советского Союза»
Коммунистическая партия (ВКП(б))	34.14%	74.68%
Комсомол	16.34%	10.70%
Беспартийные члены	49.52%	14.62%

Такой разрыв может говорить о том, что партийная принадлежность была если не решающим, то важным фактором для получения самой престижной награды государства. Действительно, сами политработники в своих мемуарах часто выделяют именно коммунистов в качестве двигателей военных подвигов: «И что особенно радостно, наш партийный и комсомольский актив показывал себя в бою настоящими героями» [13, с. 125]. На солдата добавлялась дополнительная ответственность, связанная уже не только с защитой родины, но и с репрезентацией партии: «Я, говорит, в партии недавно, мне доверие оправдать надо». И пошел» [13, с. 129]. Значимость такой постановки шире отдельно выделяемых случаев, контекст показывает, как государственные системы поощрения превращали политическую лояльность в символический капитал, формируя фронтовую систему признания и задавая нормы «героизма», которые существовали за пределами фронтовой повседневности.

Сами командиры в своих мемуарах признают, что «попадали в труднейшее положение» [4, с. 28], когда дело доходило до процесса отбора отличившихся, так как ежедневно получали рапорты о сотнях случаях героизма. При этом конкретных «шаблонных» стандартов представления к наградам не существовало. Мы знаем случаи, когда вносили в наградной лист по совокупности подвигов: «интересуюсь наличием у ефрейтора наград. Таковых не оказалось, еще не успели представить, а заслуживал он, как выяснилось, по меньшей мере ордена. Я сказал, что он награждается орденом Красной Звезды» [17, с. 334]. Иногда и за отдельный акт (наступление, оборона и т. д.) героизма политруководство рекомендовало командирам вносить в списки награждаемых сразу же: «Здесь, на Днестре, нашей 13-й гвардейской стрелковой дивизии был вручен орден Красного Знамени, которым нас наградили за бои под Сталинградом» [4, с. 81].

Таким образом, определенную социальную несправедливость, замечаемую в фронтовых мемуарах, можно объяснить адаптивным характером награждения солдат. Командиры и политическое руководство балансировали между необходимостью поощрения и стремления учесть совокупный вклад бойцов. Система, сложившаяся на фронте в контексте наград, с одной стороны, помогала добавить оперативности в вопросах награждения, способствовала развитию политико-пропагандистских задач государства, но одновременно создавала несопоставимость критериев и зависимость от решений конкретных начальников, что порой и отражается в воспоминаниях ветеранов в негативной коннотации.

Не считаем лишним в таком случае данное явления рассматривать и под другим углом – вступление в партию и комсомол было также своеобразной целью и наградой для бойцов. Об этом свидетельствует множество примеров из фронтовых мемуаров: «Здесь он вскоре получил боевое крещение, заслужил награду и был принят в партию. Типичная биография для большинства комсомольских вожаков» [16, с. 34]. Командиры, партийные органы, действуя в интересах служебной необходимости и идеологических принципов, чаще выдвигали на высшие отличия тех, чья лояльность и преданность подтверждалась членством в партии. Это работало и в обратную сторону, когда бойцы, наоборот, стремились стать членами партии и активными участниками политической среды на фронте.

Также в подобных условиях можно говорить о появлении «солдатской иерархии» наград, основанной непосредственно на военных заслугах и вовлеченных рисках. В этой иерархии некоторые официально более низкие по рангу/статусу медали превосходили по значимости престижные ордена. Медаль «За отвагу» высоко ценилась, потому что она присуждалась исключительно за личную храбрость на поле боя и, что особенно важно, никогда не становилась наградой за долговременную службу, сохраняя таким образом свой незапятнанный боевой престиж. Писатель Виктор Петрович Астафьев, продолжая свой разговор на радио, говорил о данной награде: «...я дорожу. Я как раз считаю, что это моя главная награда» [2, с. 220].

Орден «Слава», учрежденный в 1943 году, был известен как «Орден солдата», поскольку он был предназначен специально для солдат и младших сержантов. Получение всех трех классов этого ордена давало привилегии, эквивалентные званию Героя Советского Союза, что

укрепляло его статус. Первоначальная идея создания солдатской медали исходила от самого Сталина именно из-за переизбытка генералов в награждаемых: «У нас воюют не только генералы, но и солдаты, а мы награждаем только генералов» [14, с. 442].

Как мы уже упомянули, к 1942 году организация наградных процедур легла на плечи командиров, именно им доверили возможность присуждать медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Вручение и награждения старались проводить в исключительно торжественной обстановке, поэтому считаем необходимым раскрыть праздничные «ритуалы», описанные в мемуарах воевавших.

Самым распространенным в боевых условиях «ритуалом» были торжественные поздравления, особенно они преобладают в рассказах генералов и командиров. Дважды Герой Советского союза, генерал армии А.П. Белобородов вспоминал, как 18-й гвардейский полк получал орден Красного Знамени: «9 сентября на торжественном построении всей дивизии к Знамени полка была прикреплена эта высокая награда» [6, с. 179]. В свою очередь, это позволяет нам проследить необходимость подобных, публичных эпизодов в военное время. Именно в такой период у командира полка была прекрасная возможность вспомнить как «славные боевые традиции своего полка», так и дать напутствие бойцам нового пополнения сохранять то, что было заложено старшим поколением однополчан.

В партизанских рядах самым распространенным способом поздравить отличившихся являлся митинг – собрания разведчиков, радистов, прослушивание радио и приказов: «Пономаренко поздравляет всех с освобождением белорусского народа. Огромная площадь отвечает партизанским “ура!”» [9, с. 396] – такие строки можно прочесть в «Партизанской хронике» С. Ваушасова. Не всегда награждению сопутствовали торжественные мероприятия, получать награды в окопах, на линиях борьбы являлось стандартной практикой: «Награду оправдаю. Как стоял, так и буду стоять насмерть, – сказал он. – А прикажут – пойду вперед...» [15, с. 265] – такими словами описывал Л.П. Грачев опыт получения награды сибиряком в окопе.

Анализ корпуса мемуарного наследия позволяет выделить три наиболее показательные модели награждения:

- 1) «парадная» – торжественное строевое построение, перетекающее в речь командира дивизии и ужин для награждаемых;
- 2) «митинговая» – коллективные обсуждения приказов и новостей с фронта, публичные поздравления;
- 3) «фронтальная повседневная» – оперативные вручения наград, устные благодарности, передача «молний».

Несмотря на различие в формах, их объединяла непосредственная видимость, публичность и вербализация смысла награды – от апелляции к традициям, преемственности до глубокой благодарности и признания заслуг. Такие моменты превращались в ресурс коллективной сплоченности и, в том числе, легитимизации командования в глазах солдат.

Около тринадцати миллионов награждений только орденами и медалями было произведено в годы Великой Отечественной войны, около двенадцати тысяч из этих

миллионов были удостоены звания Героя Советского Союза [11, с. 362]. За пять лет войны наградная система СССР проделала огромный путь, однако даже усовершенствованная, позволявшая командирам дивизионов курировать некоторые награды, она не справлялась с бюрократическими запросами того времени по причинам, описанным нами ранее. В таких условиях появляется новая типология наград, не связанная с официальной структурой наградной системы СССР.

Фронтовые мемуары демонстрируют, что порой «малые» формы поощрения (персональные поздравительные открытки, устные благодарности, «молнии») нередко выполняли те же задачи, что и формальная наградная система, порой оперативнее и эффективнее. На фоне «несвоевременного оформления представлений к награждению» и в отдельных случаях занижения заслуг отдельных категорий воюющих, по словам политработников, командиры целенаправленно «придавали большое значение моральному поощрению». У бойцов такие предметы приобретали особый статус: «Останусь жив, помещу эту открытку дома под стекло и буду держать в почетном углу, где раньше у матери стояли иконы» [7, с. 247].

Отдельно отметим, что на первых порах военной кампании, в достаточно хаотичных условиях, немедленная видимая признательность была эффективной заменой материальных наград, выполняя критически важную мотивационную функцию, данное явление можно рассматривать на фоне задержек и отсрочек, которым была подвержена наградная система СССР в годы Великой Отечественной войны. Один из политработников рассказывает о занявшем около 9 месяцев награждении орденом Красного Знамени партизана: «к наградному листу на тебя была приложена и моя рука. Ведь у нас пишущей машинки тогда не было... Все наши наградные листы были перепечатаны машинистками в штабе Емлютина, в Брянском лесу...» [12, с. 192].

Это может свидетельствовать об определенной структурной неоперативности в первые годы войны, именно этот фактор поспособствовал реформам в наградной системе. Еще к октябрю первого года войны, система прохождения наградной документации через Москву оказалась крайне неэффективной, поэтому военным советам были предоставлены более широкие права в награждении бойцов [20, с. 253]. Уже к 1942 году наблюдается процесс одновременной кодификация наградного ряда и децентрализация процедур их присуждения.

Мы также можем говорить об адаптивности советских практик мотивации, нацеленных на морально-политическое единение фронта. «Молнии» – листовки, написанные от руки и рассказывающие о подвигах соратников, воспитывали героизм на постоянной основе в армейских кругах: «Читал красноармеец о своем товарище и невольно задумывался: “А чем я хуже? Разве я меньше люблю свою Родину?”» [3, с. 69]. Эффективность такой тактики отрицать невозможно, нередко можно найти упоминания в воспоминаниях такого явления, когда даже успешные командиры сталкивались с синдромом самозванца: «...долго жило тревожное ощущение, что, как говорят, хомут не по плечу. Оно вызывало одно стремление – всеми силами достигнуть уровня, которого требуют от тебя партия и страна...» [5, с. 13].

Героический эпос, таким образом, конструировался через конкретные «окопные» истории. Выделение подвига солдата через конкретные истории (будь то «молнии» или рассказы политработников) создавали новую норму, с которой солдат был призван себя соотносить, превращая всю абстрактность идеологических требований партии в личный моральный долг.

Закljučая наше исследование, поговорим об аргументации «в пользу» работы с подобными источниками. Работая с мемуарами, воспоминаниями ветеранов, можно найти несколько критических «точек соприкосновения» с фактологической информацией в контексте нашей темы. Сюда можно включить: влияние идеологической, партийной принадлежности на получение высших наград (мемуары в данном случае дают информацию о «как», а официальная статистика о «сколько»); большое количество случаев утерянной наградной документации можно встретить и в воспоминаниях ветеранов, и уже в современных исследованиях (в пример можно привести проект «Подвиг народа», в ходе которого было выявлено около полумиллиона неполученных наград (<https://clck.ru/3R2Dxa>)).

Следуя этой же логике, ключевые расхождения тоже можно объяснить несколькими факторами: «предвзятость видимости» – штабной и политический персонал имел более низкий уровень потерь и более постоянный контакт с награждающими командирами, что делало их действия более вероятными для документирования и вознаграждения, чем действия пехоты на передовой в хаотичных боевых условиях; чрезвычайно высокая текучесть кадров в фронтовых частях привела к тому, что многие героические поступки остались незафиксированными; цензурирование – мемуары, опубликованные в советскую эпоху, подвергались цензуре и приводились в соответствие с официальной версией, что могло привести к подавлению более критических рассказов; идея «иной правды» – чувство несправедливости было вызвано заметными, возмутительными примерами награждения незаслуженных штабных офицеров, даже если они составляли статистическое меньшинство, макрораспределение играло наименьшую роль в восприятии солдат.

Наградная система СССР являлась очень комплексным инструментом управления боеспособностью, фундаментом конструирования коллективной памяти. Она одновременно задавала и язык героизма, и вписывала индивидуальные биографии в большой исторический рассказ о войне. В этом и заключается парадоксальность системы, ведь она сочетала в себе централизованные нормы и локальные практики, материальные регалии и нематериальное признание официальной вертикали наград и неофициальной «солдатской иерархии». Именно такая дуальная природа объясняет устойчивость наградной символики в современной культуре памяти. Понимание наград как «механизма памяти» позволяет по-новому осмыслить связь между фронтовой повседневностью и послевоенной коммеморацией, лучше понять, каким образом опыт Второй Мировой войны продолжает структурировать идентичность и ценностные координаты российского общества сегодня.

Литература

1. Алтуни́н А.Т. На службе Отечеству. М.: Воениздат, 1985. 590 с.
2. Астафьев В.П. Моя война. Писатель в окопах: война глазами солдата. М.: Алгоритм, 2018. 222 с.

3. Баграмян И.Х. Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971. 448 с.
4. Бакланов Г.В. Ветер военных лет. М.: Воениздат, 1977. 288 с.
5. Батов П.И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1962. 397 с.
6. Белобородов А.П. Всегда в бою / лит. запись Н.С. Винокурова. М.: Экономика, 1984. 398 с.
7. Бойко В.Р. С думой о Родине. М.: Воениздат, 1982. 285 с.
8. Бурков В.Г. Отечественные наградные знаки отличия и их документация как исторический источник и предмет фалеристики: Дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1979. 277 с.
9. Ваупшасов С.А. Партизанская хроника. Минск: Беларусь, 1971. 416 с.
10. Веревкин В.В. Награды за трудовые достижения в СССР, история учреждения орденов, медалей и знаков отличия и их значение как исторического источника: 1920 – июнь 1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1982. 291 с.
11. Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под общ. ред. А.П. Белобородова; Гл. упр. кадров МО СССР. М.: Воениздат, 1963. 624 с.
12. Гусев П.В. В тылу врага. Курск: ИПП «Курск», 2006. 528 с.
13. Демин Н.С. Война и люди. М.: Воениздат, 1972. 272 с.
14. Изотова М.А. Ордена и медали России и СССР. Ростов н/Д: Владис, 2010. 736 с.
15. Кошевой П.К. В годы военные. М.: Воениздат, 1978. 283 с.
16. Литвяк М.М. Порожденные броней. М.: Воениздат, 1985. 240 с.
17. Мерещков К.А. На службе народу. 4-е изд. М.: Высш. шк., 1984. 456 с.
18. Михин П.А. «Артиллеристы, Сталин дал приказ!» Мы умирали, чтобы победить. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 576 с.
19. Память грозových лет: сб. воспоминаний / сост. Ф.И. Бурилов, Н.В. Масолов; лит. запись Ф. Бурилова и др. М.: Моск. рабочий, 1979. 318 с.
20. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны / лит. запись Г.А. Сомова. 2-е изд. М.: Воениздат, 1989. 560 с.
21. Шуняков Д.В. Наградная система СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / науч. ред. В.В. Запарий. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2021. 196 с.
22. Шуняков Д.В. Наградное производство в Красной армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. № 1. С. 662–667.
23. Шуняков Д.В. Награды удостоены... Статистические данные по награждению советскими орденами и медалями в годы второй мировой войны // ВИЖ. 2021. № 5. С. 46–50.

© Сологуб Н.С., 2026

ОТНОШЕНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ 7–8 КЛАССОВ К ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. В статье рассматривается отношение обучающихся 7–8 классов к Великой Отечественной войне. Приводится сравнительный анализ исследований, посвящённых выявлению важности для подрастающего поколения памяти о Великой Отечественной войне. Дается классификация направлений исследований. В ходе анализа собранного эмпирического материала делается вывод, что большинство обучающихся считает важным сохранение памяти о событиях Великой Отечественной войны, при этом у многих из них наблюдается недостаток знаний или их искажение.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; отношение обучающихся; историческая память; представления; патриотизм.

На современном этапе школьного образования Великая Отечественная война остаётся главным символом патриотизма и любви к родине у обучающихся общеобразовательной школы. Политика государства в сфере школьного образования направлена на сохранение исторической памяти о защитниках отечества [15, с. 91; 18, с. 3].

В связи с чем актуальными остаются исследования, ориентированные на выявление восприятия обучающимися темы Великой Отечественной войны.

Как отмечает К.А. Бурдаков и Н.Э. Петрова, отношение обучающихся к Великой Отечественной войне – это набор нравственных переживаний, в том числе, понимание важности сохранения исторической памяти [1, с. 196]. Таким образом, оно неразрывно связано с понятием «исторической памяти». По мнению коллектива авторов, историческая память – это «передаваемая различными способами и закреплённая информация о прошлом, знания и эмоционально окрашенный опыт» [8, с. 759]. По мнению Е.А. Колосовой, историческая память – устойчивая система представлений о прошлом, бытующих в общественном сознании. Ей свойственно не столько рациональная, сколько эмоциональная оценка прошлого» [7, с. 99]. Данные определения объединяет то, что они направлены не только на информационную составляющую исторической памяти, но и на эмоции (переживания) человеком истории на микро- и макроуровнях. Исследования в области исторической памяти также объединяет направленность не только на знание исторических эпох, событий и фактов, а также на эмоциональную оценку обучающимися событий, относящихся к истории своей страны. Поэтому труды, посвящённые отношению обучающихся к Великой Отечественной войне, также носят смешанный характер. Их можно разделить на следующие направления: выявление ценностных отношений к памяти о событиях и защитниках отечества [2, с. 43; 4, с. 52; 5, с. 253; 6, с. 47-59; 7, с. 100; 9, с. 206-209; 11, с. 89; 12, с. 62-64; 16, с. 750-751; 17, с. 107]; обнаружение источников, откуда обучающиеся берут информацию о событиях Великой Отечественной войны [3, с. 75-76; 4, с. 52; 5, с. 254; 7, с. 100-101; 12, с. 62; 13, с. 47]; поиск способов формирования представлений о Великой Отечественной войне в школьной среде

[2, с. 44-45; 3, с. 74-78; 7, с. 101-103; 10, с. 547-548; 11, с. 89; 13, с. 47; 16, с. 751-755; 17, с. 108]; выявление знаний о вкладе регионов России в Великую Отечественную войну [9, с. 206-209; 16, с. 751-755]. Из приведённой классификации видно, что особый интерес ученых направлен на выявление ценности для современной молодёжи Великой Отечественной войны в истории нашей страны. Так, по мнению большинства исследователей Великая Отечественная война является не только объединяющим фактором, но и одной из главных опор воспитания патриотизма и гражданственности у подрастающего поколения [2, с. 43; 3, с. 75; 4, с. 52; 6, с. 45; 7, с. 99; 9, с. 209; 11, с. 89; 16, с. 757; 17, с. 106-107]. Несмотря на это, в работах всё чаще отмечается укоренение тенденций, направленных на фальсификацию и искажение представлений обучающихся о Великой Отечественной войне [2, с. 43; 6, с. 45; 12, с. 66-67; 10, с. 545; 16, с. 750; 17, с. 108]. При этом, как отмечают А.Ю. Ильин, Т.В. Игнатова, А.В. Понеделков, С.А. Воронцов, Е.А. Колосова, М.А. Мамантова, М.А. Подлесная, Г.В. Соловьёва, И.В. Ильина, ключевым фактором при формировании представлений обучающихся о событиях той поры является школа [5, с. 254; 7, с. 100-101; 9, с. 209; 12, с. 62]. Помимо школы, чаще всего выделяют такие факторы, как: семья, интернет среда, фильмы, книги, урочные и внеурочные мероприятия, акции, экскурсии в музей [3, с.75-76; 4, с. 52; 5, с. 254; 7, с. 100-101; 12, с. 62]. Для формирования целостных представлений о Великой Отечественной войне, по мнению большей части исследователей, необходимы иные формы организации познавательной деятельности обучающихся, отличные от классического урока. К таким формам относят: проекты [2, с. 45; 7, с. 101; 16, с. 751-755]; внеурочное чтение художественной и мемуарной литературы, посвящённой Великой Отечественной войне [3, с. 75; 7, с. 101; 10, с. 547-548; 13, с. 47]; различные внеурочные мероприятия, посвящённые теме Великой Отечественной войны (акции, квизы, дела) [3, с. 75; 7, с. 101]; посещение музеев [2, с. 45; 3, с. 75; 7, с. 101].

По замечанию Н.Н. Поляковой, для осознанного и бережного отношения к памяти о Великой Отечественной войне, воспитания патриотизма у обучающихся, необходимо использовать пример героизма, стойкости и мужества советского народа, не только на уроках, но и в любой момент, когда это позволяет ситуация [14, с. 102-104]. Важным при этом, как отмечают В.П. Голованов и Е.С. Слесаренко, является отказ от подхода, где все мероприятия привязаны к празднованию 9 мая и происходят лишь один раз в год. По мнению исследователей, необходим комплексный подход на протяжении всего периода обучения [3, с. 75]. В том числе, по мнению М.А. Мамонтовой, Ю.С. Сивковой, Е.А. Кувалдиной, необходимо сформировать целостное представление о вкладе малой родины в победу в Великой Отечественной войне [9, с. 209; 16, с. 748-749].

В рамках эмпирического исследования были использованы такие методы, как: опрос, беседа и наблюдение. Были опрошены 112 обучающихся 7–8 классов в возрасте 12–14 лет. Опрос проводился в период с 22.09.2025 г. по 24.10.2025 г. Вопросы составлял учитель истории МАОУ «Гимназия» № 5 г. Мегиона Ульянов Егор Александрович. Целью данного опроса являлось выявление интереса обучающихся к Великой Отечественной войне. Беседа с обучающимися 7–8 классов проходила во время проведения «урока безопасности». Она

проводилась в период с 15.09.2025 по 26.09.2025. Цель беседы – выявление представлений обучающихся о Великой Отечественной войне.

Результаты исследования. Опрос показал (табл. 1), что для большинства обучающихся Великая Отечественная война является важным событием. Было выявлено, что в формировании представлений обучающихся о Великой Отечественной войне основную роль занимает школа. В этом помогают такие мероприятия, как проведение различных викторин, квизов, квестов, акций, интеллектуальных игр, тематических уроков-реконструкций, киноуроков, посещение музеев, подготовки мероприятий, посвящённых памятным датам и праздникам, встречи с детьми войны на базе школы и их посещение на праздники обучающимися. Таким образом, обучающиеся знакомятся с подвигом ветеранов Великой Отечественной войны не только через рассказы учителей, но и через рассказы людей, видевших Великую Отечественную войну своими глазами. Благодаря таким мероприятиям обучающиеся получают информацию, в том числе о ветеранах Великой Отечественной войны, ушедших из Ханты-Мансийского автономного округа, а также о ветеранах из числа коренных народов Западной Сибири (ханты и манси). Использование обучающимися разных источников информации, посвящённых Великой Отечественной войне, говорит о том, что данное событие вызывает у них интерес. Показательным является и то, что музей играет важную роль в формировании представлений обучающихся о Великой Отечественной войне, из чего можно сделать вывод о большом потенциале музейных экспозиций, в том числе важной просветительской роли музеев и необходимости создания музейного пространства на базе школы.

Таблица

Вопросы и результаты анкетирования обучающихся 7–8 классов

Вопросы	Кол-во положительных ответов
Как Вы считаете, нужно ли рассказывать о Великой Отечественной войне сейчас?	92
Рассказывают ли Вам о Великой Отечественной войне в школе?	107
Рассказывают ли Вам о книгах, посвящённых Великой Отечественной войне?	86
Рассказывают ли Вам о ветеранах-участниках Великой Отечественной войны?	104
Рассказывают ли Вам о ветеранах Великой Отечественной войны, ушедших на фронт из Ханты-Мансийского автономного округа?	70
Рассказывают ли Вам о ветеранах Великой Отечественной войны из числа коренных народов Западной Сибири (ханты и манси)?	40
Как Вы думаете, заменят ли рассказы (родителей, бабушек, дедушек, учителей) о Великой Отечественной войне, книги, посвящённые военной тематике?	31
Читаете ли Вы художественную литературу о Великой Отечественной войне?	50
Читаете ли Вы научную литературу (статьи, исследования), посвящённую Великой Отечественной войне?	56
Читаете ли Вы новости, в которых рассказывают про события Великой Отечественной войны?	75
Есть ли в вашем городе музей?	76
Представлены ли в нём экспонаты, посвящённые Великой Отечественной войне?	62
Хотели бы вы сходить в музей, посвящённый Великой Отечественной войне?	82

Во время проведения «урока безопасности» были заданы такие вопросы, как: «Когда началась Великая Отечественная война?»; «Какую продукцию поставлял Ханты-Мансийский автономный округ на фронт?»; «Ходили ли ученики в школу во время Великой Отечественной войны?». Большинство обучающихся справились с первым вопросом, но отмечены затруднения в названии месяцев и чисел начала и конца Великой Отечественной войны. Остальные вопросы вызывали особенные затруднения. Так, на вопрос: «Какую продукцию поставлял Ханты-Мансийский автономный округ на фронт?», основной ответ был «пушнина». После наводящих вопросов ученики также смогли назвать рыбную продукцию, строительный лес, мясную продукцию. Небольшое количество обучающихся также называли нефть и газ. На вопрос: «Учились ли ученики в школах во время Великой Отечественной войны?», большинство обучающихся отвечали, что нет, связывая это с тем, что ученикам было некогда и негде учиться.

В рамках беседы также были показаны отрывки из документального фильма Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» 1965 г. Для большинства обучающихся было непонятно, почему нацистами было истреблено такое количество людей, в том числе женщин и детей. На вопрос: «Какие народы преследовались и уничтожались нацистами?» большинство обучающихся 7–8 классов отвечали, что уничтожали цыган и евреев, при этом лишь немногие называли народы, проживавшие на территории Советского Союза.

К сожалению, нужно отметить, что в ходе дискуссии не все обучающиеся проявляли активное участие, а некоторые и вовсе показывали полное безразличие к данной теме.

В ходе исследования было выявлено, что большинство обучающихся считает важным сохранение памяти о Великой Отечественной войне, что говорит о значимой роли данного события в сознании обучающихся общеобразовательной школы. При анализе результатов исследования было отмечено, что школа имеет важное значение при формировании представлений у обучающихся, а также то, что тема Великой Отечественной войны вызывает интерес у подростков. Несмотря на проводимые в школе мероприятия, у обучающихся выявлены пробелы в знаниях и искажения в представлениях о Великой Отечественной войне. Не все обучающиеся 7-8 классов считают важным сохранение исторической памяти о данном событии, в связи с чем становится актуальным введение новых способов формирования о нем целостных представлений и знаний у обучающихся. К ним можно отнести: музейные уроки, внеурочное чтение художественной и мемуарной литературы, различные мероприятия (акции, квизы, дела). При этом, важно учесть, что для создания образа и сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне, необходимо говорить о подвиге народа при любом подходящем моменте, а не только во время уроков, мероприятий и праздников. В том числе информация о Великой Отечественной войне должна нести в себе сведения о героях войны из ХМАО-Югры для понимания подрастающим поколением вклада малой родины в общую победу.

Литература

1. Бурдаков К.А., Петрова Н.Э. Великая Отечественная война глазами молодежи // Актуальные проблемы речевой культуры будущего специалиста. Донецк, 2025. С. 194-196.

2. Волосков И.В., Попов Д.А. Великая Отечественная война в зеркале общественного мнения молодежи и практики сохранения памяти о войне в молодежной среде // *A Posteriori*. 2025. № 6. С. 42-47.
3. Голованов В.П., Слесаренко Е.С. Победа в великой отечественной войне 1941–1945 гг.: воспитательный потенциал для подрастающих поколений // *Педагогика: история, перспективы*. 2025. № 1. С. 69-82.
4. Захарова Е.М. Великая Отечественная война в исторической памяти российской молодежи // *Экономика, социология и право*. 2016. № 4-2. С. 52-54.
5. Ильин А.Ю., Игнатова Т.В., Понеделков А.В., Воронцов С.А. Историческая память молодежи Республик Карелии и Коми об итогах Великой Отечественной войны: по материалам социологического опроса // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2020. №3. С. 252-256.
6. Ильин А.Ю., Рожнева С.С. Молодежь о Великой Отечественной войне: взгляд из регионов России // *Studia Humanitatis Borealis. Северные гуманитарные исследования*. 2022. №3(24). С. 44-70.
7. Колосова Е.А. Проблемы сохранения и актуализации памяти о Великой Отечественной войне у современных детей и подростков // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2016. № 2(4). С. 99-104.
8. Кудряшова Н.С., Лютов В.Д., Петросян Л.А., Юзбашян В.М. Великая Отечественная война в исторической памяти современной молодежи: социологическое исследование // *Молодые ученые – развитию Национальной технологической инициативы (ПОИСК)*. 2020. № 1. С. 759-760.
9. Мамонтова М.А. Особенности восприятия Великой Отечественной войны школьниками старших классов // *Омские научные чтения: материалы VI Всероссийской научной конференции: в 2 ч.* Омск, 2024. С. 205-210.
10. Метейко М.А. Воспоминания подрастающего поколения о Великой Отечественной войне как источник сохранения исторической памяти // *Черноморско-средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 22–24 мая 2025 г.)*. Краснодар, 2025. С. 544-548.
11. Пескова А.В. Война глазами детей // *Памяти предков будем достойны: Материалы Региональной научно-практической конференции, посвященной 80-летней годовщине начала Второй мировой войны Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне*. Липецк, 2021. С. 87-89.
12. Подлесная М.А., Соловьёва Г.В., Ильина И.В. Историческая память: школьники и студенты об истории России // *Вестник Института социологии*. 2021. Т. 12. № 2. С. 55-82.
13. Поль Д.В., Брянцева О.Н. Память о Победе в Великой отечественной войне как одно из оснований национально-культурной топики // *Культурное наследие России*. 2016. №1. С. 44-49.
14. Полякова Н.Н. Воспитание уважительного отношения к подвигу воинов Великой Отечественной войны у школьников посредством шоковой педагогики // *Актуальные проблемы педагогических практик: полемика магистрантов: сборник научно-практических статей*. СПб., 2020. С. 101-104.
15. Приказ Минпросвещения России от 31.05.2021 № 287 (ред. от 18.06.2025) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». <https://clck.ru/3R2F7n>.

16. Сивкова Ю.С., Кувалдина Е.А. Проект «Живая память» как средство патриотического воспитания подростков // Общество. Наука. Инновации (НПК-2022): Сборник статей XXII Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х томах. Киров, 2022. Т. 1. С. 748-757.

17. Турков Е.А. Восприятие Великой Отечественной войны российскими старшеклассниками: анализ символов и образов // Власть. 2020. Т. 28. № 5. С. 105-109.

18. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «Об образовании в Российской Федерации». <https://clck.ru/3R2FF2>.

© Ульянов Е.А., 2026

Цысь В.В.

д-р ист. наук

Нижневартовский государственный университет

г. Нижневартовск, Россия;

МАУ «Экоцентр»

г. Мегион, Россия

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАУ «ЭКОЦЕНТР» Г. МЕГИОНА ПО ИЗУЧЕНИЮ И СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В 2020-е гг.

Аннотация. В статье характеризуются основные направления научной и культурно-просветительской деятельности «Регионального историко-культурного и экологического центра» («Экоцентр») города Мегион по сохранению и изучению исторической памяти о Великой Отечественной войне. Отмечено, что научная работа разворачивается по двум направлениям: изучение малоизвестных сражений, преимущественно на южном фланге советско-германского фронта, сбор и систематизация сведений о ветеранах, тружениках тыла, «детях войны». Просветительская работа проводится в форме публичных лекций, записей роликов с последующей их выкладкой в сети Интернет, организации выставок, патриотических акций и проектов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Мегион; «Экоцентр»; историческая память; культурно-просветительская работа; краеведение.

На территории ХМАО-Югры муниципальные музеи начали активно развиваться лишь на закате Советского Союза и в постсоветский период. Этому способствовали приобретение большей самостоятельности в распоряжении получаемых из местных источников доходов, стабилизация миграционных потоков и как следствие осознание необходимости формирования региональной идентичности, изменение государственной идеологии. Все это прямо или косвенно способствовало появлению большого числа муниципальных, поселковых, сельских музеев, которых в Югре в настоящее время насчитывается около четырех десятков.

Одним из таких музеев является муниципальное автономное учреждение «Региональный историко-культурный и экологический центр» («Экоцентр») в истории которого отразились особенности, направления, проблемы развития музейного дела в Югре.

Он берёт своё начало с образования в 1987 г. школьного краеведческого кружка. Два года спустя в 1989 г. по решению Мегионского горисполкома школьный музей получил статус краеведческого. В 1997 г. на базе Краеведческого музея было образовано муниципальное автономное учреждение «Региональный историко-культурный и экологический центр». В настоящее время в его структуру входят: Краеведческий музей, Музейно-этнографический и экологический парк «Югра», Центр народных художественных промыслов и ремесел (ЦНХПиР); Музей-стойбище рода Казамкиных; Туристско-информационный центр; Служба по содержанию и обслуживанию памятников [2].

За три десятилетия с момента создания «Экоцентр» существенно расширил поле своей деятельности, которое в настоящее время охватывает ряд направлений. Одно из них: история Великой Отечественной войны – неисчерпаемая тема, к которой неоднократно будут обращаться как наши современники, так и последующие поколения исследователей.

Основой для характеристики работы по указанной теме являются отчетные и методические материалы МАУ «Экоцентр», хранящиеся в ведомственном архиве [см.: 1], а также подготовленные ее сотрудниками научные и научно-популярные издания. Ее рассмотрение представляется вполне актуальным, поскольку опыт работы «Экоцентра» может быть востребован, прежде всего, небольшими провинциальными музеями, которых в нашей стране подавляющее большинство.

В первую очередь, следует указать на научные изыскания, которые сотрудниками «Экоцентра» ведутся по нескольким приоритетным проблемам. Особо нужно выделить проект, реализуемый научным сотрудником А.А. Полищуком, связанный с малоизученными страницами Великой Отечественной войны. Значение данной работы выходит далеко за рамки муниципалитета и имеет не только региональный, но и общероссийский резонанс. Речь идет о серии монографий, посвященных истории наступательных операций Красной Армии.

В частности, следует отметить книгу «Битва за Донбасс», ставшую итогом научных изысканий автора в архивах Министерства обороны РФ, военных архивах NARA (США) и Фрейбург (ФРГ) [4]. Работа, приуроченная к 80-летию начала войны, явилась результатом большого труда, проведенного сотрудниками «Экоцентра». Она отражает авторский взгляд на события июля 1943 г. на южном участке советско-германского фронта и освещает Изюм-Барвенковскую операцию – первую попытку освобождения Донбасса советскими войсками.

В 2024 г. А.А. Полищук выпустил книгу, посвященную Жиздринской наступательной операции 1943 года [6]. Автор сумел раскрыть один из важных сюжетов, касающихся развертывания боевых действий на советско-германском фронте в переломный момент Великой Отечественной войны, вписав разрабатываемую им проблему в контекст военного противостояния вермахта и Красной Армии в целом. Работа насыщена большим количеством фактического материала и представляет собой последовательную характеристику подготовки и проведения боевых действий в районе Жиздры на протяжении февраля – марта 1943 года. Автор, на наш взгляд, продемонстрировал глубокое знание предмета исследования, заинтересованность в раскрытии малоизвестных страниц истории Великой Отечественной войны. В работе использован комплекс разнообразных источников, в том числе, впервые вовлекаемых в научный оборот. Книга стала лауреатом III степени в номинации «Музейное издание» конкурса Департамента культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Музейный олимп Югры 2023».

В очередном издании, выпущенном в 2025 г., научным сотрудником «МАУ «Экоцентр» были раскрыты истории боев за Витебск и Оршу зимой 1943–1944 гг. [5]. Работа построена на тех же принципах и с использованием такого же широкого круга источников, что и предыдущие книги автора. Ее презентация состоялась в августе 2025 г. в рамках ежегодной научно-практической конференции «Югра – диалог поколений». В перспективе предполагается придать изданиям научного сотрудника МАУ «Экоцентр» большую академичность, для чего разворачивается плодотворное сотрудничество с Нижневартковским государственным университетом.

Важно отметить, что А.А. Полищук при исследовании названных выше проблем старается найти информацию о югорчанах – участниках описываемых событий. Эти сведения включаются в книги и в дальнейшем могут использоваться при поисковой и просветительской деятельности.

Работа же по изучению вклада мегионцев в Победу в Великой Отечественной войне разворачивалась в предшествующий период. Еще в 2005 г. была выпущена первая книга серии по данной теме, следующие – в 2007 и 2013 гг. Они посвящались погибшим на фронтах Великой Отечественной войны, ветеранам, труженикам тыла, узникам концлагерей. Последняя, четвертая книга рассказывает о мегионцах – «детях войны» [3]. Текстовый материал дополняют фотографии, личные документы, иллюстрирующие боевой и трудовой путь героев книги, а также их родителей. Однако очевидно, что потенциал сбора устной информации о судьбах участников войны, тружеников тыла, воспоминаний, в значительной степени исчерпан. Можно говорить о дальнейших изысканиях архивных документов. Обзорная информация по вопросу участия мегионцев в боевых действиях опубликована в одной из книг А.А. Полищука [7].

Второе направление – организация и проведение выставок, посвященных отдельным событиям Великой Отечественной войны.

На ее разработку накладывает отпечаток специфика Мегиона, как сравнительно молодого города, население которого формировалось преимущественно с начала нефтегазового освоения Тюменского севера в 1960-е – 1970-е годы. Люди сюда приезжали из разных уголков страны. Каждый привозил частичку своей семейной памяти о войне, но лишь небольшое число предметов, которые могли бы в перспективе пополнить музейные коллекции. Это обстоятельство ограничивает возможности «Экоцентра» в данном отношении. Так, в январе – марте 2024 г. была организована выставка «900 дней мужества», посвященная героической блокаде Ленинграда, основанная на тематическом методе экспонирования. Музейных предметов по указанной теме в «Экоцентре» немного. Однако подготовкой выставки занимался сотрудник (В.А. Балглей) – внук участника блокады, сохранивший воспоминания своего деда и включивший их в текст составленной им экскурсии.

В 2020 г. проводилась передвижная выставка «Письма с фронта», приуроченная к 75-ой годовщине Дня Победы в Великой Отечественной войне. Ребята познакомились с письмами, извещениями и открытками пришедших с фронта солдат, хранящимися в фондах МАУ «Экоцентр».

Еще одно направление – организация различного рода просветительских патриотических акций, проектов, в том числе, всероссийских, таких как «Свеча памяти», «Лица Победы», «Памяти героев», «Поклонимся великим тем годам», «Всеобщая минута молчания» и др. Например, в ходе реализации онлайн-проекта #ПисьмасФронта специалисты «Экоцентра» прочли письма участников войны, хранящиеся в фондах.

В 2020 г. в городе Мегионе состоялась торжественная церемония открытия мемориального комплекса «Аллея Славы», установленного в память о героях минувших войн – Великой Отечественной, Афганской и локальных конфликтов. Важно отметить, что

помещенные на мемориале сведения (сражения, имена военачальников) отобраны по заказу городской администрации сотрудниками «Экоцентра».

Следующее направление – изучение отдельных музейных предметов с целью их научного описания и последующего вовлечения в исследовательскую и выставочную деятельность. Такая работа ведется систематически в рамках проекта по теме «Исторический контекст наследия Великой Отечественной войны в предметах МАУ “Экоцентр”». Здесь определенную помощь оказывают поисковые отряды, периодически пополняющие фонды музея находками с полей сражений.

Популяризация боевого и трудового подвига советского народа проводится в следующих формах: передвижные выставки, видеоролики, публичные лекции. В частности, в 2022 г. подготовлена и выложена в сеть «Интернет» серия роликов на такие темы как «“Черкасский” котел – дивизия СС “Викинг”, контрудар 47-го танкового корпуса»; «Операция “Смерч”»; «Курская битва»; «Операция “Полярная звезда”»; «Боевые действия в Северной Африке»; «Ростовская наступательная операция»; «Югославия 1941 г.»; «Нереализованные возможности РККА в 1942–1943 годах» (в настоящее время ролики выложены на платформе Rutube).

Публичные лекции в рамках проекта «Исторические события Великой Отечественной войны» проводятся преимущественно по заявкам образовательных учреждений. В 2022 г. их слушателями стали 974 чел., в 2023 г. – 318 чел.

Передвижные и стационарные выставки («Подвиг великий и вечный», «Поклон тебе Великая Победа», «Этот день мы приближали как могли», «Без срока давности», «Боевые награды Родины», «Блокадный хлеб» и др.) традиционны по представленному материалу и содержанию. Интерактивная составляющая заключалась в возможности посетителю принять участие в написании «фронтового письма» (в акции участвовало до 700 чел.).

Таким образом, деятельность МАУ «Экоцентр» г. Мегиона по изучению и сохранению памяти о Великой Отечественной войне в последние годы разворачивается по нескольким направлениям, связанным как с изучением, так и с популяризацией знаний о великом подвиге советского народа в период военного лихолетья. Помимо раскрытия вклада призванных в Красную Армию непосредственно из тогдашней деревни Мегион, а также тружеников тыла, важное значение имеет изучение биографий тех мегионцев – ветеранов Великой Отечественной войны, которые сюда приехали позднее – в период нефтегазового освоения. Научные изыскания по ряду малоизвестных боевых операций составляют важнейшее направление работы «Экоцентра». Здесь определенной проблемой является поиск средств на издание книг по данной тематике. Приходится рассчитывать на спонсоров и в перспективе – грантовую поддержку со стороны фондов губернатора ХМАО-Югры. Умение сочетать научность, академизм и широкую просветительскую работу является немаловажным достоинством данного направления деятельности «Экоцентра», которое далеко не всегда можно обеспечить в условиях небольших провинциальных музеев.

В заслугу руководства «Экоцентра» следует поставить умение аккумулировать силы местных краеведов, профессиональных ученых, занимающихся проблематикой,

соответствующей профилю музея, организовать и всячески стимулировать их работу. Это позволило развернуть достаточно активную и плодотворную издательскую деятельность, касающуюся, в том числе, истории Великой Отечественной войны.

Литература

1. Архив МАУ «Экоцентр».
2. Мегион: очерки истории. Ч. 2. Мегион: ПК Астер-ЕК, 2022. 160 с.
3. Мегионцы – люди высокого долга. Кн. 4: Дети войны / под общей ред. В.В. Цыся. Мегион, 2020. 176 с.
4. Полищук А.А. Битва за Донбасс. Изюм-Барвенковская операция 17-27 июля 1943 года – первая летняя попытка освобождения Донбасса. Брянск: МОО «ИС», 2022. 435 с.
5. Полищук А.А. Генерал Гордов против «Белого медведя»... Витебская операция зимы 1943/44. М.: Перо, 2025. 193 с.
6. Полищук А.А. Жиздринская наступательная операция февраль-март 1943 года. 2024 г. 423 с.
7. Полищук А. Мегионцы на фронтах Великой Отечественной войны. Мегион: [б. и.], 2020. 67 с.

© Цысь В.В., 2026

Цысь В.В.
д-р ист. наук
Гасанов Н.Л.

студент магистратуры
Нижневартровский государственный университет
г. Нижневартовск, Россия

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСНОВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917–1921 ГГ. В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ 1990-х ГОДОВ

Аннотация. В статье проводится анализ описания персоналий Гражданской войны в России (1917–1922 гг.) в школьных учебниках 1990-х годов, с акцентом на эволюцию их оценок. Цель статьи – выявить, как менялось отношение к ключевым фигурам; кто основные действующие лица, герои с обеих сторон. Такой подход позволяет изучить переход от идеологизированной советской историографии к более сбалансированному изображению, где персоналии предстают не только как символы, но и как сложные личности с мотивами, ошибками и трагедиями, отражающими хаос эпохи.

Ключевые слова: Гражданская война; персоналии; герои; белые; красные; большевики; историография 1990-х.

Гражданская война в России (1917–1922 гг.) – это эпоха, где исторические события неразрывно связаны с судьбами ярких личностей: генералов, революционеров, атаманов и политиков, чьи решения определяли ход вооруженной борьбы. Анализ школьных учебников 1990-х годов [3; 4; 8], выпущенных издательствами «Просвещение» и «Дрофа» для старших классов, позволяет проследить, как меняется представление о них в один из переломных периодов отечественной истории.

В историографическом контексте война предстает как арена драматических судеб, где «герои» – не абстрактные символы, а сложные индивиды. Советская традиция (1920-е – 1980-е гг.) диктовала классовый подход: «красные» идеализировались как вожди пролетариата, а «белые» демонизировались как контрреволюционеры. Перестройка и 1990-е гг. ознаменовались «архивной революцией» и плюрализмом мнений: от идеологического редуционизма к объективности. Учебники стали зеркалом этого процесса. Указанная проблема рассмотрена в ряде работ современных исследователей [1; 2; 5; 9; 10]. В большинстве из них авторы отмечают сильную политизированность анализа данного периода отечественной истории. Однако вопросы о характеристике персоналий не становились предметом специального изучения.

Цель статьи – рассмотреть, как в учебниках 1990-х гг. описываются Гражданская война, ее основные действующие лица и герои, как менялось отношение к персоналиям. Для полноты сравнения с советской историографией привлечён учебник И.Б. Берхина и И.А. Федосова «История СССР» (1982 г.) [1], в котором война предстаёт как классовая борьба угнетенного пролетариата против контрреволюции и империализма. Это позволяет выявить эволюцию исторических интерпретаций в переходный период 1990-х гг., когда после краха советской идеологии наступило время широкого плюрализма мнений, а персоналии становились инструментом для понимания войны как человеческой трагедии.

В каждом из учебников Гражданская война трактуется как трагический конфликт, вытекающий из революций 1917 года, но с разными акцентами на причины и предпосылки. В учебнике 1995 г. Гражданская война определяется как следствие революций, где столкнулись классовые интересы: свергнутые группы (капиталисты, помещики) сопротивлялись потере власти и собственности, а большевики, игнорируя демократию (разгон Учредительного собрания), своими действиями толкали оппонентов (меньшевиков, эсеров) к вооружённой борьбе [3, с. 198-199]. Ее причинами названы Брестский мир, продовольственная диктатура, комбеды, разжигание классовой борьбы в деревне. Хронология: октябрь 1917 г. (захват власти большевиками) – октябрь 1922 г. (завершение на Дальнем Востоке).

Учебник 1992 г. описывает войну как «великое противостояние» социальных групп, где на первый план вышли классовые интересы, оттесняя общечеловеческие ценности (милосердие, гуманизм), с принципом «Кто не с нами, тот против нас» [4, с. 201-202]. Причины – эскалация насилия после Октября, поляризация сил (социалисты, анархисты, монархисты, центробежные тенденции). Хронология: с конца 1917 г. (ограниченные действия) по 1920 г. (основной период), с акцентом на вторую половину 1918–1920 гг., когда она определяла содержание жизни страны. Авторам учебника 1997 г. война видится результатом обострения противоречий после Брестского мира, разгона Учредительного собрания, вызвавшие недовольство различных политических сил от монархистов до социалистов [8, с. 152-153]. Ее причинами также названы продовольственный кризис, реквизиции, комбеды, голод в городах, ликвидация рынка. Хронология: с осени 1918 г. (после Брестского мира) по 1921 г. (борьба с крестьянами).

Во всех учебниках Гражданская война определяется как трагедия, корни которой уходят в революцию. В то же время можно выявить и различия: учебник 1995 г. акцентирует внимание на классовой составляющей, 1992 г. – на идеологии, 1997 г. – на экономике и политике.

Учебники 1990-х изображают лагерь враждующих сторон – участников Гражданской войны, как полярные, но внутренне противоречивые силы. Белые – антибольшевистская коалиция, объединенная идеей «единой и неделимой России», но раздираемая фракционностью. Красные – большевики, опирающиеся на классовую солидарность трудящихся и революционный энтузиазм.

Противники большевиков предстают как патриоты с трагическими судьбами, мотивированные идеей спасения единой и неделимой России. При этом часть действующих лиц просто упоминается в связи с теми или иными событиями (Керенский, Родзянко, Милюков, Струве, Долгоруков, Юренев, Пепеляев). Более подробная характеристика даётся лидерам белого движения. Так, А.В. Колчак в учебнике 1992 г. предстаёт как исследователь, полярник, позже диктатор, установивший и восстановивший на подконтрольной территории частную собственность, но делавший это в атмосфере алчности [4, с. 220]. Упоминаются также Врангель (командующий в Крыму); Милюков (кадет, ведет переговоры с немцами за восстановление монархии); Родзянко (политик, отвергнутый Красновым); Шульгин (составитель политической программы, критик белого движения); Скоропадский (гетман

Украины, опиравшийся на немцев); Петлюра (глава Директории); Винниченко (член Директории) [4, с. 210-223].

В учебнике 1995 г. ключевые лица: Алексеев (начальник штаба, организатор Добровольческой армии); Корнилов (командующий, бежавший из плена, убит 17 апреля 1918 г., символ борьбы); Деникин (из крестьян, командующий после Корнилова, военный талант); Колчак (полярник, командующий Черноморским флотом, «Верховный правитель» после переворота 18 ноября 1918 г., расстрелян 7 февраля 1920 г.); Юденич (командующий Северо-Западной армией, наступление на Петроград май-октябрь 1919 г.); Краснов (атаман Дона); Каледин (атаман Дона, застрелился); Дутов (атаман Оренбурга); Семёнов (атаман Забайкалья) [3, с. 199-202].

В учебнике 1997 г. также упоминаются Ю. Пилсудский (наступление поляков на Киев в мае 1920 г.); Маннергейм (предложение Финляндии идти на Петроград, отвергнутое Колчаком) [8, с. 156-167]. Отношение к персоналиям меняется: от патриотов (1995 г.) к фигурам, допустившим ошибки и репрессии (1997 г.).

Учебники 1990-х гг. впервые выделяют так называемую «третью силу» в Гражданской войне, ранее в советской историографии отнесённую к белому лагерю или же просто игнорируемую. Так, приводится краткая биография анархиста Н.И. Махно, упоминаются левые эсеры Я.Г. Блюмкин и Н.А. Андреев, убившие германского посла Мирбаха [3, с. 198], один из лидеров Кронштадтского мятежа 1921 г. С. Петриченко [3, с. 205]. В отличие от советского учебника [1], где «третья сила» (анархисты, левые эсеры, мятежные матросы из Кронштадта) трактуется как провокаторы и оппортунисты, союзники белых или империалистов, в учебниках 1990-х гг. она предстаёт как независимое движение, вызванное реакцией на военный коммунизм. Так, в качестве примера называется известный деятель анархизма Н.И. Махно [4, с. 222].

Всего в учебниках называется 31 персоналия с антибольшевистской стороны (включая третью силу). О 12 из них только упоминается, об остальных приводится более подробная характеристика (биография, действия, дальнейшая судьба). Данных лиц можно систематизировать по трем основным группам (табл. 1).

Таблица 1

Представители антибольшевистских сил, упоминаемые в школьных учебниках 1990-х гг.

Категория	Количество	Персоналии
Военные (генералы, атаманы)	13	Алексеев, Корнилов, Деникин, Колчак, Юденич, Краснов, Каледин, Дутов, Семёнов, Врангель, Пепеляев, Петриченко, Махно
Политики	13	Керенский, Миллюков, Родзянко, Струве, Долгоруков, Юренев, Шульгин, Чернов, Авксентьев, Блюмкин, Каплан, Гоц, Андреев
Националисты	5	Скоропадский, Петлюра, Винниченко, Пилсудский, Маннергейм

Следует указать на изменения в учебниках: в 1992 г. – 12 персоналий (больше военных и политиков, акцент на белых лидерах); в 1995 г. – 10 (добавлены атаманы, появляется акцент на биографиях); в 1997 г. – 6 (делается акцент на таких ключевых фигурах как Врангель, с добавлением националистов, таких как Пилсудский).

Если в советском учебнике разногласия внутри антибольшевистского лагеря затушевывались, «третья сила» (эсеры, крестьяне) игнорировалась или считались частью белого движения, персоналии белых демонизировались, часто упоминались без биографий, представлялись как «предатели, союзники империалистов», без мотивов их поведения, то в 1990-х гг. формируется более взвешенный, сбалансированный подход, появляется упоминание третьей силы (крестьянство) как независимой стороны Гражданской войны [8, с. 170], биографии белых как патриотов с трагическими судьбами.

Основные действующие лица, персоналии и герои со стороны красных – создатели Красной Армии, с акцентом на талантливых людей-самородков и военспецов, перешедших на сторону красных, руководители партии и советского государства – лидеры революции.

Для учебника 1992 г. характерно обилие имён, в том числе, второстепенных и малоизвестных для публики деятелей революции и Гражданской войны. Вероятно, это связано с необходимостью упомянуть лиц, репрессированных в период правления И.В. Сталина и реабилитированных в годы перестройки. Появляются ранее отсутствовавшие в историографии, и тем более в учебной литературе, Ф.Ф. Раскольников, К.Х. Данишевский, Э.М. Склянский, А.Е. Снесарев и др. Особое внимание привлекает фигура Л.Д. Троцкого. Впервые сообщается, что он «очень много сделал для превращения Красной Армии в революционную регулярную армию» и активно боролся с военной оппозицией в лице И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова и В.М. Смирнова, сопротивлявшейся привлечению военных специалистов [4, с. 210]. Характеризуются и ранее относившиеся к разряду «героев Гражданской войны» персоналии, например, В.К. Блюхер.

В учебнике 1995 г. называются Ленин (лидер, декреты, красный террор); Троцкий (председатель РВСР, создатель армии); Фрунзе (сделавший карьеру из фельдшера в полководцы, командующий Восточным фронтом, разгром Колчака); Будённый (1-я Конная армия, роль в разгроме Деникина); Тухачевский (командующий Западным фронтом); Брусилов (автор воззвания к офицерам); Вацетис (главком); Чапаев (комдив 25-й дивизии, участник взятия Уфы) [3, с. 203-205].

В учебнике 1997 г. называются Сталин, Урицкий (убит эсерами), Володарский, Подвойский (покушения), Тухачевский (полководец – самородок, боролся против крестьянских восстаний), Фрунзе (разгром Врангеля) [8, с. 158-160].

Данных лиц можно систематизировать по двум основным группам (табл. 2).

Таблица 2

Представители «красных», упоминаемые в школьных учебниках 1990-х гг.

Категория	Количество	Персоналии
Политические лидеры, революционеры	7	Ленин, Троцкий, Сталин, Урицкий, Володарский, Подвойский, Смирнов
Военачальники	11	Фрунзе, Будённый, Тухачевский, Брусилов, Вацетис, Чапаев, Блюхер, Раскольников, Данишевский, Склянский, Снесарев

В советском учебнике красные предстают как безусловно положительные персонажи, не имевшие темных пятен в своей биографии, военной и политической деятельности. Деление

персоналий жёстко классово детерминировано: красные (Ленин, Фрунзе и др.) – герои и «революционные гении», белые (Деникин, Колчак, Врангель) – «враги, предатели и союзники империалистов», без биографий или мотивов; третья сила – «провокаторы» (Махно как оппортунист, Блюмкин и Андреев как террористы, Петриченко как мятежник).

Таким образом, учебники 1990-х гг. предлагают развёрнутый портрет персоналий Гражданской войны, причем представители каждой из сторон имели как достижения, так и ошибки. При этом степени критики и акценты различаются. Так, в учебнике 1992 г. делается упор на моральный аспект вооруженного противостояния, 1997 г. – политический контекст происшедших событий, 1995 г. – более детальное описание биографий ключевых участников событий. Отношение к персоналиям эволюционирует от идеологизированного подхода в советское время к балансу. В сравнении с советским учебником, где Гражданская война – это классовая война пролетариата против контрреволюции, красные представлены как «герои», а белые описываются как «враги» без нюансов, учебники в 1990-е гг. разноплановы в использовании биографического материала. Это отражает переход к большей объективности, когда герои – не идолы, а живые люди, оказавшиеся в вихре эпохи. В них сочетаются элементы советской традиции (героизация красных) с новыми акцентами на трагизм фигур белых и разногласиях в обоих лагерях.

Литература

1. Берхин И.Б., Федосов И.А. История СССР: учебник для 9 класса / Под ред. М.П. Кима. М.: Просвещение, 1982. 320 с.
2. Горошенкина Е.А., Горошенкина Н.Г. Сложности организации процесса изучения темы «Гражданская война в России» на уровне профильного обучения в средней школе // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2018 г.: Материалы научной конференции «Гражданская война в России. К 100-летию Русской Революции 1917 г.» (г. Пермь, 21–23 ноября 2018 г.). Пермь, 2019. С. 547-550.
3. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России, XX век: учебная книга для 9 кл. общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение, 1995. 366 с.
4. Жарова Л.Н., Мишина И.А. История Отечества: учебная книга для старших классов средних учебных заведений / под ред. А.И. Самсонова. М.: Просвещение, 1992. 22,69 усл. изд. л.
5. Женина Л.В., Рязанов И.В. Содержательные и аксиологические аспекты преподавания темы «Гражданская война в России» и их интерпретация в школьной учебной литературе // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2018 г.: Материалы научной конференции «Гражданская война в России. К 100-летию Русской Революции 1917 г.» (г. Пермь, 21–23 ноября 2018 г.). Пермь, 2019. С. 536-543.
6. Кокоулин В.Г. Гражданская война в России в советских и постсоветских учебниках истории // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V Международной научно-практической конференции (г. Омск, 18–19 октября 2023 г.) Омск, 2023. С. 214-219.
7. Мамонтова М.А. Гражданская война на Востоке России на страницах современных учебников истории // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвящ. 100-летию восстановления совет. власти в Сибири (г. Омск, 13–14 нояб. 2019 г.). Омск, 2019. С. 149-152.
8. Островский В.П., Уткин А.И. История России, XX век: учебник для 11 кл. общеобразоват. учеб. заведений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дрофа, 1997. 496 с.

9. Сарин Д.П. Особенности изучения Гражданской войны в рамках школьной программы при переходе на линейную систему преподавания истории России // *Гражданская война и российская история: взгляд через столетие: материалы Всероссийской научной конференции* (г. Москва, 20 апреля 2018 г.). М., 2018. С. 161-170.

10. Цветков В.Ж. Отражение причин и последствий Гражданской войны в России в советских и современных российских учебниках (к вопросу о принципиальных различиях) // *Преподавание военной истории в России и за рубежом: сб. ст. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 191-199.*

© Цысь В.В., Гасанов Н.Л., 2026

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В УЧЕБНИКАХ ДЛЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ 2010-х – 2020-х ГОДОВ

Аннотация. В статье рассматривается эволюция трактовок советско-германских отношений конца 1930-х годов в российских школьных учебниках истории, изданных в 2010–2020-х годах. Показано, что в начале 2010-х годов преобладал многовариантный подход, допускавший разные, в том числе негативные, оценки советской дипломатии. После утверждения Единого историко-культурного стандарта (2014 г.) и проведения реформы исторического образования происходит выработка целостного, научно обоснованного и методически последовательного изложения отечественной истории.

Ключевые слова: советско-германские отношения; пакт Молотова – Риббентропа; историческое образование; учебники истории.

Актуальность темы связана с тем, что современные учебники и школьные программы формируют государственную политику памяти, воспитывают патриотизм и развивают научное мышление молодого поколения. Советско-германские отношения 1939–1941 гг. – одна из самых спорных тем в отечественной и зарубежной историографии: заключение Пакта Молотова – Риббентропа, его секретные протоколы и последствия сотрудничества до сих пор вызывают множество споров. Поскольку историческая политика влияет на общественное сознание, необходим тщательный анализ представления этих событий в школьных учебниках – с оценкой объективности, полноты и соответствия современной науке. В этом свете важен сравнительный анализ отечественных общеобразовательных учебников, выпущенных с 2010-х по 2020-е годы.

Историография темы обычно рассматривает её в контексте предвоенных событий и внешней политики СССР до начала Второй мировой. Исследователи отмечают разную тональность и противоречивые трактовки пакта Молотова – Риббентропа в учебниках: от критических до сохранения советских формулировок и идеологических клише. Монографии и статьи сравнивают нарративы разных стран, указывают на этноцентризм, беглость объяснений геополитической ситуации и тенденцию к «демилитаризации» преподавания. Многие авторы критикуют учебники за политизацию, выборочность фактов и попытки либо оправдать, либо обвинить СССР в развязывании войны. В итоге исследователи подчёркивают необходимость системного, сопоставительного анализа учебных текстов с учётом влияния государственной политики памяти. Самыми важными являются обширные статьи и монографии таких авторов как А.А. Данилов, Т.С. Бушева, И.А. Шеин и А.А. Ожиганова. Однако изучаемая нами проблема ими только затрагивается. Обращение к ней представляется важной исследовательской задачей.

В начале нового десятилетия (2010 г.) выходит обновленное издание учебника «История. Россия и мир в XX – начале XXI века» для 11 класса за авторством Л.Н. Алексашкиной, А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной. Текст учебника в параграфе № 33 «От Версаля до Мюнхена: международные отношения в 20-е – 30-е гг. XX века» описывает подписание пакта о ненападении между СССР и Германией 23 августа 1939 г. как важное событие перед началом Второй мировой войны. Упоминается приезд министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа в Москву и его переговоры с наркомом иностранных дел СССР Вячеславом Молотовым. Подчеркивается, что к договору прилагался секретный протокол, в котором определялись сферы влияния сторон в Восточной Европе, в том числе раздел территории Польши и признание Финляндии, стран Балтии и Бессарабии сферой интересов СССР. Указывается, что подписание пакта было продиктовано стратегическими интересами обеих сторон: СССР стремился отложить войну и выйти из международной изоляции, а Германия получила свободу действий в Европе. Отмечается неспособность великих держав и Лиги Наций предотвратить агрессию, что ставит под сомнение эффективность международных механизмов мира. Завершается текст указанием на то, что август 1939 г. стал последним месяцем перед началом масштабной войны. Всё описание событий занимает один лист. По всей видимости авторы в попытке уместить в учебнике период в 100 лет от 1900 г. до начала 2000-х гг. сильно сократили те темы, которые считали не особо важными, что и привело к подобному объему текста [1, с. 233-234].

В учебнике «История России XX–XXI веков» для 11 класса под редакцией А.О. Чубарьяна (2011 г.) сразу после текста о подписании пакта Молотова – Риббентропа авторы пишут о долгой и острой полемике среди политиков, историков, дипломатов и журналистов по поводу советско-германских отношений. Описав основные версии о вине И.В. Сталина или вынужденности пакта, авторы пишут о сложности обстановки в то время и необходимости использования принципа историзма. Подобный поворот в дипломатии имел множество различных последствий. Коминтерн и некоторые коммунистические партии были дезориентированы договорами с фашистской диктатурой. С другой стороны, СССР получал дополнительное время для подготовки к войне, которую все давно предвидели. Также Германия могла больше не бояться удара со стороны СССР во время войны с Британией и Францией, но и СССР теперь не боялся войны одновременно с Германией и Японией, так как последняя, готовившаяся к войне с СССР, после подписания пакта была вынуждена сама подписать договор с СССР. Далее авторы осуждают секретные протоколы к пакту, называя их аморальными и нарушающими правовые нормы [15, с. 113-114].

Еще один пример – учебник истории России В.С. Измозика и С.Н. Рудника для 11 класса 2013 г. издания. На его страницах советско-германским отношениям накануне войны отведено чуть больше одной страницы. Сокращению подверглась разность взглядов на эти события, торговые отношения и раскрытие причин. Но упоминается, что И.В. Сталин хотел добиться от Германии уступок в Финляндии и Болгарии с последующим включением их в свою сферу влияния. Отношение авторов к сталинской политике выражается в словах: «казалось», «по его замыслу», «Сталин наивно полагал» [8, с. 192-193].

Авторы также приводят точки зрения историков В.Д. Ермакова, М.И. Мельтюхова и Б.А. Томана. Первый называет договор вынужденным и временным союзом «между политическими антиподами»; второй считает его «значительной удачей советской дипломатии»; третий указывает, что Сталин надеялся «перехитрить врага», получив временные выгоды от раздела Европы [8, с. 196-197]. Вопросы после параграфа побуждают учащихся сравнить эти позиции и самостоятельно оценить мотивы советской политики, что свидетельствует о попытке авторов представить материал в аналитической форме.

Тема советско-германских отношений дана кратко, но сбалансированно: с одной стороны, признается прагматический характер действий СССР, с другой отмечаются их моральные и политические последствия. Что касается роли Советского Союза в начале Второй мировой войны, то в учебных материалах она описывается следующим образом: «Согласно секретному протоколу, 17 сентября 1939 года Красная Армия пересекла границу и заняла восточные территории Польши, населенные преимущественно украинцами и белорусами. Официально это подавалось как "защита" местного населения советскими войсками». Окончательная утрата Польшей своей государственности связывается с подписанием 28 сентября 1939 г. нового советско-германского договора о дружбе и границах [6, с. 94-98].

В период с 2013 г. по 2015 г. происходят существенные изменения в системе российского исторического образования. В октябре 2013 г. Российское историческое общество утверждает Концепцию нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. В декабре 2014 г. выходит приказ Министерства образования и науки РФ «О внесении изменений в Порядок формирования федерального перечня учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования», а в сентябре 2015 г. утверждается Единый историко-культурный стандарт [2, с. 103-106; 12].

В этом свете очень примечателен учебник О.В. Волобуева «История. Россия и мир» для 11 класса 2013 г. издания. В нем, как и в учебнике В.С. Измозика и С.Н. Рудника, описание всех дипломатических маневров накануне Второй мировой войны сильно урезано, но вопросов и заданий для учащихся по этой теме очень много. Интересен визуальный ряд к тексту учебника – английская карикатура 1939 г. «Союз А. Гитлера и И.В. Сталина», что в купе с текстом подталкивает учащихся к определенным выводам. В конце параграфа авторы высказывают крайне дискуссионную идею, что «СССР, обязавшийся не оказывать поддержки жертвам агрессии в Европе, оказался исключенным из антифашистской борьбы на начальном этапе Второй мировой войны», а секретные протоколы спровоцировали новую мировую войну [3, с. 143-144]. Тем самым авторы фактически записывают советское правительство в разжигатели Второй мировой войны, хотя и пытаются это скрыть, постоянно повторяя тезис о противоречивости дипломатии того времени.

В учебнике Н.В. Загладина и Ю.А. Петрова «История. Конец XIX – начало XXI века» для 11 классов 2014 г. выпуска подробно раскрываются переговоры СССР и Германии по разделению сфер влияния, указывается на проведение Англией аналогичных переговоров с Германией и на обыденность подобных соглашений. В тексте учебника хорошо обозначены

стремления всех сторон, в том числе, делается вывод, что «Советское правительство считало, что при любом развитии событий в Европе СССР останется в выигрыше. В случае начала общеевропейской войны Советский Союз избежал бы участия в ней, а его мощь стала бы решающим фактором победы одной из противоборствующих сторон. Это позволило бы советскому правительству значительно усилить свои позиции на международной арене». Но тут же авторы высказывают весьма дискуссионную версию, что СССР фактически превращался в невоюющего союзника Германии, и что в будущей перспективе это намного перевешивало те временные преимущества, которые обеспечивались пактом о ненападении [7, с. 181-184]. Если с идеями о том, что общественность приняла подобные события очень остро и неоднозначно, можно согласиться, то остальные выводы учебника кажутся слишком радикальными. Если СССР стал союзником и совместно с Германией «напал» на Польшу, почему никто из союзников не объявил войну СССР? Позиция США по отношению к начавшемуся освободительному походу РККА была выжидательной, госсекретарь Хэлл считал возможным высказать позицию США только после ответа от заинтересованных стран. Развитие советско-германских отношений виделось американскому правительству неоднозначно. После охлаждения отношений во время войны с Финляндией началось планомерное улучшение отношений. Странно было бы проводить подобную политику в отношении «союзника» Германии и «однозначного агрессора» [13].

Таким образом, в российской учебной литературе можно наблюдать сдвиг в интерпретации событий 1939 г. с акцентом на прагматизм в политике. Эти изменения отражают более сложное восприятие пакта и его последствий, а также развитие исторического дискурса в России. Результатом реформ в системе исторического образования стал больший контроль над учебными пособиями в школах и уменьшение разночтений в исторических учебниках. В октябре 2020 г. коллегия Министерства просвещения РФ утвердила новую концепцию преподавания истории в школе на основе обновленного историко-культурного стандарта, а разработка и внедрение единого учебника истории сдвинулись с мертвой точки. Но, несмотря на эти нововведения, всё также мнение отдельных коллективов авторов сильно влияло на доносимую до учащихся систему фактов и исторического знания [9].

В первой части учебника М.М. Горинова и А.А. Данилова для 10 класса 2021 г. указывается, что СССР вёл переговоры как с Англией и Францией, так и с Германией, но отдавал приоритет переговорам с первыми. Говорится, что договор о ненападении соответствовал обычным международным соглашениям и не был чем-то из ряда вон выходящим. В вопросах к параграфу для размышления авторы предлагают ученику ответить на вопрос: «Почему заключение советско-германского пакта было для СССР вынужденным, необходимым?», тем самым подталкивая их к определенному выводу [4, с. 174-175].

Во второй части учебника авторы пишут, что одновременно с усиленными дипломатическими действиями с Англией, Францией и США велись переговоры с Германией, Японией и Италией с целью максимального сдерживания этих стран от готовящейся войны с СССР. Имеется по большей части положительная оценка заключения договоров с Германией, а договор о ненападении с Японией назван важным успехом советской дипломатии [5, с. 4-6].

Следующий пример – учебник А.В. Шубина, М.Ю. Мягкова, Ю.А. Никифорова под общей редакцией В.Р. Мединского для 10 класса 2021 г. издания. Здесь присутствует краткое и конкретное объяснение, что СССР получил от договора о ненападении: «Таким образом, СССР не дал втянуть себя в военный конфликт с Германией и отодвинул свои границы к западу от важнейших политических и экономических центров своего государства». Этот вывод поддерживается вопросом под исторической картой изменений западных границ СССР в 1939–1941 гг.: «Как изменилась западная граница страны и какое значение это имело в дальнейшем для СССР?». В конце главы делается вывод, что подписание договора с Германией было вынужденным из-за попыток европейских стран натравить А. Гитлера на СССР, и этим действием Советский Союз стремился укрепить собственную безопасность [16, с. 157-164].

Итогом освещения данной темы в учебной литературе может служить единый учебник по истории России В.Р. Мединского, А.В. Торкунова для 10 класса 2023 г. издания. Текст повествует, что задача советского руководства заключалась в том, чтобы, если не предотвратить войну, то хотя бы отложить её начало. И.В. Сталину было известно о готовности Германии вторгнуться в Польшу, а затем и в Прибалтику. Чтобы не допустить этого, он согласился на предложение Берлина о заключении пакта о ненападении, что позволило СССР отсрочить нападение Германии почти на два года. Этот период был использован для активной подготовки Красной Армии к обороне, поступления нового вооружения в войска. За это время советские границы были значительно отодвинуты на запад, что обеспечило относительную безопасность таким ключевым регионам, как Киев, Минск и Одесса. Под защиту Красной Армии попали украинцы, белорусы и евреи, жившие на Западной Украине и в Западной Белоруссии. В итогах параграфа победа над японцами на Халхин-Голе и подписание договора с Германией названы «важнейшими победами» предвоенного СССР. Но также авторы пишут, что И.В. Сталин до последнего верил в «иллюзию» возможности предотвратить войну совсем [10, с. 273-285].

Таким образом, вместе с постепенной сменой оценки событий предвоенных советско-германских отношений российскими историками и исследователями произошли изменения в отечественных учебниках истории в сторону положительной оценки договоров СССР с Германией [11, с. 288-295]. В настоящее время акцент делается на прагматическую сторону вопроса и политическую целесообразность. Но некоторые идеи, высказанные в разное время, не прижились. Упоминание торговых соглашений между СССР и Германией встречается крайне редко. Созданием единого учебника истории в рамках задачи, поставленной российским президентом, снимется один из «трудных» для детского восприятия вопросов отечественной истории [14, с. 269-276]. В целом анализ показывает, что современная школьная историография стремится к целостному и взвешенному изложению трудных вопросов отечественной истории. Эволюция подходов к теме советско-германских отношений демонстрирует не только развитие методологии преподавания, но и укрепление роли государственной исторической политики в формировании ответственного, патриотического и аналитического взгляда учащихся на прошлое своей страны.

Литература

1. Алексашкина Л.Н., Данилов А.А., Косулина Л.Г. История. Россия и мир в XX – начале XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений. 4-е изд. М.: Просвещение, 2008. 431 с.
2. Витевицкий В.П. История как предмет в школах России. Часть 3. Эволюция школьных учебников истории в постсоветской России // Обозреватель – Observer. 2016. №9 (320). С. 91-110.
3. Волобуев О.В., Клоков В.А., Пономарев М.В., Рогожкин В.А. Россия и мир [XX век]. 11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений. 5-е изд. стереотип. М.: Дрофа: Веди-принт, 2013. 351 с.
4. Горинов М.М. История России. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 3 ч. Ч. 1 / под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2021. 175 с.
5. Горинов М.М. История России. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 3 ч. Ч. 2 / под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2021. 176 с.
6. Еремина Т.Ю. Учебники издательства "Вентана-Граф" в контексте реализации концепции нового УМК по отечественной истории // Актуальные вопросы современной науки и образования: материалы международной научно-практической конференции (г. Киров, 14–17 апреля 2015 г.). Т. 1. Вып. 14. Киров, 2015. С. 94-98.
7. Загладин Н.В. История. Конец XIX – начало XXI века: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. Базовый уровень. М.: Русское слово, 2014. 448 с.
8. Измозик В.С., Рудник С.Н. История России. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / под общ. ред. Р.Ш. Ганелина. М.: Вентана-Граф, 2009. 383 с.
9. Концепция преподавания учебного курса "История России" в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы (утв. решением Министерства просвещения РФ, протокол от 23 октября 2020 г. № ПК-1вн) // Банк документов, Министерство просвещения Российской Федерации. <https://clck.ru/3R2Mk7>
10. Мединский В.Р., Торкунов А.В. История. История России. 1914–1945 годы. 10 класс. Базовый уровень: учебник. 2-е изд., обновл. М.: Просвещение, 2023. 496 с.
11. Полиновская Е.А. Историческая дискуссия о советско-германских договорах 1939 года // «В надежде славы и добра...»: исторический факультет НГПУ в образовательном, исследовательском и социокультурном пространстве России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию НГПУ и исторического факультета. Новосибирск, 2015. С. 288-295.
12. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 декабря 2014 г. № 1559 «О внесении изменений в Порядок формирования федерального перечня учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 сентября 2013 г. № 1047» // Министерство юстиции Российской Федерации. <https://clck.ru/3RaY9R>.
13. Симонов М.А. Советско-американские отношения в 1939–1941 гг.: от идеологической вражды к экономическому сотрудничеству // Наука в мегаполисе Science in a Megapolis. 2024. № 10(66).
14. Трофимцева С.Ю. Пакт Молотова-Риббентропа: каким должно было быть прошлое, или причины "вечности" историко-политических мифов // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции. Севастополь, 2019. С. 269-276.

15. Чубарьян А.О. История России. XX – начало XXI века. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: профильный и базовый уровни; 5-е изд., дораб. и доп. М.: Просвещение, 2011. 300 с.

16. Шубин А.В. История России. Начало XX – начало XXI века. 10 класс: базовый уровень: учебник / под общ. ред. В.Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021. 431 с.

© Цысь О.П., Гончаров Д.В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алексеева Л.В.</i> ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ СССР В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (1941–1945): ЭТАПЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ДАННЫХ И ИХ ОБНАРОДОВАНИЯ	3
<i>Анисимов В.Д.</i> БОЕВОЙ ОПЫТ ЛЫЖНЫХ ОТРЯДОВ В СОВЕТСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	9
<i>Асеева А.С.</i> БИБЛИОТЕКИ ЮГРЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1941-1945 гг.)	15
<i>Беспалова Л.Н., Хмелева Л.А.</i> КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ В НЕМЕЦКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ В ПЕРИОД КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ	19
<i>Бодрова Е.В.</i> ЭВАКУАЦИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	25
<i>Болокина Л.А.</i> РАБОТА КАЛИНИНСКОГО ПРОТЕЗНОГО ЗАВОДА В 1945 г.	31
<i>Борисова В.В., Савченко Я.С.</i> ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ КРИТИКА ГАЗЕТЫ «СТАХАНОВЕЦ» С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА КОНТЕНТ-АНАЛИЗА	36
<i>Воропай Е.С.</i> ДОСУГ КАК ИНСТРУМЕНТ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И МЕХАНИЗМ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ВОРОШИЛОВГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1942–1943 гг.	44
<i>Гаврыш О.В.</i> МЕДИКО-САНИТАРНЫЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ (НА МАТЕРИАЛАХ ДОНБАССА)	50
<i>Голованов Е.С.</i> АКТУАЛИЗАЦИЯ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК РЕАКЦИЯ НА ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ В РУССКОЙ АРМИИ В 1914 ГОДУ	56
<i>Горбунова С.В.</i> «ВОЕННАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ» 1878 г. НА ГРАНИЦЕ С АФГАНИСТАНОМ КАК ФАКТОР ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ АНГЛО-РУССКОЙ ВОЙНЫ	62
<i>Гребенюков В.И.</i> К ОСМЫСЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ВОЙНА»	67
<i>Грицай Л.А.</i> ФЕНОМЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РУССКОМ САМОСОЗНАНИИ	73
<i>Девятов Р.М., Нестеров Д.А.</i> МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЛДАТ ВЕРМАХТА В СТАЛИНГРАДЕ 1942– 1943 гг., ЭТАПЫ И ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ	78
<i>Дитковская С.А.</i> ВОРОШИЛОВГРАДЩИНА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	83
<i>Дорджиева Е.В.</i> ВОЛОНТЕРСТВО КАК ВОЕННО-МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В УСЛОВИЯХ СВО	91
<i>Еремин С.В.</i> ПОДГОТОВКА И РЕАЛИЗАЦИЯ МУЗЕЙНОГО ПРОЕКТА «ЮГОРЧАНЕ-ГЕРОИ СВО» КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ ОБ УЧАСТНИКАХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ	98
<i>Зуйков Ю.А.</i> ПОДВИГИ КИРОВЧАН В ВИСЛО-ОДЕРСКОЙ ОПЕРАЦИИ И СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О НИХ В НАЗВАНИЯХ УЛИЦ НА РОДИНЕ ГЕРОЕВ	105

<i>Карпов В.П.</i> ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ВКЛАД ТЮМЕНСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА В ПОБЕДУ	112
<i>Ковалева О.А.</i> ДОБРОВОЛЬНАЯ ПОМОЩЬ ФРОНТУ КАК РЕСУРС ДОСТИЖЕНИЯ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ Г. ТЮМЕНИ).....	118
<i>Крылов В.А.</i> СЭМЮЭЛЬ ХОР КАК МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1937–1939): НА ПУТИ К «ВОЕННОМУ ГОСУДАРСТВУ».....	125
<i>Кузнецова А.А.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ АЗЕРБАЙДЖАН В 2000-е – НАЧ. 2020-х гг.	130
<i>Лешукова Е.В.</i> ТРУДНОСТИ С ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ХЛЕБОМ И СОЛЬЮ НАСЕЛЕНИЯ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943–1944 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ).....	136
<i>Лушников А.А., Сомкина А.Р.</i> РАДИСТКА, СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА ИЗ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ П.И. СМИРНОВА: ПОДВИГ НАРОДА ЧЕРЕЗ ЗЕРКАЛО БИОГРАФИИ	141
<i>Миرونчев С.В.</i> ПОМОЩЬ ФРОНТУ КАК НРАВСТВЕННАЯ ОСНОВА РОССИЙСКОГО НАРОДА: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	148
<i>Некрасов И.Б.</i> БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ АРМИИ ВРАНГЕЛЯ В АПРЕЛЕ–НОЯБРЕ 1920 г.....	153
<i>Орехова П.Э.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ ПОИСКА ВЛАДЕЛЬЦА БОЕВОЙ МЕДАЛИ ПО ЕЁ НОМЕРУ	159
<i>Полицук А.А.</i> К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЕРМАХТОМ ПРИБЫВАЮЩИХ ИЗ ЕВРОПЫ РЕЗЕРВОВ ДЛЯ НАСТУПЛЕНИЙ И КОНТРУДАРОВ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ.....	163
<i>Прохорова Е.Д.</i> ОБЪЯСНЕНИЕ ПРИЧИН И ХОДА ВОЙНЫ ПО ТЕМЕ «КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ 1524–1525 ГГ.» В 7 КЛАССЕ	172
<i>Салндер Д.В.</i> О ПРЕПОДАВАНИИ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ ШКОЛЬНИКАМ В ФОРМАТЕ ДИАЛОГА	176
<i>Силаева И.А.</i> ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ «РУССКОЙ» СИБИРИ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVIII ВВ. В ИССЛЕДОВАНИЯХ Н.Н. ОГЛОБЛИНА	180
<i>Сологуб Н.С.</i> СОВЕТСКАЯ НАГРАДНАЯ СИСТЕМА В МЕМУАРНОМ ДИСКУРСЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	186
<i>Ульянов Е.А.</i> ОТНОШЕНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ 7–8 КЛАССОВ К ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	194
<i>Цысь В.В.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАУ «ЭКОЦЕНТР» г. МЕГИОНА ПО ИЗУЧЕНИЮ И СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В 2020-е гг.....	200
<i>Цысь В.В., Гасанов Н.Л.</i> ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСНОВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917–1921 ГГ. В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ 1990-х ГОДОВ.....	205
<i>Цысь О.П., Гончаров Д.В.</i> СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В УЧЕБНИКАХ ДЛЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ 2010-х – 2020-х ГОДОВ	211